

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШАНИНКА
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Векторы развития современной России

«Война миров»: научное знание/
прагматика жизни

Материалы XIV Международной научно-
практической конференции
молодых ученых

17–18 апреля 2015 года

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2016

УДК 3
ББК 60
В26

В26 Векторы развития современной России. «Война миров» : научное знание / прагматика жизни. Материалы XIV Международной научно-практической конференции молодых ученых. 17–18 апреля 2015 года : сборник материалов / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 284 с.

ISBN 978-5-7749-1151-6

В сборнике представлены доклады участников XIV Международной научно-практической конференции молодых обществоведов, посвященные определению науки, как самодостаточного мира со своими правилами, этическими императивами, языками описания и противопоставлению науки жизни с ее многочисленными проблемами.

Для научных работников и специалистов, аспирантов и студентов в области социально-гуманитарных наук.

УДК 3
ББК 60

ISBN 978-5-7749-1151-6

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ

Акторно-сетевая теория: от онтологии к эмпирии

Маркс vs Латур: анализ возможностей и ограничений при делегировании действий не-человеческим актантам
Березкин А. 7

Действие в социологии: классические определения и новые подходы
Иванников Я. 15

Схизмогенез в цифровую эпоху: случай с техническими средствами нарушения и защиты интеллектуальных прав
Костин А. 25

Культурный и научный паттерны в пространстве знания этнографического музея
Руденко Н. 32

Нижний Новгород – город, скрепленный местами
Широков А. 45

Открывая село заново: исследования сельских территорий

Из города в село: переселения горожан в сельскую местность
Войнилов Ю., Мальцева Д., Шубина Л. 53

Трансформация коммуникационных процессов деиндустриального поселка
Епифанов Г., Пономарева К. 66

Неформальная занятость как стратегия поведения сельских жителей в условиях безработицы
Пономарева К. 73

Вопросы типологий сельских регионов и сельских населенных пунктов в советской и российской аграрной науке <i>Ризатдинов Р.</i>	77	Внутри «бильярдного шара»: домашние корни внешнеполитических решений <i>Сухов И.</i>	168
Этнография города		Постколониальные исследования и проблема «Другого» в мировой политике <i>Фадеева В.</i>	183
Почтовое отделение в малом городе <i>Гудова Е.</i>	96	МЕНЕДЖМЕНТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	
Этнография рынка флористики в малом городе <i>Ломакин И.</i>	104	Теория демократической школы и перспективы ее реализации в условиях современной России	
«Дополнительная информация» на памятниках: возможности анализа знакового пространства на примере кладбищ городов Кимры и Дубна <i>Шерстобитов К.</i>	113	Демократическая школа: проект и реальность <i>Кузнецова С.</i>	194
«Сильная программа» в культурсоциологии: проблема «культурной автономии»		Между высокой миссией и социальным заказом: насколько «демократичны» взгляды современных российских учителей? <i>Мальцева Д., Крыльников Н.</i>	197
Культурное расширение как результат успешности социального перформанса (на примере японского чайного действия) <i>Воробьева Н.</i>	130	Демократизация школьного образования в современной России: теория в действии <i>Селецкий Р.</i>	202
Представления о теле в современной йоге: культурсоциологический анализ одной йога-школы Москвы <i>Ковалева Е.</i>	140	ПСИХОЛОГИЯ	
Кинодокумент и образ времени <i>Пашаян Г.</i>	147	Личность в организации	
Ритуалы вины и позора в украинском конфликте 2013–2015 годов <i>Титков А.</i>	151	Перспективы успешного формирования личности курсанта в учреждениях образования военного типа <i>Красильникова М.</i>	207
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА		Корпорация как производство стресса <i>Просандеева Н.</i>	213
Современные подходы к теории международных отношений		Деформация личной свободы в корпорации <i>Федотова Ю.</i>	220
Аналитические подходы конструктивистов к глобальному управлению <i>Кочедыков И.</i>	160	Культурный интеллект как инструмент межкультурного взаимодействия в организации <i>Чигарькова С.</i>	229

Личность в педагогической психологии

Особенности моральной ориентации в подростковом и юношеском возрасте <i>Будагова С.</i>	235
Различия в характеристиках взаимодействия родителя и сиблингов (на примере отношения отца со старшим и младшим сиблингом) <i>Дериш Ф., Красильникова М.</i>	238
Отношение родителей к ребенку с ограниченными возможностями здоровья и к его болезни <i>Зерницкий О.</i>	242
Имплицитные теории интеллекта и личности и академическая успеваемость <i>Исмаилова А.</i>	256
Сиблинговая конфигурация как фактор различий в восприятии детьми родительского отношения <i>Корниенко Д., Дериш Ф.</i>	259
Психологическое благополучие слепых и слабовидящих подростков <i>Кощеева И.</i>	262
Трудности в социально-психологическом процессе адаптации людей с особенными способностями <i>Селина К.</i>	266
Феномены и динамика развития посттравматического стрессового расстройства у детей Беслана <i>Текаева М.</i>	268
Лонгитюдное исследование детей Беслана 2005–2015 гг. <i>Текоева З.</i>	276

СОЦИОЛОГИЯ

Акторно-сетевая теория: от онтологии к эмпирии

МАРКС VS ЛАТУР: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
И ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИИ ДЕЙСТВИЙ
НЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ АКТАНТАМ

АЛЕКСАНДР БЕРЕЗКИН
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

В рамках данной статьи мы рассмотрим, что представляет собой процесс делегирования действий, в чем его особенность в случае делегирования не-человеческим актантам. Под делегированием мы будем понимать передачу исполнения действия от одного актора к другому, иначе говоря, делегирование не-человеческому актанту означает, что исполнение некоторого действия совершается не человеком, а техническим объектом, инструментом. Давайте взглянем, как может происходить процесс делегирования, для чего используем кейс из книги Б. Латура «Наука в действии»¹, а именно, пример с ветряной мельницей. Чтобы добиться использования ветряной мельницы вне зависимости от направления ветра, механику приходится изменить всю конструкцию, заставив верхнюю часть крутиться, подставляя лопасти мельницы под нужное направление ветра. Иначе говоря, заставляя технику что-то делать за нас (в данном примере — молотить зерно), нам приходится создавать сложные технические сети, в которых акторами могут быть даже силы природы (в нашем примере — ветер). С одной стороны, автоматизация увеличивает наши возможности, например, производительность

¹ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 210.

(мельница может помолоть больше зерна, ведь она не устает), а с другой — усложняет сеть, заставляя нас нести определенные издержки, связанные с поддержанием сети (в данном случае это сложность конструирования мельницы, ее постоянное техническое обслуживание и т.д.). Такие издержки мы будем называть ограничениями. Таким образом, у процесса делегирования есть как минимум два свойства, в соответствии с которыми мы можем его оценивать относительно выполнения действия в отсутствии делегирования: возможности, которые делегирование дает, и ограничения, которые накладывает на актора. При этом стоит отметить, что связи и сеть можно построить по-разному, в зависимости от конфигурации сети распределяются действия. Иными словами, делегирование и связанные с ним возможности и ограничения напрямую зависят от конфигурации сети, а значит, привлекая определенные силы и разрывая связь с другими, мы изменяем тип или практику делегирования, из-за чего у нас появляются альтернативные возможности делегирования и соответствующие им ограничения.

Для того чтобы подробно рассмотреть, каким образом происходит изменение способов делегирования и какие в связи с этим возникают возможности и ограничения, мы используем материал, представленный в трудах К. Маркса, который охватывает лишь одну сферу человеческой жизни — материальное производство. К недостаткам выбора этого кейса относится прежде всего то, что делегирование не-человеческим актантам в сфере материального производства может значительно отличаться от других сфер, например, делегирования действий человеческого организма медицинской технике или делегирование работы с информацией, связанное с повсеместным использованием автоматических систем и алгоритмов, в сфере IT. Однако мы предполагаем, что делегирование как процесс, в какой бы сфере он не происходил, обладает определенными общими чертами, поэтому использование текстов Маркса становится вполне оправданным, а ограниченность сферы компенсируется подробным историческим описанием. Иначе говоря, мы сможем посмотреть, как изменялись способы делегирования действий в течение нескольких столетий, и выявить необходимые нам черты. В силу того, что результатом действия в материальном производстве является конкретный продукт, мы можем говорить, что возможно сравнение различных сетей

делегирования, несмотря на их временную дистанцию, хотя бы в силу того, что финальный продукт действий этих сетей — качественно сравним. В работе «Немецкая идеология» Маркс пишет: «...хлеб производится ныне с помощью паровых мельниц, а раньше производился с помощью ветряных и водяных мельниц, а еще раньше — с помощью ручных, что эти различные способы производства хлеба совершенно независимы от простого акта его поедания»¹. Это может являться подтверждением того, что результаты делегированного разным не-человеком действия соизмеримы. Зерно в муку можно молотить вручную, с помощью ступы и венчика, а можно делегировать это ветру, воде или пару, однако в результате получится мука, из которой можно испечь хлеб. Стоит отметить, что качество помола в каждом из этих способов различается, однако не настолько принципиально, чтобы говорить о несоизмеримости результатов действий.

Итак, обратимся к описываемому Марксом процессу перехода от ремесленного к мануфактурному, а затем к машинному производству. Описывая появление мануфактуры, Маркс пишет, что «она возникает из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, которые утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними в такой степени, что представляют собой лишь друг друга дополняющие частичные операции в процессе производства одного и того же товара»². До ее появления какое-либо изделие, например часы, было результатом действия конкретного человека, однако мануфактура расчленяет его работу на отдельные операции и делегирует эти операции различным людям. При этом специализацию проходят не только рабочие, которых Маркс называет частичными, но и орудия их труда. «Мануфактуру характеризуют дифференцирование рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения <...> изготавливается до 500 разновидностей молотков <...> Мануфактурный период упрощает, улучшает и разнообразит рабочие инструменты путем приспособления их

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. М.: Изд-во политической литературы, 1955. Т. 3. С. 541.

² Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1984. С. 350.

к исключительным особым функциям частичных рабочих»¹. Маркс действительно смог обнаружить этот факт в своем описании мануфактуры, ведь часы, произведенные на ней, это результат действия каждого рабочего и каждого орудия на мануфактуре, а также капиталиста, который этих рабочих собрал в рамках мануфактуры, т.е. они — результат распределенного по сети действия. Марксистское внимание к материальному в данном конкретном случае улавливает и распределение действия по сети, и особую роль орудий труда, которые приспособляются к своим пользователям. Подобно тому как в случае с Пастером, Латур показывает, как микробы социализируются, а люди микробиологизируются, Маркс демонстрирует, как на мануфактуре частичные рабочие в процессе специализации, становятся своего рода механизмами, орудиями для выполнения задачи. Но и орудия труда не остаются неподвижными, они изменяются, подстраиваются под нужды работника, выполняющего конкретную функцию настолько, что другую функцию таким орудием выполнить становилось крайне сложно. Рабочее время ремесленника никак не было отделено от свободного, он работал по мере заказов, выполнял все работы самостоятельно и последовательно, в итоге заказ делался долго, а количество производимых благ было небольшим. Рабочий на мануфактуре, в свою очередь, имеет жестко заданное время работы, но в остальное время он свободен и может общаться с семьей. Можно сказать, что самым фактом появления такого понятия, как «свободное время» мы обязаны капиталистическому способу организации труда, при этом количество произведенных благ увеличивается. Итак, в заявленных нами ранее терминах, делегирование производства благ — т.е. распределение действий по производству благ от одного актора-универсала к сети различно специализированных акторов — увеличивает количество свободного времени, увеличивает выработку — это получаемые возможности. С другой стороны, расширяется сеть, при этом акторы делаются взаимозависимыми настолько, что без связей с другими актер-рабочий уже не может ничего произвести и обеспечить свою жизнь, в отличие от актора-ремесленника — это получаемые издержки делегирования. «Она [трудовая сила рабочего] способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь

¹ Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. С. 353.

после продажи, в мастерской капиталиста»¹, — пишет Маркс, при этом выставляя данный факт как доказательство своей теории отчуждения, создавая образ капиталиста как образ врага. Однако с точки зрения сетевой теории капиталист — необходимое условие построения сети, которой является мануфактура. Именно он обеспечивает связи между разнородными элементами, а значит, делает общий вклад в реализацию делегирования и обретение соответствующих возможностей, которые с этого момента мы будем называть «возможностями делегирования» (поскольку они появляются лишь в процессе делегирования). Соответственно, то, что Маркс называет «обеднением рабочего индивидуальными рабочими силами»², в наших категориях уже не отчуждение, инициированное капиталистом и направленное на рабочего для привязки к его фабрике, но естественные последствия ситуации делегирования — ограничения делегирования, как мы теперь их будем называть. Дело не столько в самих материальных средствах производства, классовом разделении и капиталистическом производстве, дело в характере связей, в способе делегирования и вытекающих из этого способа ограничениях делегирования.

Вначале Маркс описывает сущность машины как таковой: «Всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины»³. Он так же отмечает, что роль двигателя может выполнять сила человека или животного (например, в случае с ручной швейной машинкой). Но особую важность для анализа делегирования имеет собственная рабочая машина, представляющая собой масштабированное человеческое орудие. «Количество рабочих инструментов, которыми человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных производственных инструментов, количеством органов его тела <...> дженни уже с самого своего появления прядет 12–18 веретенами, чулочновязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т.д.»⁴. Таким образом, в более высоком, по сравнению с простым

¹ Там же. С. 373.

² Там же. С. 374.

³ Там же. С. 384.

⁴ Там же. С. 385.

мануфактурным разделением труда, уровне делегирования, человек передает машине свое действие, поскольку машина может совершать одновременно больше процессов, ведь она не ограничена человеческим телом. При таком подходе человек может одновременно совершать действия, для которых раньше бы понадобилось несколько людей, но все эти операции одинаковы. При этом сначала человек контролирует машину, ведь именно он приводит ее в действие своей силой.

Однако такой тип делегирования все еще сильно зависит от силы человека. Следующим шагом становится привлечение к производству новых, более стабильных, нежели человек, сил — сначала это силы природы, как, например, вода. Но передача функции двигателя от человека или животного к воде накладывает новые ограничения делегирования — такое производство может существовать только около рек, чаще всего в сельской местности, оно не может находиться в произвольной точке. Однако это не оптимальный вариант, потому что ничто не может двигаться вне пределов сети, соответственно, такая фабрика несет крупные издержки по доставке сырья и распространению готового продукта — ведь все это не обязательно находится около реки. Решение данной проблемы требовало привлечения в сеть новых сил. Вот что об этом пишет Маркс: «...употребление силы воды, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруднениями. Нельзя было произвольно увеличить ее или сделать так, чтобы она появилась там, где ее нет; временами она истощалась и, главное, имела чисто локальный характер. Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первичный двигатель, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и мощность которого находится всецело под контролем человека»¹.

Сам паровой двигатель — это сложный технический артефакт, для создания которого пришлось мобилизовать различные силы. Необходима развитая система добычи угля, система доставки воды к паровой машине, знание физических законов, таких как механика, изучение силы трения, рычагов для передачи мощности машины-двигателя на разные машины-орудия, рабочих, производивших собственноручно металлические

детали для машины, механиков-сборщиков, необходимы были также денежные ресурсы, чтобы изобрести столь сложный механизм, — примерно так Латур анализирует производство более позднего типа двигателя — дизельного¹. Но это же подходит для двигателя парового. Маркс не анализирует производство двигателя как черного ящика, но описывает сеть, в которую он встраивается. «Но изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и т.д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных рабочих-механиков, уже подготовленных мануфактурным периодом <...> Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала»². Паровые двигатели связаны с мануфактурами, которые эти машины производят — Маркс понял, что нельзя рассматривать паровой двигатель, находящийся, например, на текстильной фабрике, в разрыве от тех элементов, которые его породили и обеспечивают его функционирование. Далее он пишет, что подобный способ производства — когда машины производят большое количество продукта, но при этом производство машин организовано вручную — приводит к тому, что количество машин недостаточно для масштабирования, они слишком медленно производятся, — это очередное ограничение делегирования, связанное с соответствующей конфигурацией сети. Необходимо было сделать следующий шаг — привлечь к производству машин новые силы, а именно сами машины. Но это потребовало длительного этапа исследований и конструирования. «Задача заключалась и в том, чтобы машинным способом придавать необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы <...> Генри Модсли разрешил эту проблему изобретением поворотного суппорта <...> Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму <...> Таким образом, стало возможным придавать геометрические формы отдельным частям машин “с такой степенью легкости, точности и быстроты, которую не смогла бы обеспечить и самая опытная

¹ Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. С. 388.

¹ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. С. 178.

² Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. С. 393.

рука искуснейшего рабочего»¹. Тут мы находим весьма интересную мысль: одно из ограничений делегирования — совершенства действий машиной, орудие которой подобно человеческому — есть интерфейс подключения. Если человеческий интерфейс — рука — универсален и может использоваться для любых задач, то интерфейс машины-орудия заточен только под одну операцию. Проблема баланса универсальности и специализации интерфейса является одним из ограничений делегирования.

Осталась еще одна мысль, которая сближает наблюдения Маркса и выводы акторно-сетевой теории: «...средства транспорта и связи, унаследованные от мануфактурного периода, скоро превратились в невыносимые пути для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом и массовым характером производства <...> Не говоря уже о полном перевороте в парусном судостроении, связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов»². Здесь мы видим не что иное, как иллюстрацию тезиса Латура о метрологических сетях, о которых он пишет как в «Науке в действии»³, так и в «Пересборке социального»⁴: ничто не может распространяться вне пределов сетей. Акторы постоянно проводят работу по прокладке метрологических сетей, которые позволяют создать общие стандарты для всех действующих в рамках одной сети, а также вообще создать возможность движения, перемещения, циркуляции. Именно поэтому промышленность может распространяться ровно туда, куда ведут железнодорожные, морские и сухопутные пути, а скорость распространения напрямую зависит от пропускной способности этих транспортных сетей. Именно это отметил Маркс, когда говорил, что средства транспорта мануфактурного периода ограничивали развитие машинного производства, поскольку их пропускная способность не соответствовала нуждам нового

¹ Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. С. 396.

² Там же. С. 396.

³ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. С. 381–397.

⁴ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 314–321.

типа производства, в итоге какие-то сети были просто обновлены (судоходство), но также появились и новые (железные дороги). Можно сказать, что именно построение соответствующей метрологической сети завершает процесс делегирования. При этом сама сеть является необходимым условием стабилизации процесса делегирования, обеспечивает его непрерывность и не-проблематичность.

Итак, делегирование неразрывно связано с конфигурацией сети, ее шириной и силой связей. Соответственно, возможности и ограничения делегирования также связаны с конфигурацией сети. Возможности делегирования — это процессы, в соответствии с которыми мы можем сделать сеть более стабильной, связи более сильными, а контроль над состоянием сети более полным (как, например, замена ручного труда — трудом орудий, работающих на силе пара). Возможности позволяют отказываться от определенных частей сети, при этом оставляя и приумножая другие связи, что делает сеть «хорошо связанной». Ограничения делегирования так же связаны с конфигурацией сети — это те силы, которые нам необходимо потратить, чтобы построить более стабильную, крепкую, контролируемую сеть. Они также связаны с тем, что мы для этого *вынуждены* отказаться от какой-то части сети, тем самым исключив людей и не-человеков, которые находятся в этой части сети. Мы можем не хотеть их исключать, но это неизбежно, иначе не получится выстроить сеть по-новому и, соответственно, изменить тип делегирования.

ДЕЙСТВИЕ В СОЦИОЛОГИИ:

КЛАССИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Ярослав Иванников

Московский педагогический государственный университет

Вопрос социального действия в социологии далеко не нов, но все время вызывает к себе интерес, становится поводом для дискуссий и переопределения данного понятия. Родоначальником «действия» в социологии считается Макс Вебер. После него многие исследователи затрагивали вопрос социального действия, работая в русле классического веберовского определения.

К концу же XX — началу XXI в. с появлением новых языков в социологии происходит переопределение понятия в рамках феноменологической социологии, теории фреймов, теории практик и акторно-сетевой теории. Пересмотр веберовского термина идет в рамках двух его компонентов: «смысла» и «других».

Для начала рассмотрим, что под *действием* понимал Макс Вебер. Он определяет его как «действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*»¹. Следом он добавляет, что *социальное действие* — это «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него»².

Вебер использует неокантианское понимание смысла, трансцендентного по отношению к действию. Так, Г. Риккерт рассматривает существование царства ценностей и царства действительности, единством которых является смысл. «Смысл акта переживания или оценки не есть ни бытие ни ценность его, но сокрытое в акте переживания значение для ценности»³. Актор, совершающий действие, обращается к существующему вне самого акта миру ценностей для того, чтобы совершить осмысленное действие. «Именно через соотнесение с ценностью действие обретает свой смысл. Действующий выходит за пределы своего личного бытия, обращается к миру ценностей, находит смысл и воплощает его в конкретном действовании»⁴. Кроме того, отнесение к ценности завязано на культурно-исторический контекст. «Веберовское отнесение к ценности — это сопоставление смысла действия с “установкой” современной ему исторической эпохи, свойственным данной эпохе “направлениям интереса”»⁵.

¹ Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602.

² Там же.

³ Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. С. 475.

⁴ Вахштайн В. С. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 64.

⁵ Кравченко Е. И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 122–142; То же. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-01krav.html>

Из такого понимания социального действия вырастает веберовская понимающая социология, где, чтобы понять смысл действия человека, необходимо определить, исходя из какой ценности, он действует. Истоки понимающей социологии Вебера можно проследить у Риккерта: «Только исходя из ценностей можно проникнуть в смысл субъекта и его актов»¹.

Под «другими» Вебер понимает окружающих людей: «Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. “Другие” могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей»².

Большое значение в концепции Вебера играет рациональность действия. По Веберу, социология должна заниматься изучением именно рациональных действий. Начиная с Вебера, в фокус социологического изучения попадает социальное действие, которое рассматривается как рациональное. Так, например, для Т. Парсонса целенаправленность является одной из важнейших характеристик действия. А. Маршал разрабатывает в русле идеи рационального действия концепцию пользы, рассматривает поиск выгоды как цель экономического действия. В. Парето создает концепцию логического действия.

Модель рационального действия человека в ее классическом социологическом понимании можно представить как трехчастную.

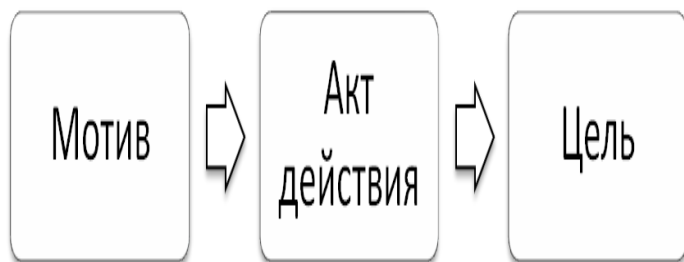
Посередине в данной модели находится непосредственный акт действия, слева мотив, т.е. то, что предопределяет действие (причина «из-за чего»). Мотив как бы направлен на действие из прошлого, в отличие от третьего (правого) компонента модели действия, цели. Мотивом, по Веберу, является «некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия»³. Цель — причина «для того, чтобы» — образ будущего

www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-01krav.html

¹ Риккерт Г. О понятии философии. С. 477.

² Вебер М. Основные социологические понятия. С. 625.

³ Там же. С. 611.

результата, т.е. ориентирована на будущее. Е.И. Кравченко пишет по этому поводу следующее: «Причиной действия становится его цель, т.е. модель предполагаемого результата, ее информационный эквивалент. Мы действуем в соответствии с поставленной целью («для того, чтобы»), и эта цель определяет образ наших действий («потому, что»), на чем, собственно, и настаивал Вебер»¹.

Альфред Шюц выступает как последователь учения М. Вебера о социальном действии, но вместе с тем и как его реформатор. Вслед за Вебером он использует трехчастную модель действия. Рассматривая социальное действие, Шюц указывает на наличие замысла, предшествующего совершению действию. Замысел также называется им проектом: «...проект является первичным и фундаментальным свойством действия»². В классическом понимании действие всегда находится замкнутым между его предпосылками (ценностные установки, мотивы), с одной стороны, и целью, тем, на что направлено действие, с другой. В этой связи стоит указать на мотивы действия, которые выделяет Шюц: «для-того-чтобы» мотив и «потому-что» мотив. «Для-того-чтобы» мотив связан с результатом действия, а «потому-что» мотив — с его предпосылками.

Вместе с тем действие в социологии повседневности рассматривается как неотрефлексированное, рутинное. Повседневное обыденное действие также можно назвать незамечаемым дей-

ствием. По типологии Вебера, подобное действие является традиционным, осуществляется по привычке. Таким действиям Вебер уделяет минимум внимания, оставляя их на обочине социологии. С этой «обочины» повседневные действия «подбирает» Шюц. Хотя предпосылки к переосмыслению веберовского «действия» мы находим уже у самого Вебера: «“Предполагаемый смысл” реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не создается. Действующий индивид лишь неопределенно “ощущает” этот смысл, а отнюдь не знает его, “ясно его себе не представляет”»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой»¹.

Феноменологическая социология по-новому определяет понятие смысла. В социологии повседневности у Шюца смысл не находится (как у Вебера) в царстве ценностей, он определяется как то, что конструируется здесь и сейчас, во взаимодействии, в коммуникации. Действие — это то, что создается во время взаимодействия. У Шюца смысл формируется в двух вариациях. Во-первых, это «субъективный смысл, которым человек наделяет собственный прошлый опыт, интерпретируя его из настоящего»², а во-вторых, это смысл, источником которого выступает накопившийся социальный опыт. Таким образом, у Шюца мы наблюдаем идею интерсубъективного смысла. Интерсубъективная природа смысла указывает на то, что смысл всегда присутствует в коммуникации.

Шюц отмечает наличие множества миров, таких как мир сна, научного теоретизирования, игры. Среди них привилегированное значение имеет мир повседневности, из которого черпается смысл совершаемых человеком действий. «Вследствие тезиса об интерсубъективном характере смысла, который у Шюца является аксиомой, “местом рождения” смысла может являться только повседневный мир»³. Из-за подобного «расположения» смысла наблюдается невозможность непосредственных переходов (в рамках теории Шюца) из одного мира в другой без обращения к миру повседневности.

¹ Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам. С. 122–142; То же. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-01krav.html>

² Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. С. 104.

¹ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 624.

² Ерофеева М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия: дис. канд. социол. наук. СПб., 2015. С. 22.

³ Ерофеева М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия. С. 26.

Проблема постоянного обращения к миру повседневности у Щюца разрешается в теории фреймов Ирвинга Гофмана с помощью введенной им в социологию категории фрейма и понятия фреймирования. Одно из пониманий того, чем является фрейм, мы находим у В. С. Вахштайна: «Фрейм — одновременно и “матрица возможных событий”, созданная “расстановкой ролей” взаимодействующих, и “схема интерпретации”, присутствующая в любом восприятии»¹. Тогда фреймирование можно определить как обрамление ситуаций интерпретативными схемами. Согласно Гофману, «фреймирование придает смысл событиям в восприятии наблюдателя»². Таким образом, монополия на обладание смыслом снимается с мира повседневности. Благодаря фреймированию, действия в других мирах также разделяются смыслом. При этом не существует отдельного стоящего мира, из которого у Вебера и Щюца актер черпает смысл, совершая действие. Смысл у Гофмана перебирается в саму ситуацию, операцию действия: «в терминах фрейм-анализа смысл есть продукт фреймирования»³.

Мы видим, что феноменологическая социология и теория фреймов вносят новые понимания смысла, отличные от неокантианского, использованного Вебером. «Осмысленное действие у Вебера и осмысленная деятельность у Щюца или Гофмана — это два далеко отстоящих друг от друга феномена. Многие положения неокантианской философии, на которую опирался Вебер, растворяются в философии множественных миров и в феноменологическом принципе конституирования смысла в индивидуальном сознании»⁴.

Следующим компонентом социального действия являются «другие». Согласно Веберу, ориентация на других придает действию его социальный характер. Более пристальное рассмотрение вопроса «других» в социальном действии занимает

последователя идей Вебера Ю. Хабермаса. Хабермаса интересует вопрос коммуникации и коммуникативного действия; «понятие коммуникации у Ю. Хабермаса описывается как процесс решения, основной целью которого является поиск согласия, компромисса для предстоящего действия»¹. Процесс коммуникации непосредственно связан с языком и речью, анализом которых он и занимается. При всем при этом Хабермас не отходит от классического понимания «других» как других людей.

Преобразование данного понятия производится Б. Латуром в акторно-сетевой теории (АСТ). Прежде чем рассмотреть то, как в ней понимается действие, было бы не лишним обратиться к рассмотрению теории практик², которая близка к АСТ и часто пересекается с ней. Кроме того, теория практик включает в себя исследование повседневности, поэтому Щюца и Гофмана часто относят к теоретикам практик. Таким образом, теория практик является той теоретической областью, в которой пересекаются различные социологические идеи, объединенные особенным взглядом на социальную реальность.

Теория практик берет в основу понимание смысла Л. Витгенштейном. В его исследованиях языка указывается на то, что смысл словам придает практика их произнесения, т.е. то, как они произносятся. В. В. Волков отмечает, что «у Витгенштейна практика или “форма жизни” задает условия осмысленности повседневного языка»³. Таким образом, стирается различие между высказыванием и действием.

К теории практик относят разновременных авторов (М. Мосс, Н. Элиас, П. Бурдьё, М. Фуко, Б. Латур и др.), причем сами эти авторы не говорят об этой теории, но всех их объединяет особый взгляд на происходящие человеческие действия: они уделяют особое внимание тому, как протекают те или иные действия в разных культурно-исторических контекстах. В исследовании практик основой изучения является не содержание действий,

¹ Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 89.

² Ерофеева М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия. С. 31.

³ Там же. С. 42.

⁴ Ерофеева М. А. Осадок смысла: следствия феноменологической трансформации теории действия в теории фреймов // Социология власти. 2014. № 1. С. 48.

¹ Мельник Н. Н. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 261.

² Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

³ Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 10.

не то, «что» совершается, а то, «как» это делается. В этом заключается одна из основных особенностей теории практик.

В теории практик категория смысла видоизменяется, в ней как осмысленные рассматриваются нерелексивные действия. «В этой теоретической программе на первый план выходит рассуждение о возможности социального порядка, а не о смысле, который полагается имманентно присущим повседневным действиям»¹.

Кроме того, авторы теории практик объединяют две основополагающие идеи: практики имеют «фоновый характер» и «раскрывающую способность»². Волков описывает идею фона следующим образом: «Фон не является чем-то скрытым, но в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре»³. Под раскрывающим характером практик понимается следующее: «Практики конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»⁴.

В 1980–1990-е гг. в теоретической социологии происходит так называемый поворот к материальному. Такие исследователи, как Б. Латур, Дж. Ло, А. Мол, М. Каллон, С. Вулгар и др. обращают внимание на роль материальных объектов в социальном взаимодействии. Включение во взаимодействия нового персонажа не прошло бесследно для теории социального действия и самого «социального»: Латур бросает вызов всей социологии, существовавшей до него, а в особенности классической социологии (социологии социального). Поворот к материальному требует пересмотра устоявшихся теоретических традиций, в том числе и понятия действия, которое уже сумели не раз попытаться видоизменить до Латура.

У Латура мы обнаруживаем новый взгляд на основные компоненты действия: смысл и других. Ориентация на других, по Веберу, позволяет действию быть социальным. Вопрос о том, какова природа этих других, не ставился в социологии до появления акторно-сетевой теории. Так, А.Г. Кузнецов считает, что

«в ANT (ACT. — Я.И.) диапазон этих других определенно расширяется. Человека человеком делают не только язык и символы, но и бесконечное множество сущностей, которые ANT наделяет способностью действовать и называет актантами»¹. В ACT на арену действия с позиции декораций выходят не-человеки. Вещи становятся равноправными участниками различных взаимодействий, в то время как Вебер воспринимал вещи как артефакты, которые человек наделяет смыслом, при этом вещи могут являться либо средствами, либо целями для действующего человека.

Поворот к материальному заключается в том, что исчезает разделение на человеческих и не-человеческих акторов. Латур, выравнивая возможности к действию людей и не-человеков, опирается на концепты структуралистской семиотики Альгидраса Греймаса, рассматривающего структуру предложения, в котором не важно, кто или что находится на месте подлежащего, в любом случае оно является субъектом действия. Так, в предложениях «Я убираю комнату» и «Комната убирается» «я» и «комната» являются равнозначными акторами.

Латур дает следующее определение действия: «Действовать — значит опосредовать действия другого»². В связи с этим высказыванием стоит упомянуть две разновидности вещей, которые выделяет Латур: проводники и посредники. Посредники отличаются от проводников тем, что преобразуют действия, посланные через них, и способны делать результат непредсказуемым. Проводники же просто смиренно передают то действие, которое направили на них. Примером проводников может служить бесперебойно работающая техника: так, нажимая клавиши клавиатуры, мы ожидаем получения написания задуманного текста. Но если какая-то клавиша заедает или сбилась расстановка, то результат оказывается непредсказуемым: клавиатура становится посредником. Являясь посредниками, вещи преобразуют делегированное им действие. Переходя из разряда про-

¹ Ерофеева М.А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия. С. 20.

² Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. С. 17.

³ Волков В.В. О концепции практик (и) в социальных науках. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

¹ Кузнецов А.Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена // Социология власти. 2014. № 1. С. 68.

² Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. Сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 190.

водников в разряд посредников, вещи становятся замеченными. Являясь же проводниками, вещи образуют фон действия.

Кроме переосмысления «других», мы можем отметить и новое понимание Латуром «смысла». Ученый заимствует концепцию смысла у Ж. Делеза. «Для Делеза смысл является событием, сопутствующим предложению. Событие — это то, что соединяет слова (знаки) и вещи. Событийный способ их соединения как раз и отличает латуровскую семиотику от элементов семиотического подхода, обычно используемых социологами»¹. Смысл у Делеза не является чем-то трансцендентным, он совпадает с событием действия: «смысл и есть “событие”, при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей. Так что мы не будем теперь спрашивать, в чем смысл события: событие и есть смысл как таковой»².

Такое понятие, как «социальное действие», не вписывается в язык описания Латура. М. А. Ерофеева утверждает, что «в рамках этого языка описания неправомерно говорить о социальном действии. Нет социальных действий, но есть действия, которые производят социальность»³, поэтому, помимо того что переосмысляется понятие действия, переосмыляется и понятие социального.

Мы видим, что на протяжении истории в социологической теории понятие «действие» неоднократно подвергалось переосмыслению. Исходя из рассмотренных концепций, вариаций, теорий, можно заключить, что определение, которое действию дал Вебер, не подпадает под современные социологические языки описания и не является релевантным для современных социологических исследований. Несмотря на это веберовский термин является фундаментом и опорой в исследованиях социального действия.

¹ Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 22.

² Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. С. 38.

³ Ерофеева М. А. Там же. С. 21.

СХИЗМОГЕНЕЗ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СЛУЧАЙ С ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ НАРУШЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Антон Костин

Московский физико-технический институт

В статье речь пойдет об исследовании коммуникативных аспектов взаимодействия участников отношений в сфере права интеллектуальной собственности. Эта проблема рассматривается в предложенной Грегори Бейтсоном концептуальной схеме схизмогенеза (schismogenesis), понимаемого как процесс прогрессирующей дифференциации паттернов поведения, разъединяющих взаимодействующие стороны социальных отношений¹.

Право интеллектуальной собственности изначально проектировалось как инструмент для создания экономического пространства виртуальной монополии, одним из ключевых атрибутов которой является контроль над доступом². Тем не менее, эта область постоянно сталкивается с проблемой, которая, скорее, указывает на процесс последовательного и необратимого разрушения этой монополии. Речь идет о контроле над доступом к цифровому контенту, взятом в бинарном противоречии его усиления/утраты. Беспрецедентное усиление контроля над действиями пользователей с помощью технических средств защиты интеллектуальных прав и вместе с тем утрата правообладателями контроля за распространением контента вопреки многократному ужесточению наказания вплоть до реальной уголовной ответственности — приблизительно так можно описать текущее положение дел в этой области.

В качестве первого приближения к возможному объяснению этой ситуации можно предложить ее переписание и представление в качестве противоречия в системе коммуникативного взаимодействия. В таком случае мы можем рассматривать усиление контроля над доступом, приводящее, однако, к его

¹ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. М.: Смысл, 2000.

² Pike C. G. Virtual Monopoly: Building an Intellectual Property Strategy for Creative Advantage. Nicholas Brealey Publishing. 2001.

фактической утрате, как частный случай схизмогенеза, а именно его асимметричной версии. Для нее характерны коммуникативные отношения комплементарной дифференциации, т.е. случаи, в которых поведение и устремления членов двух групп фундаментально различаются¹. Эта схема последовательно схватывает бинарное противоречие в отношениях правообладателей и пользователей вокруг использования объектов интеллектуальной собственности. В случае правообладателей и пользователей характерным примером коммуникации асимметричного типа является сама ситуация предоставления правообладателем контента пользователю. С позиции правообладателя отношения вокруг объектов интеллектуальной собственности представлены в виде отношений соблюдения пользователем его исключительных прав и получения выгоды от коммерческого использования этих объектов (паттерн «А»). Он контролирует действия пользователя, не позволяя тому совершать ряд действий с контентом, в частности, запрещает его несанкционированное копирование и распространение (паттерн «В»). Пользователи, в свою очередь, атрибутируют цифровому контенту совершенно иные свойства, в частности, представляют его как «общий» (common), т.е. такой, которым можно и нужно делиться (паттерн «С»). Отчасти это объясняется материальными свойствами цифрового контента: легкость копирования (зачастую для этого нужна операция в один-два клика мышки) и распространения через файлообмен и пиринговые сети, отсутствие различия между оригиналом и копией, копией копии и т.д. Однако действия пользователей в случае неправомерного использования защищенного копирайтом продукта носят незаконный характер и фактически являются нарушением интеллектуальных прав правообладателя (паттерн «D»).

Однако ситуация взаимодействия правообладателей и пользователей может быть представлена и как ситуация симметричного схизмогенеза, для которого характерна прогрессирующая дифференциация, основанная, однако, на одинаковых паттернах поведения. Речь идет о третьей стороне отношений — технологиях, традиционно представляемых в виде инструментов взаимодействия пользователей и правообладателей, однако же наделенных свойствами агентности в логике акторно-сетевой теории.

¹ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Условно-нейтральные технические средства защиты/нарушения интеллектуальных прав выходят из «инструментальной» тени и приобретают возможность порождения новых паттернов, симметрирующих отношения пользователей и правообладателей. Таковым является паттерн «расцепления» (disentanglement)¹, объясняющий роль техники как посредника коммуникации². В свете сказанного основной задачей статьи является задействование инструментальной онтологии АСТ в режиме поиска скрытых в технологии паттернов симметричного типа.

В правовом поле технологии взаимодействия с цифровым контентом окончательно проявились в 1998 г. в результате принятия закона о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA — Digital Millennium Copyright Act), который помимо всего прочего признал противоправным создание и распространение технологий, позволяющих обходить технические средства защиты авторских прав³. С этого момента возникает базовое различие и развивается правовое понимание легальных и нелегальных технических средств взаимодействия с цифровой формой объектов интеллектуальных прав. Точно так же, как новая материальность — а конкретнее — материальная стоимость железнодорожных составов необратимо изменила представления о компенсации ущерба в британской судебной практике⁴, новая материальность объектов интеллектуальной собственности, манифестированная в виде цифрового контента — программ и файлов, породила принципиально иные представления о правовых, а равно и противоправных действиях с такими объектами.

«Правовые» технологии в области интеллектуальной собственности представлены техническими средствами защиты интеллектуальных прав (DRM — Digital Rights Management). В логике законодателей они являются своеобразным «продолжением» воли правообладателя, инструментом, который

¹ Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2.

² Вахштайн В. С. Наша коммуникация устроена шизофреническим образом. <http://goo.gl/t2V7nX>

³ Digital Millennium Copyright Act. Public Law 105–304—Oct. 28, 1998.

⁴ Пицц У. Материальные вознаграждения. Об истории договорного права // Социология вещей. Сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.

позволяет контролировать пользовательские операции с объектом интеллектуальной собственности — в частности, препятствовать всем возможным нарушениям правил его использования. Если первое поколение DRM контролировало копирование объекта интеллектуальных прав, то последующие поколения расширили арсенал до контроля за запуском, просмотром, модификацией, изготовлением производных работ и т.д.¹ В отличие от юридической охраны интеллектуальной собственности, ставшей малоэффективной в цифровую эпоху (сложно засудить 70 миллионов активных пользователей «ВКонтакте»²), технические средства защиты контролируют каждую конкретную пользовательскую операцию в любой момент времени взаимодействия пользователя с контентом. Соответственно, любая неправомерная операция невозможна в силу ее программной блокировки — своего рода «материальных перегородок», удерживающих вас от попадания в категорию нарушителей.

Если переводить данное законодателем толкование DRM-технологии на язык акторно-сетевой теории, то речь идет о создании классического латурианского «черного ящика»³ — работающей технологии, встроенной в правовую теорию и практику в качестве нейтрального инструмента правоприменения. Проводя свойственное акторно-сетевой теории различие между проводником и посредником⁴, следует отметить, что в трактовке законодателей DRM — это безусловный проводник. Его задача — представлять интересы правообладателя и обеспечивать контроль за соблюдением пунктов пользовательского соглашения (EULA — end-user license agreement). Сама же работа DRM-проводника позиционируется практически невидимой, если вы находитесь в правовом поле лицензии и совершаете только допустимые материальные операции с цифровым контентом. Однако как только происходит нарушение допустимых действий, работа DRM-технологии становится вполне ощутимой

для пользователя. Фактически в этот момент невидимый проводник становится видимым посредником, вмешивающимся в действия пользователя, и зачастую весьма непредсказуемым образом. Впрочем, некоторые функции посредника характерны и в случаях действия DRM-технологии во время правомерного использования контента. Вредоносное влияние на работу сторонних программ¹, отказ в работе устройств², невозможность резервного копирования легально приобретенного контента³ — лишь некоторые из примеров.

«Противоправные» технологии пользовательского взаимодействия с контентом в логике акторно-сетевой теории являются типично «потокowymi»⁴. В силу преследования создания и применения этих технологий со стороны закона и интенсивной разработке способов их нейтрализации они не имеют точной формы и алгоритмов действия. Отчасти возможно сформулировать негативное определение таких технологий как множества технических средств обхода DRM-защиты. Для их идентификации используется обобщенное определение «варез» (warez) (или часто используемое в среде русскоязычных пользователей слэнговое определение «таблетка»). Более конкретные идентификаторы — такие как «кряки» (cracks), «кейгены» (keygens), «серийники» (serials), «экзешники» (FixedExe), а также не имеющие устойчивой русифицированной транскрипции NoCD, NoDVD и т.д.⁵ — условны вследствие их постоянной изменчивости.

Вследствие слабо предсказуемого поведения такие технологии выступают как типичные посредники. К примеру, вследствие неконтролируемого развития этих технологий периодически они несут в себе дополнительный «паразитарный» технологический слой — так называемые вирусы, трояны, ботнеты — иначе

¹ Computer Forensics: Investigating Network Intrusions and Cyber Crime. Cengage Learning, 2009.

² Статистика на 2015 год: Аудитория «ВКонтакте». <https://goo.gl/3lzfid>

³ Latour B. Pandora's hope: essays on the reality of science studies. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1999.

⁴ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

¹ Vulnerability in Macrovision SEC DRV.SYS Driver on Windows Could Allow Elevation of Privilege. Microsoft. 2007. <https://goo.gl/qaH7Fw>

² Russinovich M. Sony, Rootkits and Digital Rights Management Gone Too Far. 2005. <http://goo.gl/cxKXEl>

³ Докторов К. Цифровое бесправие: DRM и Microsoft // Компьютерра, 2004. <http://goo.gl/JU6YX5>

⁴ Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.

⁵ «You searched for loader — License Serial Number Key». <http://www.licensesn-key.com/?s=loader>

говоря, вредоносные программы, представляющие опасность для пользователей и используемых ими устройств¹.

Каким же образом мы можем определить коммуникативные паттерны технологий охраны и нарушений интеллектуальных прав? Рассмотрим типичный пример. Встроенная в компьютерную игру защита от копирования² «расцепляет» акт дружбы: вы не можете поделить с приятелем компьютерной игрой, так как DRM-технология, представляющая интересы правообладателя у вас дома, не позволяет совершить эту материальную (и социальную по своим последствиям) операцию³.

В понимании правообладателем DRM-технологии как проводника его интересов (паттерн «X») «расцепление» коммуникаций DRM-технологией должно полностью упорядочить каждый акт материального взаимодействия пользователя с объектом интеллектуальных прав. Фактически, должен остаться лишь один тип асимметричной коммуникации. Правообладатель, чью волю представляет технология, контролирует пользователя путем ограничения его действий.

Однако, представленная в виде посредника, DRM-технология попутно с контролем и ограничениями пользователя (паттерн «XY») расцепляет все возможные коммуникации (паттерн «Y»), то есть и такие, которые находятся вне правового режима пользовательского соглашения (паттерн «X»). В примере с игрой — это «расцепление» коммуникации друзей, что противоречит интересам пользователя (паттерн «Z»). В этом смысле использование нейтрализующих DRM «прошивок», «патчей», «кряков» и «кейгенов» (технологий, запрещенных DMCA и другими законами о копирайте), представляющее собой массовое явление⁴, также может быть представлено как материальное «расцепление» коммуникации, навязанной вам посредником (паттерн «Y»), то есть расцепление последней оставшейся коммуникации с правообладателем. Однако в таком случае параллельно с расцеплением происходит создание дополнительного

вложенного типа коммуникации, «сцепляющей» пользователя с сообществом разработчиков и других пользователей альтернативных («варезных») версий цифрового контента¹, что позволяет выделить дополнительный тип (паттерн «YZ»). Легко заметить, что в таком переописании ситуации меняется социальный смысл поведения пользователя. Из девиантного и преступного оно трансформируется в нормальную реакцию пользователя на «расцепление» социально значимых типов коммуникаций.

В концептуальной схеме Г. Бейтсона это положение дел соответствует смешанной форме схизмогенеза, безусловно включающей элементы его асимметричной версии, но заметно отсимметрированной благодаря наличию обратных (реципрокных) связей между технологиями, правообладателями и пользователями².

Возникает вопрос: что добавляет такой подход к уже существующему в правовой традиции (в виде DMCA и тому подобных законов) нормативному описанию отношений, связанных с использованием технологий защиты и нарушения интеллектуальных прав? Основной результат заключается в появлении нового исследовательского измерения. Введение технологий в качестве третьей стороны коммуникативного взаимодействия пользователей и правообладателей существенно меняет текущую схему, что может быть эксплицировано в виде как минимум шести (учитывая реципрокные связи) каналов взаимодействия, для двух из которых — воздействия технологии на коммуникативное пространство пользователей (паттерн «YZ») и правообладателей (не упоминавшийся еще паттерн «YX») — фактически не существует описывающих их правовых норм. Повседневная ситуация работы с технологией трансформируется в сложную коммуникативную цепь взаимодействий между правообладателями, технологией, пользователями, а также друзьями, «пиратами» и другими вовлеченными в коммуникацию сторонами.

¹ Свежая модификация трояна OSX.Trojan.iServices. <http://habrahabr.ru/post/50305/>

² *Перевертайлов А.* StarForce: подробности о защите. 2006. <http://goo.gl/IRkNhH>

³ *Столлман Р.* Манифест GNU. <http://goo.gl/TdHb9K>

⁴ Software piracy rate: Countries Compared. <http://goo.gl/qTwEzV>

¹ *Peter Biddle* [et al.] The Darknet and the Future of Content Distribution// ACM Workshop on Digital Rights Management, 2002. <http://goo.gl/qhpPoH>

² *Бейтсон Г.* Указ. соч.

КУЛЬТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ПАТТЕРНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗНАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

НИКОЛАЙ РУДЕНКО
Социологический институт РАН

Hinterland¹. Стол, стул, стакан с чаем, нетбук, экран, письмо от редактора сборника, мотивирующее приступить к написанию статьи, текст доклада, диаграммы доклада, конспекты работы над эмпирическим материалом, конспекты книги Джона Ло, половину записей из которых уже невозможно понять.

Присутствующее. В недавно опубликованной на русском языке книге социолога и антрополога науки Джона Ло есть следующая фраза: «Возможно, полезно думать о методе-сборке как о радиоприемнике, гонге, трубе органа или детекторе гравитационных волн, множестве отношений для резонирования и усиления выбранных паттернов, которые затем возвращаются в поток, но в данный момент представляют реальное»².

В данной статье мы будем использовать метод-сборку Ло для того, чтобы проанализировать деятельность Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.

*Мне кажется, я слишком быстро дал this is statement. Нужно сначала заинтриговать читателя, чтобы он хотя бы пробежал глазами этот текст*³.

В каком смысле метод-сборка подобна радиоприемнику или детектору гравитационных волн? И что она может дать для

¹ Совсем в духе Джона Ло мы попытались выделить и артикулировать в тотализующем и вычищенном тексте научной статьи элементы тыла (hinterland), присутствующего (того, что и будет, собственно, научной статьей) и отсутствующего (того, что в ней не будет по тем или иным причинам, но о чем мы все же скажем).

² Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой; науч. ред. перевода С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 245.

³ Здесь и дальше даны мысли автора, приходящие по мере написания статьи, не всегда связанные с ее изначальной целью. Если читатель пожелает пропустить их, кто же ему может помешать?

понимания деятельности такого культурного института, как музей?

Не знаю, стоит ли использовать слово «институт» в этой статье. С одной стороны, выражение вроде бы общее, с другой стороны, сам Джон Ло был бы, вероятно, аккуратнее с разбрасыванием такого рода словечек.

В своем подходе Ло пытается решить почти непосильную задачу: придумать методологию для исследования «ускользающего, неотчетливого, неуловимого, сложного, рассеянного, перемешанного, текстурированного, смутного, неопределенного, спутанного, беспорядочного, эмоционального, болезненного, приятного, надеющегося, ужасного, потерянного, искупленного, предвиденного, ангельского, демонического, мирского, земного, интуитивного, скользкого и непредсказуемого»¹.

В отличие от социологов и структуралистов (включая марксистов), готовых отмахнуться от разных нюансов ради вложения эмпирических данных в прокрустово ложе своих теорий, Ло стремится создать метод, направленный на мягкую работу с эмпирией. Главной проблемой социальных наук и их методов Ло считает то, что они не стараются уловить слабые сигналы, исходящие из поля, не хотят и не могут (в силу того, как они сконструированы) видеть в эмпирии множество пересекающихся и каким-то образом связанных между собой паттернов. Стандартизация и единообразие ведут к потере деталей и сбивке тонких настроек, что в каких-то сферах жизни может быть и полезно, но в социальных науках, стремящихся к описанию максимально богатой культурной флоры, подобно смерти.

Максимально богатой культурной флоры — по-моему, здорово получилось!

Почему же этот подход может быть полезен для анализа деятельности музея? На наш взгляд, ответ обнаруживается в самой природе музея. Если мы говорим о современном публичном музее, возникшем в конце XVIII в., то он с самого начала представ-

¹ Ло Дж. После метода. С. 23.

лял собой некоторый институциональный гибрид: во-первых, занимался сбором экспонатов и их хранением, во-вторых, был центром научной работы, в-третьих, с самого начала ориентировался на широкую публику.

После того, как перевешали французских придворных и королевских куртизанок, которые долгое время были единственными завсегдатаями Лувра.

До сих пор такая разносторонность является визитной карточкой музея; это касается и формализации его деятельности в законодательстве и уставе музеев¹, и дискуссий относительно того, что является первичным для музея, хранение экспонатов или их демонстрация. Мы полагаем, что данные дискуссии нерелексивно транслируют различия, установленные в законодательстве, но, с другой стороны, они могут указать нам на места, в которых возможно использовать «детектор сигналов» Джона Ло.

Такие места представляют собой самостоятельные члены динамических и меняющихся дискурсивных множеств музея, которые перекрещиваются, резонируют, усиливают или затмевают друг друга. Эти множества — результат действия более общих музейных дискурсов, рожденных из его функций и закрепленных в процессе институциональной и политической истории музея. Для краткости мы будем иметь дело с двумя такими дискурсами: дискурсом науки и дискурсом культуры². Нужно отметить, что музейная наука и культура — это совершенно отличные сущности, лишь частично связанные с академическим миром или культурными индустриями. Но для нас будет важным, что это два четких паттерна, которые сигнализируют нам из наблюдений деятельности музейщиков, интервью, чтения и анализа музейных доку-

ментов¹. В данной статье мы опишем их взаимодействие, перекрещивание и резонирование, но чаще всего, их противостояние друг другу. Необходимо также добавить, что данные музейные дискурсы не являются четкими структурами, внутри себя они дробятся и меняются.

Итак, мы охарактеризуем деятельность и саморепрезентацию паттернов двух дискурсов, существующих в этнографическом музее: научного дискурса и дискурса культурной деятельности, с целью выявить их столкновение и ассоциацию.

Отсутствующее. Здесь читатель не встретит стандартных репрезентаций социологии музеев, которые с позиций функционализма стремятся рассмотреть музей как институт социализации и поддержания ценностей общества, или с позиции критической теории — как современный храм, направленный на интерпелляцию посетителей в государственные или имперские проекты².

ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Hinterland. Небольшое кафе, большой капучино, стимулирующий мыслительную деятельность, успокаивающая музыка из ранних альбомов Тома Уэйтса.

Присутствующее. В своем анализе мы будем следовать схеме 1, предложенной Ло в его статье о пространстве знания.

¹ Всего было проведено 27 полуструктурированных интервью с сотрудниками музея; кроме того, автор наблюдал музейную деятельность в течении двух месяцев, в том числе участвовал в построении одной из музейных выставок, а также собрал комплект музейных документов.

Российский этнографический музей — один из крупнейших этнографических музеев мира, был создан в 1902 г., хранит более полумиллиона этнографических коллекций народов бывшей Российской империи. Помимо активной научной деятельности (публикация статей, издание монографий, каталогов, аспирантура) ведет обширную просветительскую деятельность (экскурсии, мастер-классы, занятия с детьми, этнотеатр).

² См.: Акулич А. Е. Музей как социокультурное явление // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 89–92; Duncan C., Wallach A. The universal survey museum // Museum studies: An anthology of contexts. 2004. P. 51–70; Bennett T. The exhibitionary complex // Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory. 1994. P. 123–155.

¹ Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

² «Дискурс» здесь следует понимать как ассоциированное множество проговариваемого и делаемого, различающее и поддерживающее стабильность определенных объектов и субъектов. Близко к этому понятие «режим» Ло. См.: Law J. Organizing modernity. Oxford: Blackwell, 1994. P. 100–104.

Институты и технологии (Other 1)	Описание (present)
Метафизика (Other 2)	Что описывается (absent)

Схема 1. Понимание пространства знания по Дж. Ло¹.

Согласно Ло и его подходу материальной семиотики, знание рождается только внутри специфической конфигурации сети, включающей гетерогенные элементы. Его схема как раз пытается схватить эти элементы, ориентируясь, прежде всего, на процесс репрезентации внутри знания. На ней мы видим, во-первых, институты и технологии, под которыми понимается широкий спектр возможных практик и приспособлений, а также социальных конвенций, направленных на поддержание или реформирование определенного знания. Во-вторых, это метафизика — основные различия, из которых исходят формы представления (и первое и второе Ло относит к категории «Другого» (Other) — того, что само по себе не явлено перед нами в тот момент, когда мы воспринимаем некоторое знание)². В-третьих, это то, что нам явлено (картина, текст, вещь на выставке), и, наконец, это то, что отсутствует, будучи границей и отражением демонстрируемого знания.

Читатель, надеюсь, уловит в этом подражании французскому письму указание на то, что отсутствующее — это одновременно и нечто, что создается указанием на него, и то, что создается благодаря отсутствию указания, но существованию самой его возможности.

В логике этой схемы мы и предложим свой анализ. В силу нехватки места мы сконцентрируемся только на присутствующем и практиках музейной деятельности.

Присутствующее (present). На схеме 2 мы задали основные параметры, по которым осуществляется различие научной и культурной деятельности в музее (необходимо отметить, что то, что находится слева от центральной линии относится к научному дискурсу, а то, что справа — к культурному).

¹ Law J. Knowledge places. <http://heterogeneities.net/publications/Law2011KnowledgePlaces.pdf>

² Law J. After Method: Mess in Social Science Research, London: Routledge. 2004.

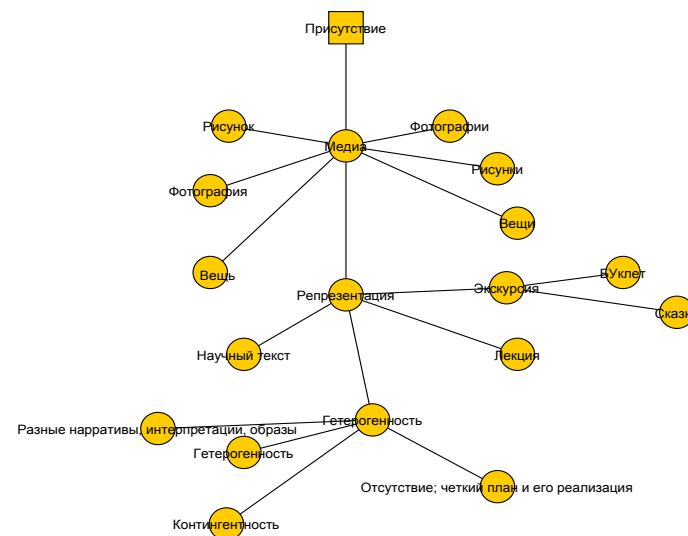

Схема 2. Присутствие в научной и культурной деятельности.

Один из главных вопросов в отношении присутствия — это медиа (посредники), которые используются. Внутри научной среды этот вопрос вызывает неоднозначные реакции. Дело в том, что сама музейная среда довольно консервативна и основная социальная конвенция — это то, что вещь (в смысле конкретный физический артефакт) — это самое главное. Причем эта конвенция разделяется и в научном и культурном дискурсе. С другой стороны, «когда мы говорим о репрезентации культуры традиционной, то она наиболее зрима через фотоматериал. Вещи да, но вещь нужно знать <...>, но визуальный материал он ближе в силу того, что мы смотрим на мир глазами; вещи они идентифицируются, но все равно, ты визуализируешь образ культуры чрез визуальные ряды и поэтому фотография — это выигранный материал...»¹.

При этом третий из возможных медиа — рисунок, отражая грандиозную полемику между учеными и художниками

¹ Инф. 19 — жен., глава отдела фотографии музея.

конца XIX в., лишается статуса объективного медиа из-за «субъективных интерпретаций» того, кто его делает¹.

Второй важный аспект — это форма репрезентации, в которой выражается научный и культурный дискурс. Если мы говорим о первом, то это, несомненно, *научный текст* (академический). Здесь, как и в любом другом научном тексте, обязательны ссылки на другие работы, нейтральное, немногословное описание, хотя с большим акцентом на характеристиках вещи, что присуще музейным антропологам.

Вот социологи вряд ли могли бы описать так полно и в нюансах, например, маршрутное такси, как это делают с этнографическими артефактами музейщики, выделяя до 30 категорий описания.

В культурном дискурсе все совсем иначе: здесь основной формой является экскурсия. Экскурсия — это 40-минутный рассказ по определенной теме с указанием на вещи, воплощающие тот или иной нарратив (как отмечает один из информантов, экскурсия — это «*вещь и комментарий*»²). Любопытно, что в отличие от научного дискурса, где «*мы не транслируем знания и образы традиционной культуры, мы их создаем с той или иной степенью осознанности. Мы создаем картинку традиционного общества. Создаем на более-менее легитимных основаниях, потому что у нас у всех есть диплом о том, что мы можем это делать*»³, экскурсия делает акцент на реальности и достоверности того, что показывается: «*...мы говорим о конкретных вещах, которыми пользовались конкретные люди, это создает определенную достоверность, что ли, такую фэбулу, подход к использованию экспонатов, экспонаты являются иллюстрациями к рассказу о реальной жизни, о том, что реально происходило и происходит сейчас и мы это подтверждаем реальными вещами, которые стоят в витринах*»⁴.

Один из научных сотрудников музея отмечал сложность и многослойность смыслов, которые можно вкладывать в ту или

иную вещь, коллекцию и выставку¹. При этом в экскурсии такая сложность вычищается ради понятности материала.

Экскурсия использует максимально простой язык, а также специфические приемы (вопросы к аудитории, загадки, сказки), чтобы воздействовать на воображение и привлекать личный опыт посетителей. Поэтому одна из главных особенностей экскурсовода — это способность к *импровизации*, т.е. мгновенному пониманию и артикуляции того, как можно соединить различные элементы в одном рассказе.

Наконец, важным пунктом для сравнения научной и культурной деятельности служит степень различимости представляемых элементов, точнее, наличие демонстрации такой различимости. В научном дискурсе разность интерпретаций, образов и нарративов необходимо осознается: «*возьмем что-нибудь из предметов вооружения: мы можем говорить о максимально эффективных орудиях, можем говорить о семиотических свойствах, о социальных функциях вещи в культуре, о ремесле: его делал кузнец, златокузнец, кожевник и у каждого были собственные мысли и установки, его собрал кто-то еще, кто-то еще им пользовался*»².

Традиционная культура — собственно, объект показа, явление контингентное, в котором можно проводить различия по периодам (традиционная культура середины отличается от культуры конца XIX в.), по социальному слою (культура зажиточных казахов и бедняков), географическому положению и т.д. Научные сотрудники втянуты в дискуссии по этнографической проблематике, что выражается в мультипликации их различий культуры. При этом в выставочной или экскурсионной деятельности такие различия либо стираются (показывается казахская традиция как таковая), либо масштабируются (например, вся сложность отношений племен в Средней Азии сводится к отношению кочевники—оседлые).

¹ По поводу полемики см.: Daston L., Galison P. The image of objectivity // Representations. 1992. P. 81–128.

² Инф. 18 — жен., глава экскурсионного отдела музея.

³ Инф. 1 — жен., сотрудник регионального отдела музея, хранитель.

⁴ Инф. 18.

¹ Хотя тут же отмечается необходимость подачи объективированного знания на выставке (факта), притом что научное знание чрезвычайно многогранно, — одна из «*главных проблем всей музейной работы*» (Инф. 13).

² Инф. 13 — муж., главный сотрудник регионального отдела.

По-моему, понятие масштабирования здесь не очень ясно. Стоит представить себе, как некто меняет масштаб на Google-карте, и извилистая паутина улиц какого-нибудь города превращается в два пятна, разделенных рекой.

Институты и технологии (Other 1). В этом аспекте можно выделить следующие пункты сравнения действия паттернов науки и культуры (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение культурного и научного дискурса

Пункты сравнения	Научный дискурс	Культурный дискурс
Взгляд	Взгляд этнографа, взгляд хранителя	Взгляд художника, взгляд посетителя
Практики работы с экспонатами	Включение в контексты, работа в фондах с вещами	Очищение смыслов, поиск информации
Практики сбора материалов	Интервью, наблюдения	Интернет, общение с научными сотрудниками, чтение специализированной литературы
Способ освоения темы	Свой народ, период, тема	Максимально широкий диапазон тем в музее
Основные диаграммы ¹	Концепция выставки, тематико-экспозиционный план	Текст экскурсии, методичка экскурсии
Идеологии	Идеология науки	Политическая и культурная идеология
Цели	Производство знания, дифференциация вещей, соотнесение их с типологиями	Образование, просвещение, развлечение

¹ Диаграмма — это понятие М. Фуко, которое эксплицирует Ж. Делез в книге о Фуко. В самом общем виде диаграмма — это устоявшаяся практика ассоциирования того, что видно, и того, что проговаривается: например, выставку, на которой дана интерпретация выставляемых объектов, можно назвать диаграммой. Подробнее см.: *Hetherington K. Foucault, the museum and the diagram // The Sociological Review. 2011. Vol. 59. No. 3. P. 457–475.*

Окончание табл. 1

Пункты сравнения	Научный дискурс	Культурный дискурс
Ассамбляж знания ¹	Другие ученые-этнографы	Школьные учебные курсы, работа с детьми из неврологических интернатов
Интерпретация вещей	Вещи как знаки, вещи как конструкты; вещи как реальные	Вещи как реальные и достоверные
Работа по наведению границ ²	Исключение: демаркация музейной этнографии от любителей и коллекционеров, непрофессионалов; экспансия: захват территорий традиционной культуры; борьба за автономию: отграничение себя от идеологических проектов государства и государства самого по себе	Исключение: демаркация просветительской деятельности музея и педагогов и игротерапевтов

Кратко коснемся тех пунктов таблицы, где происходит антогонистическое пересечение множеств.

Отношение с художником — одно из важнейших мест в нарративах научных сотрудников. Информанты отмечают: «у нас разные языки, и надо растить взаимопонимание переводчика... художники должны делать то, что мы хотим, а мы должны признать, что их методология позволяет нам делать нужные вещи...»³

«Он наизусть знает наши фонды, <но> ему как художнику интересны другие вещи, чем нам как этнографам, у нас разные приоритеты»⁴.

¹ То, с чем связано то или иное множество, что влияет в свою очередь на производимое знание.

² Имеется в виду понятие boundary work, введенное Т. Гирином. См.: *Gieryn T.F. Cultural boundaries of science: Credibility on the line. University of Chicago Press, 1999.*

³ Инф. 13.

⁴ Инф. 10 — жен., хранитель регионального отдела.

Главное противостояние между научными сотрудниками и художником (сводящееся то к диалогу, то к скрытой конфронтации) наблюдается в различии «правильно/красиво». Научный сотрудник знает, как правильно: может ли данный артефакт находиться рядом с другим, действительно ли такая форма соответствует тому, что можно было встретить в этот период в данной местности¹. Художник же отвечает за влияние на эмоциональное состояние посетителя и потому смотрит на выставку в целом, старается, чтобы она выглядела привлекательно. Это влияет на дизайн выставки и выбор экспонатов.

Жаль, нет места вставить описание любопытной оппозиции между стремлением художника к самовыражению и интенцией научного сотрудника соответствовать плану выставки, ее основной идее. Потому позволю себе момент академического са-мопиара².

Главное отличие в практике работы с экспонатами — это то, что любой научный сотрудник обязан близко знакомиться с вещами, трогать их, конкретно с ними взаимодействовать. По этому поводу один из информантов пишет, что из этого «возникает особое состояние сознания, позволяющее узнать предмет лучше, чем просто видишь на картинке в книге»³. Экскурсоводы с вещами не занимаются, а лишь читают или воспринимают вещи уже через другие репрезентации.

Любопытно различие в освоении тем: для научного сотрудника правилом чести (и необходимостью) является «своя» тема, народ, период. Иногда они передаются по наследству, когда из сектора уходит пожилой сотрудник, но чаще всего рождаются из собственных интересов или диссертации. Культурный же

дискурс обязывает экскурсоводов знать понемногу по всем музейным темам, особенно по тем, которые представлены на выставках и экспозициях музея. Опытный экскурсовод способен построить экскурсию, исходя из отдельных частей разных экспозиций и выставок (например, пища в традиционной культуре), это — показатель его высокого профессионализма.

Знание в музее, как мы пытаемся показать, существует в обширных множествах, которые сами подключены к более широким множествам: например, к науке или школьной системе. Первый случай — научный дискурс, который связывает музейных сотрудников с журналами («Этнографическое обозрение», «Антропологический форум»), университетами (кафедра этнографии и антропологии СПбГУ, факультет антропологии ЕУСПб), академическими институтами (МАЭ РАН (Кунсткамера), ИЭА РАН). Соответственно, научные сотрудники ориентируются в своих статьях, выступлениях на конференциях и книгах на своих коллег. В отличие от этого, культурный дискурс предполагает ориентацию на другие аудитории, прежде всего — на детские, школьные и студенческие: «Есть часть программ школьных, которые напрямую завязаны на наш музей — можно рассматривать наш музей как возможность дополнительно расширить школьную программу»¹.

Наконец, упомянем о работе по отграничению себя от других. Проведение такой работы, как пишет социолог и историк науки Т. Гирич, происходит риторическими средствами. Он выделяет три основных вида работы: исключение, экспансию и защиту автономности². Для научного дискурса все три вида работы актуальны: обычно этнографы отделяют себя от любителей (тех, у кого нет диплома этнографа) и коллекционеров (у кого есть вещи, но нет нормальной научной системы). При этом этнографы имплицитно полагают себя лицензированными специалистами по изучению этносов и, соответственно, специалистами по традиционной культуре, что легитимизируется их участием в консультировании культурных и национальных проектов, фильмов, а также их ролью знатоков традиционной культуры в СМИ³. Одновременно идет борьба за автономию от других,

¹ Один из случаев, с которым автор столкнулся на выставке: художник вырезал полукруглые формы, напоминающие восточные арки и поместил их в качестве задников витрин. Увидев это, один из кураторов выставки отметила, что подобные формы не встречались в Средней Азии, которой была посвящена выставка. Но сами формы остались (Дневник наблюдения, 22 ноября 2013).

² Руденко Н. Музей на перекрестке режимов справедливости // Антропология города. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 4–6 декабря 2013. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 91–100.

³ Инф. 9 — жен., заведующая региональным отделом.

¹ Инф. 18.

² Gieryn T.F. Ob. cit.

³ Инф. 4 — муж. заведующий региональным отделом.

прежде всего от государства, которое предстает в фигуре менеджера-профана (в вопросах музейной работы) или потенциального заказчика, зависящего от экспертного знания научных сотрудников. Если говорить о культурном дискурсе, то здесь происходит исключение педагогов и игротехников, поскольку, несмотря ни на что, музейное просвещение не предполагает слишком большого погружения в отношения с инвалидами, подопечными благотворительных фондов и интернатов. Иначе говоря, музейный педагог — это не педагог на манер школьного учителя или работника интерната, поскольку главная функция первого — это знакомить (пусть даже и педагогическими методами) разных посетителей с этнографическими темами.

Не знаю, как про экскурсоводов, но научные сотрудники не просто риторически проводят границу между собой и любителями, но и конкретно не пускают последних на свои семинары и конференции, объясняя это тем, что они будут нести полную чушь.

Отсутствующее. В силу отсутствия места читатель не сможет узнать, какие метафизические различия проводятся внутри репрезентаций, которые предлагают посетителям музейные этнографы, как и то, что чаще всего не показывается музейщиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствующее. В заключении хотелось бы еще раз вернуться к Джону Ло и отметить, что его метод-сборка может быть как идеологическим инструментом по размягчению и гетерогенизации науки, так и конкретной методикой по исследованию знамиевых сборок внутри отдельных пространств. Но поскольку редактор сборника задал объем статьи всего половину авторского листа, то эту мысль пришлось выбросить и читатель о ней не узнает.

Видимо, он закроет этот сборник, не узнав также, что наш анализ показал, с одной стороны, наличие паттернов культурного и научного внутри музея, их пересечения и противостояния, но, с другой стороны, их внутреннюю множественность, дающую возможность для развития тем и направлений, новых концептуальных ниш и музейных практик. Продвижение подобного

анализа стало бы средством для обновления социологии знания, которая бы собирала собственное множество гетерогенных элементов и обогащало бы реальность, вместо того чтобы редуцировать ее до социальных функций или классовых интересов¹.

НИЖНИЙ НОВГОРОД — ГОРОД, СКРЕПЛЕННЫЙ МЕСТАМИ

АЛЕКСАНДР ШИРОКОВ

Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского

— Мы не позволим вам разрушать наш город.
 — Это уже не ваш город.
 — Жалкий клочок бумаги не делает его вашим, мы здесь выросли, наши родители здесь выросли, мы затаривались в этом универсаме и ели в этой забегаловке, мы ловили рыбу и размораживали ее, чтобы сделать рыбные палочки. Это не просто город, это наш образ жизни.

Южный Парк, 7х7

Свой подход представители Чикагской школы Р. Парк, Э. Берджес, Р. Маккензи обозначили как «городская экология», в нем биологизм сочетался с эволюционизмом, а социальность городской жизни виделась укорененной в материальной среде. Города интерпретировались как постоянно развивающиеся организмы. Способы воспроизводства социальной жизни понимались как следствие естественных сил, действующих помимо сознания людей². Для А. Лефевра пространство города — это поле классовой борьбы за использование и трансформацию этого пространства. «Ткань города с его множественными сетями коммуникаций и обмена тоже является частью средств производства. Город и его разнообразные структуры (порты, вокзалы и т.д.) являются

¹ И здесь была бы ссылка на *Latour B. Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern // Critical inquiry. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 225–248.*

² *Трубина Е. С. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 67.*

частью капитала»¹. Пространственное устройство города способствует повышению производительных сил, так же как этому способствуют оборудование и станки на фабрике. Пространство используется подобно станку. Таким образом, осмысление городского пространства происходит в общих теоретических рамках, которыми исследователь вооружен. «В зависимости от того, считает ли он современный социум обществом риска или обществом события, “второй модерностью” или сетевым обществом, обществом постиндустриальным или информационным, поздним капитализмом или новым капитализмом, он будет искать в городе то, что этой модели соответствует»². Однако из-за подобных редуций города, будь то к процессу социальной эволюции, реализации капитализма или чему-то еще, встает проблема изучения города как позитивного и самодостаточного феномена. Что такое город? Из чего состоит городская жизнь? Как города организуют нашу коллективную жизнь? — вот вопросы, которые стоят сегодня перед урбанистической теорией³.

Помочь получить на них ответы может акторно-сетевая теория (Actor-Network Theory, ANT), важным принципом которой выступает ирредукционизм: «Наблюдатель должен избегать любых априорных различий между природными и социальными событиями. Он должен отказываться от любых гипотез по поводу четкой границы между первыми и вторыми»⁴. Иными словами, вместо того чтобы самостоятельно устанавливать границы, к примеру, центра и периферии города, нам следует посмотреть, каким образом сами акторы определяют свой город. Для

этого стоит исследовать то, что Б. Латур назвал практическими метафизиками, т.е. то, что релевантно для жителей в данном конкретном городе, те значимые черты, которые они в нем выделяют. Соответственно, ответы на вопросы: «Что такое город?» и «Состоит ли он из инфраструктуры, капитализма, практик, сообществ или еще чего-то?» — будут результатом анализа, а не его отправной точкой.

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК СОВОКУПНОСТЬ СВЯЗАННЫХ МЕСТ

ANT является своего рода «машиной для ведения войны» с регионализмом, то есть с идеей, что мир можно представить в виде некоторой плоской поверхности, разбитой на непроблематичные и гомогенные регионы различных размеров по типу стран на карте мира¹. Пространство в ANT — это эффект отношений, составляющих актор-сети. Таким образом, проблематизируется автономия и объяснительный приоритет, приписываемые пространству в исследованиях города, заменяемое его ключевым понятием мест во множественном числе. Места определены не пространственными границами или масштабом, а типами и сериями действий, пространство же проявляется через сети, соединяющие различные места². В подобной перспективе город становится проблематичным объектом, который больше не может считаться само собой разумеющимся, как нечто, имеющее четкую границу, специфический контекст или разграниченные места. Границы города или мест определяются не географией, а отношениями с другими акторами. Глобальное и локальное отличаются не изначальным объемом, а количеством связей, это вопрос масштаба сети³.

Прежде чем описывать конфигурации мест, которые выделяют жители, стоит уделить немного внимания географии города. Городское пространство Нижнего Новгорода весьма неоднородно и разделено на две неравные части рекой. По сути это два

¹ Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительская стоимость. <http://postnauka.ru/longreads/28503>

² Трубина Е. С. Город в теории: опыты осмысления пространства. С. 17.

³ Этим вопросам относительно Нижнего Новгорода и посвящен данный текст. Основой для исследования послужили интервью с ментальным картографированием (N=19, выборка половозрастная и по району проживания), также 2 фокус-группы с групповым картографированием со студентами 1 и 2 курсов факультета социальных наук ннгу им. Н. И. Лобачевского. А также данные, полученные в ходе анкетирования нижегородцев (N=400, выборка квотная, двухступенчатая: половозрастная и по району проживания).

⁴ Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие // Социология власти. 2015. № 1. С. 202.

¹ Law J. After ANT: complexity, naming and topology // Actor Network Theory and After. Blackwell Publishers, 1999. P. 7.

² Farias I. Introduction: decentering the object of urban studies // Urban Assemblages: How Actor-Network Theory changes urban studies. Routledge, 2009. P. 6.

³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 249.

разных города, не слишком хорошо связанных между собой тремя автомобильными мостами и одним метромостом, что дополняется недостаточным количеством дорог, дублирующих основные магистрали. Как показывают проведенные нами интервью, пробки — одна из главных ассоциаций с Нижним Новгородом у его жителей.

Среди мест, без которых Нижний Новгород, по мнению жителей, нельзя представить, выделяется некоторая совокупность, которую сами они в большинстве случаев называют центром города. Границы этой совокупности мест оказываются достаточно расплывчатыми. Хотя ей и дается какая-то характеристика, выделяются некоторые черты, но обычно все уходит в описание одних и тех же мест: Кремль, площадь Минина и Пожарского, улица Большая Покровская. *«Центр города — это самая оживленная часть города, самая развитая в культурном плане, в архитектурном плане, самая красивая зачастую. И как бы самая наполненная жизнью, вот я бы так сказал. У нас это площадь Минина и ее окрестности»* (М., 21 год).

Однако если попросить провести границу, то внутрь нее попадает большое количество других объектов. С одной стороны, это может быть свидетельством плохого знания географии города, но с другой, говорит о том, что центр — в большей степени конкретные места, а не территория. Говоря о центре города, подразумевают именно эти места и практики, связанные с ними.

Какие же практики ассоциируют с центром и тремя этими местами? Во-первых, Кремль, который в представлениях жителей имеет некоторое символическое значение и потому связан с такими ритуалами, как подношение цветов к Вечному огню, фотографирование, особенно свадебное и т.п. Во-вторых, внутри Кремля располагаются официальная резиденция губернатора Нижегородской области и мэра Нижнего Новгорода, потому там проходят многие значимые политические события. В-третьих, площадь прямо перед Кремлем — основное место проведения массовых мероприятий вроде празднования Дня города или Нового года, главная елка города устанавливается именно на этой площади, и тут же проходят почти все большие концерты под открытым небом. В-четвертых, центр ассоциируется с практиками посещения кафе, ресторанов, магазинов и т.п., поскольку в нем много подобных мест. Наконец, в-пятых, в центре города *просто красиво*, в отличие от окружающих, повседневных

пространств, и потому там часто гуляют: *«Здесь (в центре. — А.Ш.) строятся красивые места, также играет большую роль коммерция, потому что это магазины и т.д. Плюс открывается вид на стрелку, наверное, это самое удобное место обозрения на нижнюю часть города и, в общем-то, на верхнюю, если встать на какую-то вышку. Плюс исторические события, которые произошли, то есть Кремль, который находится на горе, на склоне, это удобно географически и совпадение с культурными какими-то достопримечательностями»* (Ж., 19 лет).

Немаловажно и то, что эти места вписаны в более широкую историю, наполнены основными историческими достопримечательностями. Строительство Кремля и Нижегородское ополчение 1611–1612 гг. — основные события, определившие образ Нижнего Новгорода в сознании нижегородцев. Однако большинство исторических фактов о городе, которые известны нижегородцам, в основном связаны с общенациональной историей, например, то же ополчение Минина и Пожарского, знание исторических событий городского значения мало распространено¹.

В то же время некоторые говорят о существовании в Нижнем Новгороде двух центров, второй — центр Сормова. Сами жители обосновывают это наличием там развитой инфраструктуры: большого количества кафе и ресторанов, нескольких крупных торгово-развлекательных центров, кинотеатров и приятных мест для прогулок, вроде сормовского озера и парка. *«Если бы там (в центре Сормова. — А.Ш.) не было пробок — это было бы вообще ангельское место. Потому что там красивые крутые дома есть, там хорошие торговые центры, ну, там вообще все есть, на самом деле. Центр Сормова это крутое место. Кстати, Сормово сейчас хорошо развивается, именно в центре, потому что из Сормова можно не выезжать»* (М., 20 лет).

Сормово, как и Канавино, были отдельными населенными пунктами, известными еще с XVI в. В 1928 г. они вошли в состав Нижнего Новгорода в качестве районов. «Сормович» это еще и специфическая идентичность, присущая некоторым жителям данного района. *«Вот центры наверху, вы там спросите: кто тут тусуется? Вам скажут — нижегородцы. А вот в центре Сормова*

¹ Иудин А. А. Эмоциональные и познавательные ресурсы бренда: нижегородцы о Нижнем // Бренд Нижегородской области: предпосылки и концепция формирования. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2012. С. 52.

ответят — сормовичи. Даже когда они ведут праздник День города, день вроде Нижнего Новгорода, но там активно употребляется слово “сормовичи”, именно сормовичи, у них там своя газета есть “Сормович”, какие-то конкурсы с этим связанные, короче говоря, такая вот разница с другими районами» (Ж., 26 лет).

Однако в целом социальное пространство города оказывается сильно централизовано, большинство любимых жителями мест находятся в верхней части города (рис. 1). Эта часть описывается жителями более точно, с указанием на конкретные места, нижней же, как правило, дается общая характеристика даже теми, кто регулярно там бывает. Большая часть территории города бедна на социальные смыслы. Как нередко выражаются жители, Нижний Новгород это два города — нижняя и верхняя часть. «Вся движуха наверху, а снизу это огромная промышленная и спальная база».

Во многом центр вкупе с местом слияния Волги и Оки репрезентирует все положительное, что есть в Нижнем Новгороде для его жителей, это одна из первых их ассоциаций с городом. Эти объекты присутствуют и в официальных нарративах о городе. К примеру, на открытках часто изображают Кремль, Чкаловскую лестницу, вид на стрелку, примерно те же изображения можно

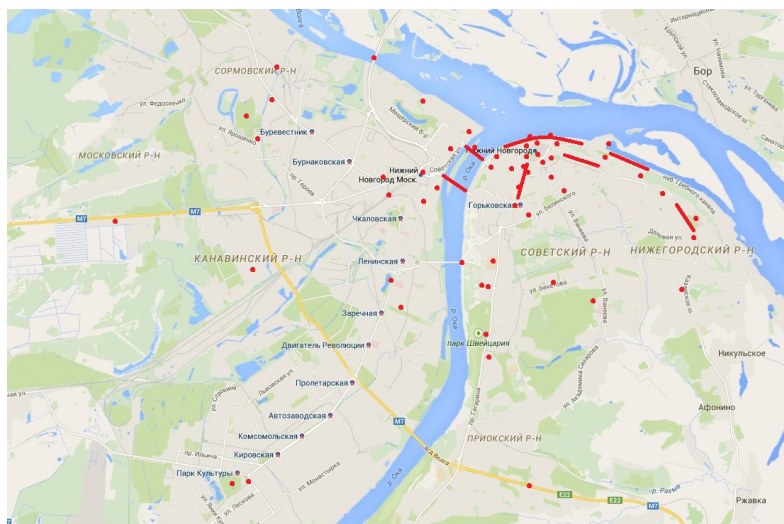

Рис. 1. Любимые места жителей Нижнего Новгорода

найти, зайдя на страницу города в «Википедии». «Если брать исходя из того, куда бы я хотел вообще пройтись по городу, что-то посмотреть и рассказать о том, что я знаю о городе, то это, в любом случае, пройтись по Покровке, Нижний — это Покровка, потому что это как такой подход к Кремлю, по ходу которого, если идешь с человеком, ты можешь о многом поговорить, поговорить именно о Нижнем, направо, налево, какие-то интересные здания, тот же банк. Тут недалеко и набережная, с которой можно рассказать о самом главном в Нижнем, это слияние двух рек, Волги и Оки» (М., 27 лет).

Таким образом, пространство Нижнего Новгорода как совокупность соединенных мест характеризуется концентрацией их в верхней части города. Можно выделить две конфигурации центра — исторический и центр Сормова. Оба они связываются с практиками прогулок, посещения магазинов, кафе и пр., но исторический центр, благодаря Кремлю, обладает еще и символическим/историко-культурным значением, что, вероятно, делает его более популярным среди жителей.

Такой разный Нижний Новгород

Уловить характерные и уникальные черты, которые, по мнению жителей, релевантны для Нижнего Новгорода, оказывается достаточно сложно, поскольку город множественен в интерпретациях жителей. Нередко они говорят о нем как о типичном городе-миллионнике или же как об обычном городе средней полосы, в том смысле, что в нем нет ничего необычного. «Типичный... ну, это просто город-миллионник, многофункциональный, с разной культурой, с налаженной какой-то миграцией, представляющий собой где-то центр культуры, досуга, самое главное, центр потребления, предлагающий инфраструктуру для того, чтобы, в общем-то, профессионально развиваться и хорошо тратить деньги. В самом общем смысле, да, это типичный крупный город» (Ж., 26 лет).

Другие отмечают значимость историко-культурного наследия города. Однако, как отмечалось выше, знание локальной городской истории мало распространено. При разговоре о культурном наследии Нижнего Новгорода речь заходит о конкретных именах А. Пушкина или М. Горького. Хотя эти личности вызывают интерес у большинства жителей города, как правило, дальше общих стереотипов речь не заходит. «Про Максима Горького нижегородцы могут говорить много и легко, но не все знают, что

Максим Горький — псевдоним Алексея Пешкова. Некоторых молодых людей в тупик ставил вопрос: «Какое имя Горького настоящее — Алексей или Максим?»¹.

Третьи говорят о городе как о «промышленной столице» России. По мнению нижегородцев, строительство Горьковского автозавода и роль города в качестве «кузницы Победы» в 1941–1945 гг. — одни из главных событий, определивших образ Нижнего Новгорода. Однако сегодня это лишено былой силы, и, к примеру, такой завод, как «Красное Сормово» мало кто отмечает как важное для города место, а многие даже и не знают о нем.

Таким образом, если по поводу пространства города, его мест и топологии есть некоторое единство мнений, то по поводу других релевантных черт представления расходятся: *«Я как-то раз ехала в поезде дальнего следования. Одна из женщин, которая была из города Петровский завод, спросила нас: Нижний Новгород, а чем в нем занимаются? У нас несколько человек сидело в это время рядом, и мы вроде, ну, как чем. Вроде автозавод, но это не то, чем можно гордиться, вроде ярмарка, но это тоже, вроде история, ну и, в общем, непонятно. Вроде как пытаемся стать IT-центром, многие из нас работали в этой сфере. Вот, а дело в том, что она до этого, совершенно с упоением рассказывала о своем Петровзаводе, собственно, им очень легко сформулировать образ города, потому что там есть завод, вот этот самый Петров, более 100 лет назад построенный, и вокруг него крутится вся жизнь»* (Ж., 29 лет).

Можно выделить несколько позиций в видении существенных черт Нижнего Новгорода. Первая — отсутствие уникальности города, в нем вроде бы все есть, но ничем особенным он не отличается от других подобных городов. Вторая — апелляция к культурному наследию города. Третья — Нижний Новгород как промышленная/автомобильная столица. Таким образом, нет четкой ассоциации с городом, визитной карточки, сам город в рассказах жителей оказывается каким-то *непонятным и расплывчатым* объектом. В то же время места, которые ассоциируются с центром города, частично связаны с каждым представлением о городе и так или иначе проскальзывают в каждом из них. Постараемся ответить на поставленные в начале вопросы. «Что такое город?» — указанные места связывают жителей города,

¹ Иудин А. А. Эмоциональные и познавательные ресурсы бренда: нижегородцы о Нижнем. С. 54.

можно сказать, что Нижний Новгород — это то, что можно увидеть, передвигаясь по нему. «Из чего состоит городская жизнь в Нижнем Новгороде?» — из различных практик вроде прогулок, работы, фотографирования, массовых мероприятий и т.п. «Как Нижний Новгород организует коллективную жизнь горожан?» — в соответствии с его пространственной конфигурацией практики локализуются в большей степени в тех местах, которые жители называют центром города.

ОТКРЫВАЯ СЕЛО ЗАНОВО: ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ИЗ ГОРОДА В СЕЛО: ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
ГОРОЖАН В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ

ЮРИЙ ВОЙНИЛОВ
ДАРЬЯ МАЛЬЦЕВА
ЛЮДМИЛА ШУБИНА
Исследовательская группа ЦИРКОН

В настоящее время одной из основных демографических проблем России является повышенная концентрация населения в городах при крайне низкой заселенности сельских территорий. Подтверждением этому служат результаты переписи населения за 2010 г. Ситуация усугубляется тем, что пустующие территории выступают катализаторами низкокачественной миграции, которая не только не повышает, но лишь снижает экономический и культурный уровень регионов. Опустение и обезлюдение сельских территорий в совокупности с низкокачественной миграцией грозят стране дестабилизацией экономического развития, обнищанием культурного фонда и в перспективе потерей национальной целостности.

Отток населения из сельских территорий обусловлен нехваткой рабочих мест в малых поселениях, ограниченными возможностями карьерного и профессионального роста, неразвитостью инфраструктуры и т.д. С другой стороны, сельские районы

имеют ряд преимуществ, которые выгодно отличают их от крупных городов. Среди них и благоприятная экологическая среда, и спокойный ритм жизни, и возможность дистанцироваться от информационного шума большого города. Эти особенности оказываются привлекательными для определенной части горожан, которые переселяются в сельскую местность. При этом города покидают достаточно успешные и состоявшиеся люди, которые после переезда получают возможность «начать жизнь с чистого листа». Это явление, которое можно назвать внутренней миграцией, пока что носит локальный характер, и до конца не ясно, какие мотивы оказываются движущими при принятии горожанином решения о переезде в сельскую местность.

Потенциально к такому переезду могут оказаться готовы многие горожане, уставшие от жизни в мегаполисах. Отсюда возникает потребность в определении того, какая именно часть россиян положительно оценивает эту возможность, какие убеждения они разделяют, какой ценностный базис может их объединять и каковы конкретные факторы, позитивно и негативно влияющие на решение о переселении.

Эти вопросы легли в основу исследования, проведенного исследовательской группой ЦИРКОН при поддержке Общественно-экологической организации «Зеленая лига» весной 2015 г. В настоящей статье будут изложены ключевые результаты этого исследования.

Методология исследования

Исследование носило комплексный характер и включало реализацию трех типов процедур сбора данных как качественных, так и количественных.

В ходе качественной части исследования были реализованы *экспертная сессия*, участниками которой стали специалисты, занимающиеся изучением процессов миграции из городов в сельскую местность и/или непосредственно иницилирующие и регулирующие эти процессы, а также *асинхронная онлайн фокус-группа*, в которой приняли участие жители России, имеющие опыт переезда из города в сельскую местность или рассматривающие для себя такую возможность. В рамках данных процедур был получен ряд суждений о существующих стимулах и барьерах на пути внутренней миграции в России, а также ценностном

базисе потенциальных переселенцев, которые затем были положены в основу инструментария *массового репрезентативного опроса* населения Российской Федерации.

Для проведения массового опроса строилась многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная выборка. Общий объем выборки — 1600 респондентов в 140 населенных пунктах 33 субъектов Российской Федерации. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население России по параметрам пола, возраста, образования, типу места проживания (типу населенного пункта).

Проведение опроса населения страны было обусловлено стремлением выявить уровень готовности горожан к переселению в сельскую местность, т.е. долю городских жителей, которые как минимум рассматривают или рассматривали ранее для себя возможность переезда в сельскую местность на постоянное или временное проживание.

Кроме того, в рамках массового опроса изучалось распространение в массовом сознании россиян представлений о тех или иных стимулах и барьерах внутренней миграции, а также различных ценностных ориентаций, характеризующих отношение к проживанию в селе.

Оценка общего уровня готовности горожан к переселению в сельскую местность

Безусловно, «готовность к переселению» может находиться на разной стадии — от размышления над вопросом переезда «в принципе», в более или менее отдаленной перспективе, до принятого решения и практической подготовки к переезду.

В настоящем исследовании готовность к переселению рассматривалась во всех вариантах, что дает возможность построить своеобразную «лестницу» готовности к переселению из города в село, верхние ступени которой, по сути, и отражают искомый потенциал внутренней миграции «город — село» в России (рис. 1).

Итак, две трети горожан из числа участников опроса, по их словам, никогда не рассматривали для себя возможность проживания в сельской местности — ни временного, ни постоянного. Еще 12% также вряд ли можно считать потенциальными переселенцами в сельскую местность, поскольку они либо перестали думать о переезде, либо затруднились ответить.

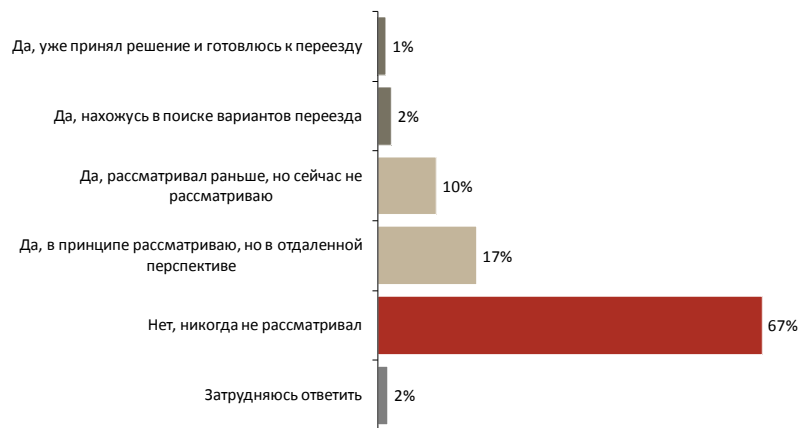

Рис. 1. «Рассматривали ли вы когда-либо для себя (своей семьи) возможность временного или постоянного проживания в сельской местности?» (% от опрошенных горожан, N=1259)

Таким образом, можно выделить группу граждан, которые в принципе, в той или иной степени рассматривают для себя возможность переселения в сельскую местность или уже даже готовятся к нему. В совокупности объем этой группы составляет около 20% горожан. Однако это «оценка сверху». Если же оценивать уровень готовности городского населения к миграции в село более реалистично, то на сегодняшний день его можно оценить примерно в 3% городского населения страны: это те, кто сообщил в ходе опроса, что уже принял решение и готовится к переезду, и те, кто находится в поиске вариантов переезда.

Безусловно, понятие «переезд в сельскую местность» можно рассматривать довольно широко, тем более что в вопросе о готовности горожан к переселению содержались варианты и временного, и постоянного проживания в селе. В ходе опроса была предпринята попытка конкретизировать, какие именно варианты переселения рассматривают для себя городские жители (рис. 2). Этот вопрос задавался только тем респондентам, которые в ходе интервью не заявили твердо, что никогда не рассматривали возможности переселения в сельскую местность, т.е. как минимум хотя бы когда-либо задумывались об этом (это около трети городской выборки).

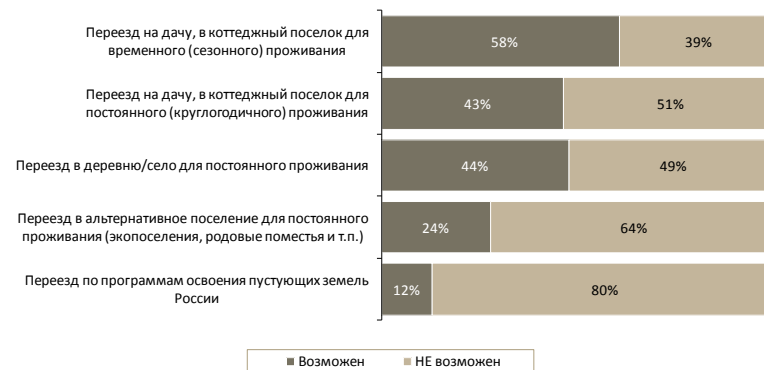

Рис. 2. «Какие из представленных вариантов вы рассматриваете для себя как возможные хотя бы в отдаленной перспективе, а какие считаете не возможными в принципе?» (% от тех горожан, которые хотя бы задумывались о переезде из города в село)

Наиболее популярными вариантами переезда на временное или постоянное проживание в сельскую местность для городских жителей являются три: это переезд на дачу или в коттеджный поселок (прежде всего для сезонного, но также и для постоянного проживания), а также переезд в деревню для постоянного проживания.

Привлекательность альтернативных поселений заметно ниже. Как представляется, это связано как со слабой информированностью значительной части населения о такого рода поселениях, так и со спецификой самих альтернативных поселений, проживание в которых может подойти далеко не всем горожанам.

Реже всего участники опроса выбирали альтернативу «переезд по программам освоения пустующих земель», что может быть связано с неосведомленностью об этих программах, недоверием к государственным программам вообще, опасениями по отношению к «пустующим» землям и т.п.

**РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЦЕННОСТЕЙ ПРОЖИВАНИЯ
В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СРЕДИ РОССИЯН:
АНАЛИЗ ДАННЫХ МАССОВОГО ОПРОСА**

Для измерения распространенности среди российских граждан ценностей проживания в сельской местности в рамках всероссийского опроса респондентам предъявлялись пары суждений, заключающих в себе противоположные ценностные установки относительно проживания на селе.

Набор ценностных установок для включения в инструментальный массового опроса был подготовлен на основе анализа результатов экспертной сессии и онлайн фокус-группы. Представления, установки, мнения экстрагировались из выступлений экспертов, потенциальных переселенцев и уже переселившихся в село горожан. Далее им придавалась форма законченных суждений, к которым подбиралась пара — суждение, противоположное по смыслу.

Всего было составлено 10 пар суждений, которые были включены в анкету всероссийского опроса; эти пары суждений предъявлялись всем респондентам — как жителям городов, так и россиянам, проживающим в сельской местности. Участникам опроса предлагалось выбрать из каждой пары суждение, с которым они более согласны.

Распределение ответов респондентов представлено в табл. 1. Данные представлены в сопоставлении ответов жителей городов и сел Российской Федерации.

Таблица 1. «С каким суждением из каждой пары вы более согласны?» (% от опрошенных горожан, N=1259; % от опрошенных селян, N=341)

Жизнь лучше в селе	%		%	Жизнь лучше в городе
Экологическая ситуация в городах значительно хуже, чем в селах	81	Город	15	В селах сейчас не менее серьезные экологические проблемы, чем в городах
	85	Село	12	

Продолжение табл. 1

Жизнь лучше в селе	%		%	Жизнь лучше в городе
Питаться действительно натуральными продуктами можно лишь в деревне, но не в городе	61	Город	35	Натуральные продукты сейчас можно приобрести в любом городском супермаркете, а не только в селе
	70	Село	26	
В сельской местности жить безопаснее, чем в городах	58	Город	25	В городах жить безопаснее, чем в сельской местности
	79	Село	13	
Человек должен жить ближе к природе, городская среда является противоестественной для людей	56	Город	37	Для современного человека проживание в городе более естественно, чем жизнь на природе
	77	Село	19	
Жить в частном доме лучше, чем в городской квартире	57	Город	38	Лучше жить в городской квартире, чем в частном доме
	74	Село	18	
Неторопливость и размеренность сельской жизни предпочтительнее шума и суеты городской жизни	48	Город	46	Шум и суета городской жизни предпочтительнее неторопливости и размеренности сельской жизни
	62	Село	31	
Цены на различные продукты и услуги на селе ниже, чем в городе	43	Город	36	В городе цены на продукты и услуги ниже сельских цен
	44	Село	43	
Города переполнены людьми, поэтому современному человеку комфортнее жить в сельской местности	40	Город	54	В селах почти не осталось людей, поэтому современному человеку комфортнее жить в городе
	64	Село	32	
Транспортные и дорожные проблемы в городах делают их менее комфортными для проживания, чем села	36	Город	54	Транспортные и дорожные проблемы в селах делают их менее комфортными для проживания, чем города
	47	Село	46	

Окончание табл. 1

Жизнь лучше в селе	%		%	Жизнь лучше в городе
На селе более высокие возможности для творчества и самореализации, в то время как в городе очень сложно найти свое место	18	Город	70	Город предлагает более широкий набор возможностей для творчества и самореализации человека, чем село
	15	Село	73	

Следовало ожидать, что представления о ценностях проживания в сельской местности будут различаться у нынешних горожан и селян; полученные в ходе опроса данные, отражающие эти различия, вполне соответствуют ожиданиям исследователей. Курсивом выделены значения, которые можно отнести к доминирующим (получившим в паре суждений 60% и более голосов респондентов).

Как видно из приведенных данных, в городской выборке лишь в трех суждениях из десяти можно говорить о безусловном доминировании одной из точек зрения. При этом в двух суждениях признается преимущество сельской жизни, а в одном — городской.

Так, главное преимущество сельской местности для горожан состоит в более высоком экологическом качестве жизни, близости человека к природе — большинство жителей Российской Федерации считают, что в городе экологическая ситуация хуже, чем в селе; что только в селе можно питаться натуральными продуктами. Довольно распространено среди городских жителей также мнение, что жизнь на селе более безопасна, чем в городе. Главный же недостаток проживания на селе — слабые, в представлениях горожан, возможности для творчества и самореализации личности.

Относительно других ценностей сельской жизни мнения горожан разделились: близкие доли участников опросов отдали предпочтение сельской размерности и городской суете; далеко не однозначными оказались представления городских жителей о ценах на продукты и услуги в городе и селе, о транспортных и дорожных проблемах.

В отличие от городской выборки, в сельской зафиксировано доминирование одной из точек зрения в восьми парах суждений из десяти. Причем жители российских сел признают пре-

имущество городской жизни над жизнью в сельской местности только с точки зрения возможностей для самореализации человека, и в этом они вполне солидарны с горожанами. В то же время преимуществ жизни на селе, по мнению значимого большинства сельских жителей, гораздо больше: в селах лучше экологическая ситуация, людям доступны натуральные продукты, близость природы. Значимое большинство селян считает сельскую жизнь более безопасной, чем городскую, они предпочитают размеренность жизни городской суете, а частный дом — городским квартирам. Селяне сегодня считают сельскую жизнь более качественной, чем городскую. по многим параметрам, за исключением возможностей самореализации. Кроме того, относительно цен на продукты и услуги в городе и селе, а также транспортных и дорожных проблем позиции селян, как и горожан, разделились.

Как видно из приведенного сравнения, горожане и селяне в определенных моментах, касающихся ценностей проживания на селе, вполне сходятся, особенно это касается вопросов экологии (которая признается лучшей на селе) и самореализации (здесь, напротив, приоритет отдается городу). Различия касаются скорее образа жизни: многим горожанам привычнее и милее городская суета, шум и многолюдье, селянам, напротив, размеренность и неторопливость, уединенность деревенского существования.

Мнения горожан о барьерах и стимулах переселения из городов в сельскую местность

Вопрос о барьерах переселения из города в сельскую местность задавался в ходе опроса в двух вариантах: сначала респонденту предлагалось ответить на вопрос в общем, за горожан в целом (как он это себе представляет), а затем — за себя лично, т.е. о своих собственных препятствиях и барьерах (табл. 2).

Как видно, и для горожан «вообще», и для себя лично участники опроса — городские жители чаще всего выбирали три «барьера» для переезда в сельскую местность: более низкая, чем в городе заработная плата и более низкое качество инфраструктуры (нехватка социальных объектов и проблемы с коммунальными услугами). Такие ответы выбирали более половины опрошенных горожан.

Другие препятствия назывались вдвое реже, чем три первые, хотя они значимы для многих городских жителей. Так, от четверти до трети респондентов отметили недостаток торговых и сервисных предприятий, дороговизну жилья в сельской местности и территориальную отдаленность от городских родственников.

Заметим, что «рейтинги» препятствий к переезду в сельскую местность для горожан «вообще» и для себя лично фактически аналогичны, во всяком случае, различия между ними несущественны.

Таблица 2. «Что в первую очередь препятствует переезду горожанина в сельскую местность?» / «А если говорить о вас лично? О вашем возможном переезде?» (% от опрошенных горожан, n=1259, допускался выбор нескольких вариантов ответов)

	Для всех горожан	Для себя лично
Уровень заработной платы ниже, чем в городе	58	53
Нехватка больниц, детских садов, школ и т.п.	58	50
Проблемы с коммунальными услугами (водо-, газо-, электроснабжение)	55	52
Нехватка магазинов, торговых центров, сервисных центров и т.п.	34	28
Дороговизна жилья/земельных участков в сельской местности	28	21
Территориальная отдаленность от родственников и друзей, проживающих в городе	22	28
Отсутствие готовых программ переселения, позволяющих заранее подготовиться к переезду и взвесить все риски	15	12
Трудность в поиске близких по духу людей на новом месте жительства	11	16
Ограниченный выбор мест, доступных для переезда	7	7

Безусловно, следует помнить, что это декларируемые препятствия и барьеры. При этом, как показал опрос (об этом будет сказано ниже), довольно большая часть горожан считает, что хорошо

представляет себе, чем отличается жизнь в городе от жизни в селе: около трети горожан — выходцы из села, более половины имеют там родственников, а примерно половина — опыт относительно длительного (от трех месяцев) проживания в сельской местности.

Таким образом, можно резюмировать, что горожане чаще всего придерживаются мнения (очевидно, небезосновательного), что переезд из города в село сопровождается снижением уровня заработной платы и ухудшением качества инфраструктуры.

Вполне понятно, что основным стимулом к переезду из села в город в представлениях горожан является преодоление основного «барьера» — большинство респондентов считают, что для городских жителей стимулом являлись бы льготные условия покупки жилья и более высокий, чем в городе, уровень заработной платы. Эти же два условия чаще всего назывались и в качестве личных стимулов (табл. 3).

Таблица 3. «Что в первую очередь может способствовать переезду людей из города в сельскую местность?» / «А если говорить о вас лично? О вашем возможном переезде?» (% от опрошенных горожан, n=1259, допускался выбор нескольких вариантов ответов)

	Для всех горожан	Для себя лично
Льготные условия покупки жилья	58	43
Уровень зарплаты выше, чем в городе	57	47
Возможность после переезда работать по той же специальности, что и в городе	31	28
Государственная компенсация расходов на переезд	30	26
Ухудшение экологической ситуации в городе	27	31
Льготные условия налогообложения после переезда	23	19
Увеличение расходов на проживание в городе	23	28
Потеря работы и/или сложности с ее поиском в городе	20	20
Возможность переезда с группой единомышленников	13	15

Понятно, что стимулы переселения из города в село могут быть, с одной стороны, привлекающими (лучшие условия жизни на селе, чем в городе), с другой — выталкивающими (ухудшение условий жизни в городе). Как видно из приведенной таблицы, участники опроса чаще всего выбирали альтернативы ответов из группы привлекающих стимулов (высокая зарплата и льготы при покупке жилья). Значимыми для многих горожан являются и другие привлекающие стимулы — возможность не менять профессию, государственная компенсация расходов на переезд, льготное налогообложение отмечали от четверти до трети респондентов-горожан.

Однако следует заметить, что довольно большая часть городских жителей (20–30%) допускает (в том числе для себя лично), что причиной переселения в сельскую местность могут стать так называемые выталкивающие стимулы, а именно ухудшение условий жизни в городе: ухудшение экологии, потеря работы, удорожание жизни в городе.

«Рейтинги» стимулов для переселения в сельскую местность для горожан «вообще» и для себя лично в целом похожи, несмотря на наличие некоторых различий. Так, лично для себя горожане немного чаще выбирали размер заработной платы, чем льготные условия для покупки жилья (как в рейтинге «для всех»). Привлекающий стимул «льготное налогообложение» оказался для себя лично менее значимым, чем отталкивающий стимул «увеличение расходов на проживание в городе». А вот возможность переезда с группой единомышленников оказалась внизу списка стимулов в обоих случаях — трудности поиска близких по духу людей на селе пугают горожан заметно меньше, чем материальные трудности.

В табл. 4 приводятся данные, иллюстрирующие ответы респондентов на вопрос о наиболее важных для них условиях в месте их проживания. Эти данные отражают важнейшие потребности городских жителей и могут служить ориентиром, какие именно потребности горожане не могут, по их мнению, удовлетворять в селе на том же уровне, что и в городе.

На первом месте, как видно из результатов опроса, стоят учреждения здравоохранения, первоочередную важность которых отметили две трети горожан; напомним, что нехватка учреждений здравоохранения отмечалась как одно из основных препят-

ствий к переселению в село. Около половины городских респондентов отметили важность коммунальных услуг (электро-, водо-, газоснабжение); напомним, что в «рейтинге» барьеров к переезду из города в сельскую местность проблемы с коммунальными услугами вошли в тройку «лидеров».

Каждый третий горожанин считает необходимым в месте своего проживания наличие образовательных учреждений и дорог. Сравнительно менее значимы транспортное сообщение городов и доступ в Интернет.

Таблица 4. «Что из нижеперечисленного является самым необходимым для вас в месте вашего проживания?» (% от опрошенных горожан, N=1259, допускался выбор нескольких вариантов ответов)

Учреждения здравоохранения (поликлиники, больницы)	68
Централизованное электроснабжение	51
Централизованное водоснабжение	48
Централизованная газификация	45
Образовательные учреждения (детсады, школы)	38
Дороги	33
Магазины	24
Бесперебойное транспортное сообщение с городом	21
Доступ в Интернет	17

Значимость тех или иных условий проживания не одинакова для разных групп населения. Понятно, что с возрастом усиливается значимость медицинских учреждений, а важность доступа в интернет, напротив, имеет обратную корреляцию с возрастом респондентов, как и наличие образовательных учреждений.

Таким образом, согласно данным всероссийского опроса, городские жители считают главным препятствием к переселению в сельскую местность более низкий уровень заработной платы и социальной инфраструктуры в селе по сравнению с городом. Соответственно, изменение ситуации в лучшую сторону, по их мнению, могло бы служить привлекающим стимулом к возможному переезду из города в село: рост заработной платы, обеспечение доступа к объектам социальной инфраструктуры, улучшение качества коммунальных услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье кратко изложены основные результаты исследования потенциала переселения горожан в сельскую местность. Проведенный опрос населения России показал, что в той или иной степени рассматривают возможность переезда около 20% горожан. Однако более справедливым было бы говорить, что реально готовы к переселению не более 3%. Предполагается, что доля горожан, готовых переехать в сельскую местность, может быть увеличена при условии повышения заработной платы в селах, развитии социальной и коммерческой инфраструктуры.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
ДЕИНДУСТРИАЛЬНОГО ПОСЕЛКА

ГЕОРГИЙ ЭПИФАНОВ, КСЕНИЯ ПОНОМАРЕВА
Отделение социологии Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова

Северные территории в советский период долгое время были привлекательны для людей, участвующих в погоне за «длинным рублем». Лесная промышленность районов Севера требовала все больше новых рабочих рук и становилась своеобразным аттрактором для активного трудоспособного населения страны. Северный вектор трудовой миграции восполнял нехватку рабочих на предприятиях и тем самым развивал социальную жизнь в населенных пунктах. Приезжие рабочие ассимилировались на новой местности, приобретали недвижимость, вступали в брак и заводили детей. Экономический спад 1990-х гг. заметно изменил существующее положение дел. В период с 1990 по 1996 г. динамика объема производства лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности по стране в процентах к предыдущему году показала следующую снижающуюся тенденцию: 98.8; 91.0; 85.4; 81.3; 69.5;

99.3; 77.7¹. Спрос внутреннего рынка на лесное сырье оказался неплатежеспособен, однако добыча поддерживалась экспортом, который все больше приобретал вынужденный характер².

Результатом процессов деиндустриализации 1990-х гг. стало снижение рабочих темпов ряда промышленных предприятий вплоть до прекращения их деятельности, что повлекло за собой потерю работы частью населения. Север стал не так уж привлекателен для тех, кто искал там достойную зарплату. Если в период с 1970³ по 1979⁴ г. население Архангельской области выросло на 65 780 человек (с 1 401 289 до 1 467 069), а к 1989⁵ г. и вовсе составило 1 570 256 человек, то в период с 1990 по 2000 г. оно сокращалось в среднем по 18 517 человек в год (с 1 575 502 до 1 390 334). В период с 2001 по 2014 гг.⁶ население также продолжило сокращаться в среднем уже на 13 801 человек в год (с 1 369 18 до 1 191 785). При этом среднее значение конкретно миграционной убыли населения в период с 2003 по 2014 г. в Архангельской области, включая Ненецкий автономный округ, составляет 8 361 человек в год⁷. Наиболее сильно в Архангельской области потерю населения ощутила сельская местность. Так, в период с 1990 по 2014 г. сельское население области сократилось на 33% (с 415 484 до 279 906), в сравнении с городским, чья численность изменилась на 21% (с 1 160 018 до 911 879)⁸. Учитывая представленные тенденции, можно

¹ Российский статистический ежегодник. 1997. Стат. сб./Госкомстат России. М., 1997.

² Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. М., 2004.

³ Всесоюзная перепись населения 1970 г. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php

⁴ Всесоюзная перепись населения 1979 г. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php

⁵ Всесоюзная перепись населения 1989 года Всесоюзная перепись населения 1979 г. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php

⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31557>

⁷ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области. <http://arhangelskstat.gks.ru/>

⁸ ЕМИСС. <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31557>

предположить, что сокращение объема работ предприятий лесной промышленности внесло свой вклад в изменение численного состава населения (в особенности, сельского) региона.

Ориентируясь на гипотезу о том, что демографические изменения на определенной территории приводят к преобразованиям социальной жизни ее населения, в данной работе мы намерены проанализировать то, как трансформация состава населения конкретного поселка влияет на коммуникационные процессы внутри него.

Объектом нашего исследования является созданный в эпоху индустриализации поселок Боброво, находящийся в Приморском районе Архангельской области. Образование поселка имело конкретную цель в промышленной сфере — организацию речной транспортировки лесного сырья. Сам населенный пункт расположен на расстоянии 38 км от города Архангельска и является административным центром Коскогорского муниципального образования, находящегося в северо-западной части Архангельской области. Добраться до данного пункта из областного центра можно на автотранспорте, кроме того Боброво и Архангельск связывают два автобусных маршрута, автобусы совершают несколько рейсов в день.

В феврале 2015 г. в поселке Боброво нами было проведено наблюдение, сопровождаемое серией интервью с его жителями. В фокусе обоих методов находились коммуникационные процессы в данном населенном пункте.

Согласно данным правительства Архангельской области¹, на 1 января 2014 г. численность населения поселка составила 1325 человек, 792 из которых являются трудоспособными, а 210 в возрасте до 16 лет. Всего формально занятых имеют 624 человека², что может говорить об актуальности проблемы безработицы на территории поселения.

¹ Приморский муниципальный район (архив сайта). <http://old.dvinaland.ru/region/mo/primorsk.php>

² Администрация муниципального образования «Лявленское» расшифровывает данный статус следующим текстом: «Всего занятых — количество лиц, выполняющих оплачиваемую работу по найму, а также не по найму как с привлечением, так и без привлечения наемных работников. В численность занятых включаются лица, которые выполняли работу в качестве помогающих на семейном предприятии».

Центральная улица в Боброво наиболее оживленна. На ней расположены все магазины, местная администрация, почтовое отделение, дом культуры и аптека. Также в поселке есть начальная и средняя школы и детский дом. В школах обучаются около 70 учеников, воспитанниками детского дома являются менее 20 детей, из-за постепенного снижения их числа существует высокая вероятность закрытия учреждения, что грозит сокращением рабочих мест. Здание детского сада признано ветхим, поэтому детей организованно возят на школьном автобусе за 8 км в муниципальное образование «Лявленское». Все перечисленные объекты, включая коммунальную сферу, дают рабочие места части жителей.

Поселок выделяется строительством небольшого производственного предприятия. В 2003 г. в нем был открыт пивоваренный завод проектной мощностью 150 тонн продукции в месяц¹. Так как процесс производства на заводе автоматизирован, его рабочий персонал составляет всего 20 человек. В силу небольшого количества рабочих мест сами жители не считают завод важной составляющей поселка и относятся к предприятию скептически: «А что он, пивзавод-то? Там народу мало ведь работает. Разве народ там?» (М., около 55 лет); «То, что он есть... я даже не знаю. Есть он — нормально, а не было — мы об этом не печалились» (Ж., около 60 лет).

Основой поселка был леспромхоз «Бобровский рейд», на котором была занята большая часть его жителей. Люди активно приезжали в населенный пункт на заработки, как в вахтовом режиме, так и на постоянное место жительства. Но в начале 1990-х «Бобровский рейд» прекратил свое функционирование и большинство жителей остались без работы. Леспромхоз занимал ключевое место в жизни его сотрудников и определял распорядок их дня: *А раньше лессплав был, сынок, знаешь? А вот, шесть бригад было, как туда приехала в 61 году, шесть бригад было! Это утром придешь — ночью уйдешь. Поешь как собака в столовой и опять бежишь. Переспшишь — надо встать, опять. Моя жизнь прошла в работе этого сплава. Потом из бригад стали уезжать, бригады меньше стали. Где 4 бригады, где 3, а потом и совсем закрылся»* (Ж., около 80 лет). С сокращением рабочих мест изменилась и демографическая ситуация в поселке: «Работающих

¹ Пивоваренный завод «Боброфф». <http://pivobobroff.ru/glavnaya>

по спискам по поселку немного. А вот когда была генеральная запань, говорят, было тысячи 3. Да и в основном пожилое население остается. Поселок идет к старению населения: старое остается, а молодое уезжает» (Ж., около 40 лет).

Сами же жители с сожалением вспоминают о прекращении функционирования государственного предприятия: «Ну, работы было море, вообще было много. Но как рейд закрыли — все, работы не стало. Раньше здесь столовая была, сплав был, гараж был, свинарник был. Просто сейчас этого ничего нет, все это разобрано. Мы же и разобрали, когда 90-е были» (М., около 45 лет).

Проблема безработицы привела к тому, что наиболее активное трудоспособное население ищет заработок вне поселка: «У нас нет работы в поселке. Обычно на базах, в город ездят, в Северодвинск ездят, в Архангельск ездят, везде ездят» (Ж., около 55 лет). Такие люди, как правило, либо вовсе уезжают из Боброво, либо ежедневно ездят на работу в другой населенный пункт или работают вахтовым методом: «Ну, многие ездят по командировкам, вахтовым методом обычно на месяц или недели на две. В основном на алмазы, кто-то на нефтянке работает, но это единицы, конечно. Кто по контракту служит еще у нас» (М., около 30 лет).

Все три стратегии приводят к одному и тому же эффекту. В будни таких людей практически невозможно встретить в поселке, что ведет к фактическому исключению их из социальной жизни населенного пункта.

Школьники, проживающие в поселке, большую часть своего времени проводят за учебой, однако, когда у них появляется свободное время, они сталкиваются с проблемой отсутствия возможности досуга в своем населенном пункте: «У нас молодежь либо в школе учится, либо в город ездит, у нас, конечно, молодежи нечем заняться вечерами, кто на компьютере сидит дома, кто с девушками» (Ж., около 50 лет); «Лично я в городе ошиваюсь. А так, у нас есть горка большая» (Д., около 15 лет).

Стоит также отметить, что встретить в будни в поселке человека младше тридцати лет — большая редкость: «Да здесь, считай, молодежи-то почти нету. В город ездят, в городе работают все» (М., около 55 лет). В связи с функционированием в населенном пункте Интернета, а также с территориальной близостью к областному центру — городу Архангельску, школьники (как и студенты) зачастую включены в социальные связи вне посел-

ка. Это значит, что младшее поколение практически не участвует в социальной жизни населенного пункта или искусственно пытается ее покинуть. Как правило, это два вида практик: частые поездки в расположенные поблизости города или подмена общения в поселке общением в социальных сетях в Интернете.

Из-за нехватки рабочих мест в поселке актуализируется проблема употребления спиртных напитков: «Ну тоже, люди от безработицы некоторые в пьянку бросаются, а так люди ничего» (Ж., около 75 лет). Люди, часто употребляющие спиртное, как правило, не имеют работы. Средства к существованию им дают либо социальные выплаты, либо временные подработки в качестве разнорабочих. У данной социальной группы есть излюбленные места, где они общаются в своей компании: «На остановке раньше пили. Сейчас не знаю, наверное, тоже. На трассе обычно собираются, но их гоняют — нельзя там пить» (Ж., около 30 лет).

Заметную часть населения поселка составляют пенсионеры. Почти все они — бывшие работники леспромхоза: «У нас старых много. Кому за 90, кому 100 лет. Вот везде старухи. А мне вот 77» (Ж., 77 лет).

Пенсионеры, как правило, живут ожиданием каникул или выходных, когда им привезут внуков: «Вот летом все приедут — детей привезут из города, взрослые будут приезжать, жизнь начнется!» (Ж., около 55 лет).

Есть те, кто справляется с одиночеством, ведя активный образ жизни: «Кто-то на лыжах ходит. Ну, песни поют, у нас есть три хора: Хор народной песни “Бобровчанка”, хор есть бабушек, которые поют вариант как, ну, как Бурановские. И вот есть чисто фольклорный коллектив, которые поют без сопровождения — их сложно сейчас слушать» (Ж., около 40 лет).

Но большую часть пенсионеров возраст и здоровье вынуждают отказаться от подобной активности, что приводит к своего рода изоляции: «Как день? Ха-ха, сидим дома, книжку читаем, телевизор смотрим, вечером на улице погуляем — вся наша жизнь» (Ж., около 55 лет). Но таких людей можно встретить в общественных местах в строго определенное время. Так, они образуют большие очереди в магазинах с 11 до 14 часов. Важно отметить, что в этих магазинах нет товаров, которые могли бы быть актуальны лишь в этот временной интервал (свежий творог, сливки, дефицитная продукция). Подобные очереди созда-

ются и на почте: «Они собираются тут (на почте), когда выдают пенсию, полтора часа они тут толкаются, мы им за это время все выдаем, и они рассасываются, при этом они образуют огромную очередь» (Ж. (работник почты), около 50 лет). Со слов работника почты никаких затруднений с выдачей пенсий, как правило, нет, и пенсионеры могут без проблем получить ее в любой удобный для них момент. Такая же ситуация наблюдается в аптеке у водозаборной колонки: «В магазин ходят и в больницу. Нет, серьезно, весь день так: больница, магазин или дома сидят. А что им еще делать?» (М., около 30 лет).

В магазине люди подолгу разговаривают с продавцом, задерживая весь процесс. Однако в этом случае такое поведение не порицается, а даже поддерживается другими участниками. Они долго выбирают товар и не стремятся удержать свою позицию в очереди. Так, не вызывает осуждения, если человек, который торопится и не намерен участвовать в подобном действии, совершает покупку вне очереди. Сама очередь как таковая все же не теряет свое воздействие на ход событий. Когда человек совершает покупку, он теряет легитимный статус участвовать в коммуникации. В этом случае он либо покидает место коммуникации, либо переходит в другой магазин или другое учреждение для следующей транзакции, сопровождаемой объемной коммуникацией с другими жителями поселка.

Таким образом, можно сказать, что изменение демографической структуры описываемого поселка, во многом связанное с резким сокращением местного рынка труда, трансформировало и коммуникационные процессы внутри него. Активное трудоспособное население и молодежь во многом образуют свои социальные связи вне поселка. Пожилые люди организовали две стратегии коммуникационных практик: активное участие в общественных, спортивных и творческих коллективах и своеобразную трансформацию мест общего рутинного собрания в дружеские встречи.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ БЕЗРАБОТИЦЫ

КСЕНИЯ ПОНОМАРЕВА

Отделение социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова

В настоящее время в сельской местности продолжает существовать проблема безработицы, что обуславливает распространение неформальных трудовых отношений¹. Сельские жители, как правило, не имеют постоянного заработка и официального места работы, поэтому актуальным для них становится материальное обеспечение себя и своей семьи каким-то другим образом. Оправданной стратегией поведения становится неформальная занятость, которая позволяет селянам не только получать доход, но и продукты питания.

Под неформальной занятостью чаще всего понимают официально незарегистрированную трудовую деятельность, которая не имеет юридического оформления отношений найма². В свою очередь, под неформальными (неправовыми) трудовыми практиками — «совокупность устойчивых и массовых социальных взаимодействий, связанных с нарушением легитимных законов и других формально-юридических норм, а также укорененных социокультурных традиций, регулирующих отношения труда и занятости граждан»³. Среди неформальных трудовых практик сельского социума можно выделить следующие: самозанятость в личном подсобном хозяйстве, самозанятость в народных промыслах и сезонные трудовые практики⁴.

¹ Муханова М. Н. Сельское население: проблемы и перспективы развития в меняющемся обществе // Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 221.

² Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 16.

³ Заславская Т. И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 5.

⁴ Муханова М. Н. Сельское население. С. 41.

Объектом нашего исследования стала деревня Андреевская, расположенная в Тарногском районе Вологодской области (Маркушевское сельское поселение). Деревня находится в 25 км от районного центра и в 5 км от муниципального образования «Заречье». Автобусное сообщение с этими административными единицами отсутствует. На 1 января 2014 г. в деревне Андреевская насчитывалось 26 домохозяйств, в которых проживало 70 человек постоянного населения¹. Отметим, что в летний период число жителей увеличивается, однако это не отражается в официальной статистике. В Андреевской имеется магазин и ретро клуб. Детский сад, школа (до 9 класса) и почтовое отделение находятся в муниципальном образовании «Заречье». Больница располагается в районном центре Тарногском городке.

Что касается официальной трудовой занятости, то Маркушевское сельское поселение является полностью сельским. В лесном и сельском хозяйствах занято 22 % от общей численности трудоустроенных. Доля занятых торговой деятельностью — 4 %. Официально зарегистрированных безработных в поселении, в состав которого входит деревня Андреевская, на 1 января 2013 г. насчитывается 3 %².

Несколько жителей деревни Андреевская занимаются предпринимательской деятельностью, являются владельцами пиломатериалов. Лесоперерабатывающие базы обеспечивают занятость лишь небольшой части мужского населения деревни. Это связано с тем, что таких предприятий лесного комплекса в пределах изучаемого населенного пункта всего два, и оба имеют низкий оборот продукции.

Часть населения деревни за неимением работы в месте проживания вынуждена трудоустраиваться за его пределами. К примеру, в Тарногском городке или в соседнем Нюксенском районе. Такая стратегия трудового поведения связана с необходимостью иметь личный транспорт, который не все себе могут позволить. Из-за сложностей с трудоустройством большая часть местных жителей не имеет постоянного дохода, поэтому в де-

ревне Андреевская широкое распространение получили неформальные трудовые практики.

Одна из них — ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Почти в каждом домохозяйстве есть приусадебный участок (огород), где жители выращивают овощи в первую очередь для собственного потребления. Помимо культивирования огорода, некоторые жители также занимаются животноводством, однако с каждым годом количество таких домохозяйств сокращается. В 2015 г. всего шесть семей держали кур, три семьи — коров. Сами сельские жители объясняют нежелание заниматься животноводством, во-первых, дороговизной кормов, во-вторых, трудностями при заготовке сена на зиму для крупного рогатого скота (нехватка людей для сенокоса, необходимость транспорта, дороговизна топлива).

Другой неформальной трудовой практикой являются народные промыслы. В Тарногском районе — это добыча меда и воска. В деревне Андреевская насчитывается 6 крупных пасек, где жители самой деревни и районного центра занимаются разведением пчел. Пчеловоды не только обеспечивают себя и свою семью медом, но и получают дополнительной доход от реализации излишков продукции среди своих знакомых, а также на крупных медовых ярмарках, проводимых в Тарногском и соседних районах.

К сезонным практикам занятости можно отнести сбор и сдачу ягод за деньги в специализированные приемные пункты. Особенность в том, что в Маркушевском муниципальном образовании, в отличие от других районов, нельзя встретить людей, продающих ягоды на обочине трассы. Сами жители объясняют такую ситуацию тем, что в этом нет острой необходимости, так как пункты сдачи ягод есть почти в каждом населенном пункте.

Для местных жителей, не имеющих постоянного заработка, сдача черники, брусники, клюквы является наиболее распространенным способом получения дохода. *«Да, я каждый день по ягоды хожу, время пока есть. Работы-то ведь нет, но я ее ишу. А пока только ягоды»* (Ж., 23 года).

Сбор дикоросов не является новым видом деятельности. Он существует в деревне Андреевская уже как минимум 14 лет. Местные жители отмечают несколько его преимуществ. Главное, по их словам, это возможность получения высокого дохода за летний период: до 100 тыс. руб. В начале августа одна сдача ягод приносила местному жителю в среднем около 500 руб.

¹ Официальный сайт Администрации Маркушевского сельского поселения Тарногского муниципального района Вологодской области. <http://markush.ru>

² Там же.

Кроме того, это занятие не требует постоянной занятости. Люди самостоятельно составляют свой график, могут выбирать дни похода в лес, ориентируясь при этом на погоду или свое самочувствие. *«Не, я-то с утра схожу и мне хватит, здоровье уже не то, а вот внуки и после обеда бывает, бегают»* (Ж., 57 лет). По времени поход в лес занимает всего около 5 часов в день, что позволяет жителям деревни успевать заниматься своим огородом.

Жители деревни Андреевская относятся к сбору дикоросов серьезно, как к настоящей работе. В лес они отправляются рано, в 6–7 часов утра. Ходят в основном группами по 2–5 человек каждый день. Предпочитают собирать ягоды далеко от населенных пунктов и дорог, в такие места, про которые знают только они сами: *«По оборкам ходить — только время тратить, лучше подальше уйти, там ягод синим-сине»* (М., 33 года). Для того, что бы добраться до места назначения, часто используется личный транспорт.

Сбор ягод предполагает использование специального инвентаря: корзин или ведер, комбайна — устройства для сбора ягод, называемого в народе «хапуга». *«Ну с собой я обязательно беру хапугу, без нее никуда, руками-то слишком медленно собирать»* (Ж., 46 лет).

Прием ягод начался в 2015 г. 13 июля, первоначальная стоимость одного килограмма черники составила 40 руб., в августе она достигла 80 руб. В Андреевской находятся два приемных пункта, которые располагаются в домах самих местных жителей. Ежедневно их посещают от 10 до 15 человек.

Таким образом, в деревне Андреевская встречаются все три вида неформальных трудовых практик, присущих сельской местности. Можно сделать вывод, что неформальные трудовые практики на данной территории преобладают над официальной занятостью, они играют одну из главных ролей в жизни местного населения. За счет подсобного хозяйства обеспечивается пропитание, с помощью сбора и сдачи ягод — доход. Для местных жителей — сбор недревесных ресурсов леса является важным видом деятельности, они осознают, что только таким образом, не имея постоянной работы, они способны обеспечить себя. Однако главная проблема та, что практически все неформальные трудовые практики актуальны только в летний период (к примеру, сдача ягод с июля по ноябрь).

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИЙ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ И СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ НАУКЕ

Рамиль Ризатдинов

Центр аграрных исследований РАНХиГС

В данной статье приводится анализ научной литературы, тематикой которой является изучение сельской местности, сельских населенных пунктов и разработка их типологий. На основе научных трудов ведущих ученых — С. А. Ковалева, А. Н. Челинцева, Т. И. Заславской, А. И. Алексеева и Т. Г. Нефедовой были разработаны типологии сельских населенных пунктов, модели развития, затем строились прогнозы, с помощью которых задавались основные пути развития сельской местности.

Но прежде чем говорить о сельских типологиях, необходимо разобраться непосредственно в вопросе о том, что, собственно говоря, представляет собой «село», «сельская местность» и чем эти понятия отличаются от города и городской местности.

Официальная российская статистика разделяет городские и сельские населенные пункты по двум основным показателям: численности населения и доли занятых в несельскохозяйственном производстве. Городскими населенными пунктами считаются те поселения, которые имеют населения не менее 12 тыс. человек, из которых не менее 85% заняты в несельскохозяйственном производстве и также обладают законодательно закрепленным статусом¹. Соответственно, к сельским населенным пунктам относятся все остальные поселения. Однако многие сельские населенные пункты в нашей стране имеют значительно большее население, чем города, например, станицы Юга России насчитывают по несколько десятков тысяч человек, а города, в свою очередь, часто бывают неотличимы от сельских поселений по численности населения и типу застройки. Принятое официальное разделение города и села в большой степени не отражает всей сложной картины расселения нашей страны.

¹ Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. Кн. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С 381.

Проблема разграничения сельской и городской местности находится под пристальным вниманием многих исследователей. В науке существует три основные концепции разделения города и деревни: дихотомическая, континуальная и многомерная¹. Простая дихотомическая концепция предполагает выделение только города и деревни без различных промежуточных вариантов. Основной идеей континуальной концепции является наличие двух полюсов — большого города и малой деревни, между которыми последовательно находятся все промежуточные формы. Многомерная концепция предполагает одновременную смену черт различных населенных пунктов, т.е. она объясняет, почему поселки городского типа имеют сельскую застройку, а некоторые сельские поселения застроены многоэтажными домами и выполняют несельскохозяйственные функции.

Нефедова приводит пример сложности ситуации с разграничением городской и сельской местности. Она пишет, что многие городские населенные пункты по численности населения и своему внешнему виду напоминают села, но все же имеют городские функции. В данных поселениях проживает около 1,4 млн человек, а если брать в расчет поселки городского типа, то это число увеличивается до 11 млн. В свою очередь, немало сел выполняет административные и прочие городские функции. Число жителей в данных поселениях составляет около 4 млн человек. В итоге число жителей России, которые живут в полусельских и полугородских населенных пунктах составляет 16,5 млн человек².

В настоящее время с учетом различных процессов трансформации городских и сельских населенных пунктов, сложно провести фактическую границу между городом и селом. Многие исследователи, к примеру, Л. Вирт, П. Полян, П. Сорокин, Р. Редфилд, пришли к выводу, город и село необходимо изучать как части целого, а не как отдельные независимые образования. При исследованиях сельской местности необходимо постоянно помнить о тесной связи города и села.

¹ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972; Алексеев А.И. Многоликая деревня. М.: Мысль, 1990.

² Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 20–27.

Исследования Б. Б. Родомана. Борис Борисович Родоман — известнейший ученый-географ, автор понятия поляризованного ландшафта, создатель нового направления в теоретической географии, изучающего уникальные особенности России и стран бывшего СССР. Суть теории поляризованного ландшафта заключается в том, что выделяются два крайних полюса — большой город и дикая природа, которые представляют собой элементы единого природно-антропогенного комплекса, связанные между собой миграциями людей и разделением функций. Между двумя этими полюсами располагается ряд различных по своим функциям зон: селитебные, промышленные, сельскохозяйственные, рекреационные и пр.¹

Для нашего исследования наиболее интересными являются размышления Родомана о традиционном культурном ландшафте Центральной России: «Культурный ландшафт формируется взаимодействием людей с окружающей природной средой». Главную роль в формировании культурного ландшафта играет население, его трудовые навыки, традиции и культура, которое приспосабливается к местным природным условиям². Далее автор пишет, что, исходя из этого утверждения, на различия в особенностях сельского расселения влияют два фактора: природный и этнический. На данных двух факторах создается особое культурно-историческое районирование. Как образец культурно-исторического районирования Родоман приводит такие зарубежные провинции, как Прованс и Нормандия во Франции, Волынь и Подолия на Украине и др. Но Россия сильно отличается от других стран отсутствием исторических провинций. Сложилась более тесная привязка к административно-территориальному делению, примером этому служат такие названия, как Вятский край, Подмосковье, Тамбовщина и пр.

В данной ситуации автор предлагает самостоятельно создавать историко-культурные районы на основе проведенного в середине XX в. физико-географического районирования. Физико-географические факторы оказывают сильное влияние

¹ Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Сб. ст. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 25.

² Родоман Б.Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

на тип и характер сельской местности, и они служат основанием, на которое накладываются дополнительные слои, факторы и условия (социально-экономические, институциональные и пр.). На примере Московской области Родман показывает влияние физико-географических факторов на характер сельской застройки. Он выделил три различных по своим условиям района Подмосковья — северо-запад, восток и юг.

Район северо-запада — наибольший по площади — занимает около половины всей территории Московской области и обладает самым большим рекреационным и экологическим потенциалом. Преобладающим типом застройки являются дома с двускатными крышами с коньком, стоящие достаточно просторно и обнесенные редкими изгородями из жердей. В холмистый ландшафт, образовавшийся вследствие Валдайского оледенения, вписаны небольшие деревеньки и красивые ледниковые озера, самое крупное из которых находится в Тверской области — Селигер. Восток Московской области располагается на Мещерской низменности, сложенной флювиальными песками, на которых основным видом растительности является сосна. Сосновые боры перемежаются в данном районе с пониженными заболоченными участками. Деревни здесь достаточно большие по размерам, традиционная застройка представлена сдвоенными избами с высокими плотными заборами.

Южный сектор Подмосковья отличается холмистым рельефом, образованным вследствие эрозионных процессов. Здесь преобладает приречное население, когда дома расположены в два ряда вдоль реки. Приуроченность сельских населенных пунктов к долинам и покрытые байрачными лесами междолинные пространства создают ощущение незаселенности территории, особенно в районах, где много вымирающих деревень.

К сожалению, в настоящее время традиционные типы застройки сельской местности искажаются ростом элитного и дачного строительства, что приводит к потере региональной идентичности и культурного многообразия.

Микрорайонирование Е. Е. Лейзеровича. Евгений Ефимович Лейзерович — крупнейший российский экономико-географ, доктор наук, разработчик своей собственной сетки районирования СССР и России. Рассмотрим районирование территории России, созданное ученым в 2008 г.

Субъекты административно-территориального деления в нашей стране значительны по размерам, 72 субъекта по площади превышают 25 тыс. км², что превышает показатели многих европейских стран. Столь значительные размеры субъектов обуславливают неравномерность природных и социально-экономических условий. Для отображения наиболее полной картины, Лейзерович поделил все административно-территориальные единицы на части, которые состоят из нескольких сельских административных районов. Такие части получили название экономических микрорайонов, со своей специализацией и траекторией развития.

Всего на территории России было выделено 423 экономических микрорайона. Основой для выделения служили субъекты России. В основном районирование для большинства регионов происходило в два этапа:

- выделение зон хозяйственного влияния крупных, средних и малых городов;
- районирование оставшихся за пределами влияния зон.

Хозяйственное тяготение выражается в различных производственных, трудовых и культурных связях между городами разной величины и сельскими населенными пунктами. Из исследований других ученых были выведены средние значения зоны охвата влияния города-центра — пригородная зона (20–45 км), пояс формирующего влияния (40–75 км) и зона экономического влияния (40–175 км).

Исходя из радиуса охвата влияния города-центра, площадь пригородной зоны варьируется в пределах 2–4 тыс. км², пояса формирующего значения 5–19 тыс. км² и зоны экономического влияния 5–100 тыс. км².

Ориентиром для выделения границ экономического микрорайона, образующегося вокруг города-центра, была взята внешняя граница пояса формирующего значения. Таким образом, было выделено 183 экономических микрорайона, которые определялись по зонам хозяйственного тяготения больших, средних и малых городов, т.е. было проведено узловое районирование.

Для остальной территории было проведено однородное районирование, в ходе которого экономические микрорайоны

выделялись по признаку тяготения к тем или иным крупным транспортным магистралям, морским побережьям, национальным особенностям и географическому положению.

Всего выделено 10 типов экономических микрорайонов, объединенных в три группы, плюс еще один район (курортный), не входящий ни в одну из групп (табл. 1)¹.

Таблица 1. Типы экономических микрорайонов по Е. Е. Лейзеровичу

Группа А	Группа Б	Группа В	Отдельный тип
Резервный	Равномерного, чисто хозяйственного освоения	Концентрация хозяйственной деятельности в больших (100-300 тыс. жителей) городах на фоне равномерного освоения территории	Курортный
Пионерского экономического освоения	Равномерного, преимущественно сельскохозяйственного, освоения	Крупногородской	
Дисперсного освоения	Равномерного сельскохозяйственного освоения, но с заметным развитием промышленности		
Относительно равномерного экстенсивного освоения	Преобладание в хозяйстве промышленности малых и средних городов при равномерном сельскохозяйственном освоении территории		

В качестве оценки данного районирования приведем слова известного географа В. Л. Каганского: «Районы Лейзеровича являются наибольшим из всех выделенных географами — приближением к социальным районам; они могут служить элементами для сборки каких-то иных районов и зон, а равно и новой типологии — уже на социологических основаниях»².

Перейдем к изучению точек зрения в вопросе классификаций типологий сельских населенных пунктов. В первую очередь хотелось бы дать краткий обзор научных трудов крупного учено-географа С. А. Ковалева, занимавшегося вопросами сельского расселения, сельской местности, географии обслуживания и географии населения в целом. В данном случае нас больше интересует вклад Сергея Александровича в изучение сельского расселения и создание типологии и районирования сельских населенных пунктов.

С. А. Ковалев разделял сельские поселения на две категории: населенные пункты, которые преимущественно ориентирова-

ны на сельское хозяйство, — сельскохозяйственные населенные пункты и несельскохозяйственные населенные пункты, специализирующиеся на других отраслях хозяйства или имеющие общегосударственное значение (например: научные станции, поселки связи, ж/д станции, дачные поселки, курортные базы и др.)¹. Такая классификация была весьма условной, но она показывала в первом приближении внутреннюю неоднородность.

Позднее в своих трудах Ковалев разрабатывает типологию сельских населенных пунктов. В советское время данная тематика была слабо проработана по сравнению с исследованиями городских населенных пунктов, а необходимость в этом была достаточно высокая.

Итак, рассмотрим основные положения Ковалева об изучении сельского расселения и вопросы типологии сельских населенных пунктов, которые имеют практическое и теоретическое значение. Выделим три основных положения, три ключевых момента. Это типология населенных пунктов, типология расселения или территориальных сочетаний и связь городских и сельских населенных пунктов.

Размышляя о проблемах типологии сельских населенных пунктов, Ковалев выделял несколько путей их создания. Это может быть путь с креном в какую-либо одну сторону, с одним или несколькими признаками, или это типология, которая будет основываться на множестве признаков, но которая потеряет определенную направленность и ее будет трудно использовать для конкретных задач. И первый, и второй путь имеют свои преимущества и недостатки. Исходя из того что создать универсальную типологию на «все случаи жизни» не получится, было решено создать несколько типологий, которые будут дополнять друг друга².

Самой первой и простой типологией можно считать выделение типов сельских населенных пунктов по их людности (численности населения). Здесь используется всего один показатель, но он имеет большое значение, и по нему уже можно проводить различные оценки.

¹ Лейзерович Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология)// Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.

² Каганский В. Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу// Социальная реальность. 2007. № 7. С. 81–83.

¹ Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении// Вопросы географии. Сб. 41. М.: Географгиз, 1957. С. 134–176.

² Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во Московского университета, 1963. С. 29–84.

Следующая типология называется функциональной. В ее основу положены такие признаки и свойства, как тип производственной деятельности населения и место населенного пункта в системе сельских поселений, его функция.

Другая типология учитывает внешние формы сельских населенных пунктов, она обращает внимание на тип застройки и характер планировки. Выделяются специальные «типичные планировочные формы»¹.

Особый набор признаков, который включает в себя пространственное положение сельских поселений, приводит к созданию типологии расположения сельских населенных пунктов. Она включает две основные стороны. Первая описывает расположение поселения относительно других населенных пунктов, транспортных путей, то есть выделяются типы по экономико-географическому положению. Вторая уделяет внимание физико-географическому положению, как населенный пункт вписан в местный рельеф, его расположению относительно водных и орографических объектов.

Отдельную типологию сельских населенных пунктов Ковалев выделял по генетическому признаку. Она нужна для отображения различий между поселениями в историческом развитии, которое накладывает существенный отпечаток на современный облик и развитие. Также история развития играет важную роль в формировании национального состава поселения.

Таким образом, Ковалевым было выделено четыре типологии или, как он сам их называл, типологические линии. При их совмещении возникает еще одна типология, которая называется региональной. Она описывает яркие характерные черты сельских населенных пунктов определенной местности. Данная типология — работа сугубо географическая, она призвана знакомить широкий круг людей с особенностями сельских поселений конкретных регионов, природных зон и национальных районов. Плюсом данной типологии является то, что она показывает наиболее характерные черты поселений, создавая определенные образы территории. Однако ее недостатком является «сужение поля обзора», за бортом остается все прочее многообразие сельских населенных пунктов, что снижает научное значение данной типологии.

¹ Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). С. 29–84.

Ковалев также отдельно рассматривает типологии сельского расселения или, по-другому, пространственных группировок населенных пунктов в сельской местности.

Типологии расселения в целом схожи с типологиями населенных пунктов, в данном случае также выделяются функциональный, генетический, морфологический подходы.

При использовании морфологического подхода для создания типологии основное внимание уделяется внешнему рисунку, конфигурации, плотности и равномерности расселения, а также приуроченности к различным инфраструктурным (дороги, линии электропередач) и природным объектам (реки, рельеф).

Функциональный подход предполагает выделение типов расселения по хозяйственным особенностям и характеру связей между населенными пунктами. Хозяйственная специализация в данном случае зависит от природных условий и особенностей исторического развития. Так, например, на равнинной территории с плодородными почвами возникает земледелие с использованием крупных массивов земли или в пустынной местности — оазисное сельское хозяйство.

Генетический или, по-другому, исторический подход показывает нам особенности расселения, которые сформировались с течением времени. Можно увидеть наложение разных исторических периодов, как они изменяют рисунок расселения, как новые тенденции вписываются в общую структуру.

Соотношение вышеописанных типологий показано на рис. 1.

Подводя некоторый итог, отметим, что важно также учитывать связь сельского и городского расселения. Село и город неразрывно связаны друг с другом, имеют общие исторические и хозяйственные связи. Поэтому есть необходимость в создании типологии, включающей в себя все виды населенных пунктов, расположенных на территории.

Ковалев внес огромный вклад в развитие географии сельского расселения. Он один из первых использовал комплексный подход к изучению сельской местности. Разработанные им положения до сих пор представляют огромный интерес для широкого круга специалистов и исследователей в области социологии и географии сельской местности.

Стоит отметить, что до Ковалева изучением села, разработкой типологий и районирования сельской местности занимались многие ученые. Одним из видных представителей организаци-

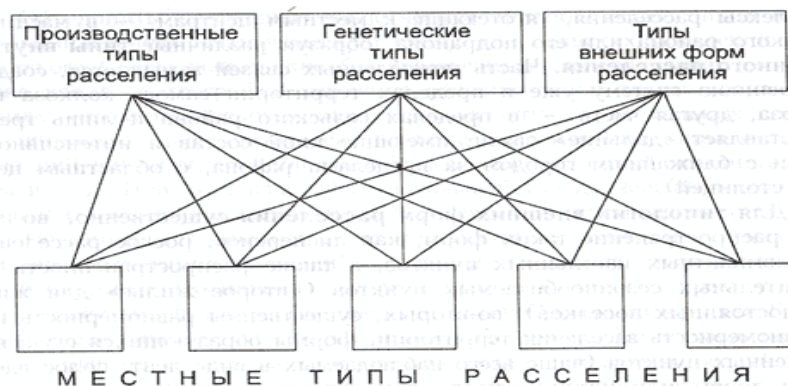

Рис. 1. Взаимосвязи различных видов типологии сельского расселения¹

онно-производственной школы являлся Александр Николаевич Челинцев. Он внес значительный вклад в дело развития теории районирования сельского хозяйства. Рассмотрим основные положения его сельскохозяйственного районирования, и как они могут использоваться в настоящее время.

Перед обзором вклада Челинцева в сельскохозяйственное районирование, необходимо упомянуть о разработанной им теории сельскохозяйственной эволюции, о которой он пишет в статье «Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них». Данная теория — одна из ключевых разработок ученого. Он исходил из того, что на сельское хозяйство оказывают сильное влияние социально-экономические структуры, складывающиеся в тот или иной исторический момент времени. По его словам, характер и тип сельскохозяйственного производства зависит от таких факторов, как накопленный уровень производственной базы или «какое наследие прошлого определяет до настоящего времени сельскохозяйственное производство»², фаза эволюции и каков исторический путь, пройденный каждой конкретной местностью. Исходя из этого, Челинцев допускает сходное социально-экономиче-

ское развитие сельского хозяйства разных районов при разных природно-исторических предпосылках развития и совсем различное при одинаковых физико-географических и исторических условиях, если районы существуют при разной «экономической обстановке»¹.

Главным фактором сельскохозяйственной эволюции Челинцев назвал рост населения и расширения сфер приложения труда. Он объяснял это тем, что растущее население нуждается в средствах для жизни и местах работы для получения этих средств. Важнейшим фактором увеличения производительности сельского хозяйства Челинцев называл «увеличивающуюся с ростом обмена «денежность» хозяйств земледельцев».

Челинцев в своей теории сельскохозяйственной эволюции главную роль в интенсификации сельского хозяйства отводит населению, а точнее, его росту и повышению густоты на единицу территории. Исходя из этого, он предложил анализировать географические особенности сельского хозяйства на основе только экономических и демографических факторов.

На основе теории сельскохозяйственной эволюции Челинцев разработал свое видение районирования сельского хозяйства. В своей статье он пишет том, что недопустимо выделять сельскохозяйственные районы по природным признакам, как это делали его современники А.Ф. Фортунатов и Д.И. Рихтер. Челинцев утверждал, что «всякий хозяйственный район должен прежде всего выражать не зависящую от природы хозяйственную деятельность, а степень власти человека над природой или степень освобождения человека от ее власти»².

Ученый разработал метод генетического районирования, т.е. выделять группы районов, которые находятся на одинаковой ступени сельскохозяйственной эволюции. Генетические признаки должны указывать на наиболее важные прошлые и современные тенденции и предпосылки развития сельского хозяйства. Далее с помощью таких признаков можно дифференцировать районы по уровню развития, нахождению на том или ином этапе эволюционного развития.

Рассмотрим подробнее генетические признаки, выделявшиеся Челинцевым. Это «способы поддержания плодородия,

¹ Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). С. 29–84.

² Челинцев А. Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 6–7.

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С.13.

изменения коих соединены с переменами в доле пахоты и с положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства». Рост густоты населения и изменение экономической обстановки приводит к закономерному изменению систем сельского хозяйства: от залежной к паровой, затем к травопольной и вольной¹. Челинцев считал свой подход наиболее точно отражающим особенности сельского хозяйства каждого района в связи с учетом экономических и исторических факторов, а также позволяющим комплексно и емко охарактеризовать изучаемое явление.

Дальнейшее развитие его теория получила в таких работах, как «Районы Европейской России, установленные по типам организации сельского хозяйства», «Сельскохозяйственная география России» и «К методологии сельскохозяйственного микро-районирования».

Челинцев был одним из первых экономистов, кто изучал сельское хозяйство как объект, которому свойственно изменяться, эволюционировать. Важными достижениями ученого были также разработанные им «генетические» районы и теория сельскохозяйственной эволюции.

Перейдем теперь к рассмотрению работ ученых, внесших вклад в разработку типологий сельских населенных пунктов. Одним из крупнейших деятелей отечественной науки, выдающимся социологом была Татьяна Ивановна Заславская. Она основала в Новосибирске социологическую школу, которая стала значимым и влиятельным движением в науке 1960–1990-х гг. Исследования, проводимые учеными под руководством Заславской, внесли значительный вклад в становление отечественной социологии. Среди ее трудов выделяется книга «Социально-демографическое развитие села: региональный анализ», так как именно в ней ученый приводит свою версию типологии сельского хозяйства и сельской местности по уровню экономического и социального развития. Далее приведем основные положения этой работы и оценим ее с точки зрения современных реалий.

Основная цель данной работы заключалась в создании типологии регионов с разным уровнем остроты социальных и эко-

номических проблем. Предполагалось, что выделив сходные регионы, можно было бы разрабатывать для них похожие траектории развития. В качестве объекта изучения было выбрано «полное множество сельских и городских поселений, производственная сфера которых связана преимущественно с агропромышленным сектором, а социальная — существенно ориентирована на обслуживание сельскохозяйственного населения»¹.

Такой объект условно назвали аграрным сектором. Заславская отмечает важность внимания к социальным факторам. Она пишет, что «если проанализировать состояние сельскохозяйственной системы «земля — техника — человек» за достаточный период времени, то окажется, что 2–3 десятилетия назад слабым звеном ее была техника, то время как в современных условиях им все чаще становится человек, его квалификация, его надежность и заинтересованность в конечных результатах труда»².

Далее важным моментом является выбор единиц типологизации. Выделение районов на уровне союзных республик невозможно, так как методика построения типологии основывается на описаниях объектов с помощью средних показателей³. Поэтому необходимы прежде всего относительно однородные объекты, к коим нельзя причислить такие субъекты, как Украинская ССР, Казахская ССР и прочие союзные республики. Наиболее однородная картина получается, если создавать типологии на основе мелких административных образований, таких как сельские районы или сельсоветы. Выбирая объекты для типологизации, необходимо исходить из того, что нужно в первую очередь — однородность или целостность, способность более широко охватить все социально-экономические условия жизни различных групп населения. Более целостную картину дает использование крупных объектов, однако при этом теряется однородность и упускаются многие детали. При выборе объекта типологизации остановились на областном уровне, так как немаловажную роль сыграл фактор получения статистической информации, который затруднителен при исследованиях на низовом уровне в масштабе всей страны.

¹ Челинцев А. Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. С.17.

¹ Социально-демографическое развитие села: региональный анализ/под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. С. 23.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 34.

Основной целью создания данной типологии «является выделение крупных элементов аграрного сектора, требующих разных программ развития»¹. Это был оригинальный подход к селу в то время. Советское руководство считало, что вскоре села превратятся в агрогорода по производству различного рода сельхозпродукции. Сельские поселения не рассматривались как самодостаточные и перспективные населенные пункты. Точка зрения Заславской, напротив, выделяла особую роль села, подчеркивала его уникальность и собственные пути развития.

Основным, центральным понятием при создании типологии использовалось понятие «социально-экономическая проблема». Вокруг этой проблемы строилась как внутренняя структура, так и результаты исследования. Татьяна Ивановна под социально-экономической проблемой понимала «количественно измеримое расхождение между целевым или нормативным значением какого-то социального признака, отражающим фактическое состояние региона на определенную дату»².

Для реализации данного подхода необходимо четкое понимание и формулировка целей долгосрочного развития экономики и социальной сферы аграрного сектора. Для определения системы целей был использован функциональный подход. Он заключался в том, что по тому, как аграрный сектор выполняет определенные для него функции, заданные в целевых программах развития, можно судить о характере и степени его проблем. Функции аграрного сектора как одного из социальных объектов подразделяются на несколько видов: внешние специфические, внешние неспецифические и внутренние³. Продовольственно-сырьевая функция является ключевой и системообразующей, она относится к внешним специфическим функциям. Это те функции, которые присущи только данному конкретному объекту и исполняют в нем системообразующую роль. К внешним неспецифическим функциям относятся социально-пространственная, рекреационно-природопользовательская и демографическая функции. Особенностью внешних неспецифических функций является то, что они могут выполняться не только данным социальным объектом, но и другими.

¹ Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. С. 43.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46.

Внутренние функции аграрного сектора направлены на удовлетворение потребностей собственного населения. Выделяются следующие виды внутренних функций: расселенческая, производственно-трудовая, экономическая и социальная¹.

С помощью вышеперечисленных функций происходит построение целей развития аграрного сектора. Данное развитие осуществляется в два этапа. На первом этапе определяется общая пространственная структура развития. На втором этапе выявляются качественные и количественные параметры развития, которые служат показателем достижения результата к определенному моменту времени.

Далее Заславская углубляет тему функций аграрного сектора, разбивая их на ряд направлений развития. Например, в расселенческой функции выделяется два направления. Первое направление предполагает усиление роли крупных населенных пунктов, которые более благоустроены и снабжены всем спектром обслуживающих учреждений. Второе направлено на улучшение транспортной доступности локальных центров различного ранга.

Каждому такому направлению развития, а их всего 27, соответствует своя актуальная социально-экономическая проблема. Если допустить, что развитие региона в определенном направлении можно измерить одним показателем, то сложность и острота проблемы будет определяться расхождением между запланированным и фактическим показанием индикатора. Однако, чтобы сравнивать разные регионы, необходимо определять остроту проблемы не только в целом в аграрном секторе, но и в каждом регионе. Так как такая задача была не под силу небольшому кругу исследователей, было принято несколько упрощений. Первое упрощение — это принятие условия, что у регионов должны быть похожие цели развития. С точки зрения ориентации на направления, которые преследуют цель выравнивания социально-экономического развития, данный подход вполне подходит и не вызывает больших отклонений от истины. Но если посмотреть на данный подход со стороны внешних функций аграрного сектора, то возникают определенные сложности. Это касается продовольственной и рекреационной функции. К примеру, нельзя требовать от северных регионов (Мурманская область) такой же

¹ Там же. С. 47.

отдачи в производстве сельскохозяйственной продукции, как от южных (Краснодарский край или Молдавия). Или необходимо понимать, что перед такими регионами, как Краснодарский край или Крымская область стоят совсем другие задачи, более высокого уровня по сравнению с Центральной Россией или Поволжьем в плане туризма и рекреации.

Подход, использованный при разработке типологии, является конструктивным средством для решения поставленных научных задач, но также стоит учитывать определенные ограничения. Для реализации данного подхода на практике требуется наличие специфической информационной базы и особой методики обработки данных¹.

Основным результатом исследования стала комплексная типология, которая распределила сельские регионы страны на 8 типов по значениям трех крупных групп показателей: демографическое развитие населения, расселение и социальная сфера, развитие производственной сферы сельского хозяйства. Данная типология была составлена из комплекса более простых типологий, учитывавших одну или две социально-экономические проблемы. Всего в комплексной итоговой типологии была учтена степень остроты всех 26 выявленных социально-экономических проблем.

Разработанная типология представляет интерес не только с методической, но и с практической точки зрения. Результаты исследования могут в дальнейшем использоваться в научных исследованиях. В настоящее время многие положения данной типологии устарели, но ее основные принципы актуальны при разработке новых типологий для российских регионов. Методика Заславской создавалась для условий плановой экономики. В современных условиях рыночной экономики необходимо учитывать главенствующую роль третичного сектора, новый уровень технического прогресса, изменившуюся структуру производства в сельском хозяйстве.

Рассмотрим работу экономико-географа, специалиста в области географии населения Александра Ивановича Алексева. Одной из известных его работ является книга «Многоликая деревня», изданная в 1990 г. Данная книга представляет собой анализ положения сельской местности перед развалом Советского

Союза. В ней описываются общие вопросы географического исследования, условия и образ жизни населения в сельской местности. Вся информация дается достаточно четко и ясно, книга рассчитана на широкий круг читателей.

Отдельная глава посвящена типологии сельской местности. Однако Алексеев не приводит собственную версию, а анализирует основные положения типологии сельской местности Заславской. Автор исследует сельское хозяйство со стороны населения, используя социолого-географические методы. Но также он отмечает, что необходимо проводить исследования сельской местности со всех точек зрения — и экономики, и природы, и населения: «...социальный, экологический и экономический аспекты исследований тесно взаимосвязаны и лишь в совокупности дают комплексное представление о сельской местности, ее состоянии, проблемах и перспективах развития»¹.

Перейдем к рассмотрению типологии сельской местности, созданной относительно недавно, в середине 2000-х гг., уже в новых условиях российской реальности. Рассмотрим взгляды известного географа, исследователя социально-экономических проблем и географии сельской местности Татьяны Григорьевны Нефедовой.

Перечислим коротко основные современные условия развития сельского хозяйства.

- 1) Природные ресурсы. Данный фактор играет главную роль в специализации сельского хозяйства и характера использования территории. В XXI в. природные ресурсы территории благодаря процессам сжатия и концентрации сельского пространства стали более мощным фактором усиления специализации сельского хозяйства.
- 2) Экономико-географическое положение. Положение относительно крупных городов и транспортных магистралей обуславливают не только специализацию, но и эффективность аграрного сектора. В настоящее время наиболее благополучные сельские предприятия в основном располагаются в пригородной зоне, где есть трудовые ресурсы и потребитель. Однако, вследствие сильной конкуренции и удорожания земель,

¹ Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. С. 54.

¹ Алексеев А.И. Многоликая деревня: население и территория. М.: Мысль, 1990. С. 25.

в будущем акцент развития сельского хозяйства будет смещаться в зоны между пригородами и полупериферией.

- 3) Человеческий капитал. Особое внимание Татьяна Григорьевна уделяет этнокультурному фактору, который за последнее время усилил свое влияние. В среднем, благодаря демографическому потенциалу, традициям и менталитету, в неславянских регионах лучше сохраняется сельская местность, и аграрный сектор находится в лучшем состоянии. В связи с этим ярким примером демонстрации данного положения является сравнение деревень в Татарстане и Чувашии.
- 4) Институциональные условия. В разных регионах сложились свои условия применения федеральной помощи и законодательной базы. Немаловажную роль играют неформальные отношения, которые служат инструментом решения проблем в обход официальных законов.
- 5) Рыночные бизнес-структуры. Тесно связаны с остальными четырьмя факторами. Способствуют усилению и диверсификации сельской экономики.
- 6) Комплексные ресурсы территории. Сочетание разных ресурсов приводит к образованию территориальных кластеров в сельской местности. Формируется мозаичная, пятнистая структура районов с повышенной концентрацией хозяйственной деятельности¹.

Т. Г. Нефедова отмечает, что главное, в чем Россия отстает от западных стран, это в мерах поддержки сельской местности, которые существенно влияют на сельское хозяйство.

В 2008 г. при разработке федеральной программы социально-го развития села, был проведен учет проблем разных регионов и разработана их типология. Данная типология была построена на основе учета проблем, ограничений и путей развития регионов. Вкратце приведем ее содержание.

Разбить регионы на какие-либо группы оказалось довольно сложной задачей, так как ни в одном из них нет однородной сельской местности. Внутрирегиональные различия лежат как в плоскости концепции «центр—периферия», так и обусловлены природными условиями. Например, горные и равнинные части

национальных республик Кавказа имеют принципиальные различия в специализации и характере сельского хозяйства, свои проблемы и особенности. Поэтому было решено выделять типы регионов по «преобладающим сочетаниям в каждом субъекте Российской Федерации предпосылок и ограничений развития сельской местности». Всего в итоге было выделено 4 типа регионов, в каждом типе выделялось несколько подтипов.

Приведем основные типы регионов, выделенных в рамках федеральной программы по социальному развитию села.

- 1) Регионы с благоприятными природными и социально-демографическими предпосылками развития сельской местности, преимущественно аграрной специализации.
- 2) Регионы с благоприятными социально-экономическими предпосылками развития сельской местности пригородного типа с полифункциональной сельской экономикой (Московская, Ленинградская область).
- 3) Регионы с социально-демографическими ограничениями развития сельской местности и обширными зонами социально-экономических депрессий.
- 4) Регионы с природно-климатическими ограничениями развития сельской местности и с ее слабой очаговой освоенностью¹.

В настоящее время работы Нефедовой остаются последними в области типологизации сельской местности. Необходимо предпринимать дальнейшие попытки районирования и классификации сельской местности России для выявления существующих проблем, оценки перспектив и разработки стратегий развития.

¹ Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. С. 347–348.

¹ Там же. С. 349–358.

Этнография города

ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В МАЛОМ ГОРОДЕ

ЕЛЕНА ГУДОВА (КОНОБЕЕВА)

Аспирантская школа по социологическим наукам НИУ ВШЭ
Лаборатория экономико-социологических исследований
НИУ ВШЭ

ФГУП «Почта России» — крупнейшая государственная компания, сеть которой насчитывает около 42 тыс. отделений. Спектр предоставляемых ею услуг достаточно широк и составляет, помимо основных — доставки письменной корреспонденции и посылок, подписки на газеты и журналы, выплаты пенсий и приема коммунальных платежей, около сотни других. Однако роль почты в крупном и малом городах может существенно отличаться, хотя бы потому, что в малом городе она зачастую не имеет конкурентов по большинству видов своей деятельности.

О ПОЧТЕ

Для начала — краткое описание ситуации в компании. В начале 1990-х гг. Почта России, как и многие другие предприятия, столкнулась с целым рядом проблем внешнего и внутреннего характера. Одним из факторов оказалось разделение отрасли на почту и электросвязь, в результате чего возникла внутренняя конкуренция. При этом созданная за годы СССР сеть отделений почтовой связи была сохранена, но резко сократился транспортный парк, напомнили о себе логистические проблемы, нехватка ресурсов и кадров, и т.д. Для того чтобы «остаться на плаву», почтовой службе пришлось взять на себя целый ряд непрофильных коммерческих услуг. Именно так возникли сдача помещений в аренду, продажа книг, одеколona и хлеба, совмещение функций почты, аптеки и магазина¹.

¹ Гашкова О. С. Социальные функции российской почты в условиях перехода к рыночной экономике (1991–2002 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4. С.110–112.

Это, по понятным причинам, явилось одним из важнейших факторов финансового упадка организации. Даже на сегодняшний день средний радиус обслуживания одного отделения Почты России составляет 410,3 км¹, а среднее число жителей в радиусе обслуживания не превышает 3430 человек на одно отделение. В то же самое время, к примеру, одно отделение USPS (United States Postal Service) США обслуживает 10 670 жителей в радиусе 325,4 км². Будучи второй по размеру национальной почтовой сетью после почты Китая, Почта России имеет крайне небольшую загрузку по числу клиентов и отправок, что делает ее очень невыгодной для государства. Так, по различным оценкам, до 28 тыс. сельских отделений Почты России убыточны. Однако закрыть их не представляется возможным в первую очередь из-за социальных функций, которые эти отделения выполняют.

Сами отделения делятся на 5 классов по статусу населенного пункта, количеству обслуживаемого населения, перечню предоставляемых услуг и еще нескольким показателям. Так, отделения 1-го и 2-го класса можно увидеть в крупных городах, а отделения 5-го класса — зачастую сельские или обслуживают удаленные поселения³. В России таких отделений 40%⁴, и нередко почтовое отделение может оказаться едва ли не единственной государственной организацией на удаленных территориях.

Зачем нам нужна вся эта статистика? Подобное положение дел — разветвленная сеть отделений, способная дотянуться до самых дальних уголков России, убыточность и вынужденная многофункциональность, отсутствие альтернатив среди коммерческих компаний, да и вообще альтернатив среди государственных организаций — служит хорошей почвой для формирования образа социально нагруженной компании, которая на самом деле для клиентов «больше, чем просто почта».

¹ Мелешко Д. А., Резникова Н. П. Производственные и логистические проблемы реформирования ФГУП «Почта России» // Телекоммуникации и транспорт (Т-Comm): 2009. № 3. С. 20–22.

² См.: РОССТАТ, статистика Всемирного почтового союза, данные Почты России.

³ Есть еще и передвижные почтовые отделения связи, которые фактически представляют «почту на колесах» в районах с совсем небольшой численностью жителей, но они в данном случае выпадают из нашего поля зрения.

⁴ Согласно Годовому отчету ФГУП «Почта России», 2014 г. http://fc.russianpost.ru/Download/AboutRussianPost/russianpost_ann_report2014.pdf

Социальная значимость почты и ее отделений достаточно активно конструировалась и продолжает конструироваться в информационном поле через интервью руководителей, отчеты, заметки в региональных изданиях и другие материалы¹. О том, что почта лучше будет оставаться убыточной, но не оставит пенсионеров без пенсии и «связи с государством», говорил не один руководитель организации. Это привело нас к вопросу: «Что же, собственно, такого делает почта в отдаленных поселениях, какие функции выполняет?»

О ПОЛЕ

Ответ на поставленный вопрос мы попытались найти в рамках Летней социологической полевой практики департамента социологии НИУ ВШЭ, проходившей в августе 2014 г. в г. Каргополь Архангельской области². Первоначальным объектом исследования предполагались «социальные функции» почты — ее способность быть центром социальной жизни, точкой сбора и проводником нужд жителей к власти. В дальнейшем же исследование свелось к двум фокусам — значимости почты для поддержания привычного уклада жизни и выживания традиционных почтовых услуг.

Почтовые отделения Каргополя, согласно утвержденной официальной структуре ФГУП «Почта России», принадлежат Плесецкому почтамту Архангельской области. Это означает, что

¹ Например, интервью бывшего главы Почты России А. Киселева порталу Forbes. <http://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/83945-kiselev-pochta-rossii-prosto-zakryt-ubytochnoe-pochtovoe-otdelenie-nelzja>; Костромской Бизнес-журнал. 2013. № 12. http://issuu.com/bizmag44/docs/_____12-2013/1?e=8352716/5798976; материалы регионального совещания аппарата управления и филиалов ФГУП «Почта России» Северо-Западного федерального округа, Псков 13–14 марта 2013 г. <http://www.russianpost.ru/rp/press/ru/home/newscompany/item?newsid=7697>. Также сюда можно включить и фильм А. Кончаловского «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына», на который, по различным отчеткам, Почта России выделила 30 млн руб. Моторная лодка, связывающая деревню Косицына с «большой землей», служит хорошей и точной визуализацией «социальной функции» почты.

² По счастливому стечению обстоятельств совсем недалеко от Плесецкого района и упомянутой деревни Косицына, что дает немного поводов сомневаться в отображении реальности в кинематографическом продукте А. Кончаловского.

непосредственное начальство отделений находится в Плесецке, далее — в Архангельске, а еще на одну ступень выше — в Москве, в аппарате управления Почты России. По этой же официальной структуре отделений в Каргополе три, однако на практике их два — одно находится в закрытом военном городке рядом с Плесецком.

Два Каргопольских отделения отличаются между собой буквально во всем. Для краткости приведем сравнения по основным параметрам в табл. 1.

Таблица 1. Почтовые отделения г. Каргополя

	Отделение 1	Отделение 2
Класс	2	4
Расположение	Центр города	«Заречье», часть города по другую сторону реки
Обслуживаемое население (примерно)	9,5 тыс. человек	600 человек
Количество доставочных участков ¹	7	2
Количество окон обслуживания	4	2
Здание	Свежий капитальный ремонт, собственность предприятия	Полуаварийное состояние, аренда

Расположение, класс и количество обслуживаемого населения определяют работу отделений как по времени, так и по интенсивности. Если в Отделении 1 часто можно увидеть очередь, а работа «кипит», то в Отделении 2 жизнь течет неспешно.

Несмотря на то что официальными датами открытия обоих отделений числятся 1993–1994 гг., жители утверждают, что почта «была всегда» и именно там, где мы ее и застали.

Для захода в поле нами использовалась официальная легенда участника Летней школы. В обоих случаях сначала происходило

¹ Количество частей, на которые разделена обслуживаемая территория, и в случае полной комплектации штата количество почтальонов.

знакомство с оператором, далее исследователь представлялся и рассказывал о своих целях пребывания в городе, после этого мог завязываться разговор, происходило знакомство с начальником отделения. Всего на полевом этапе исследования были проведены 11 интервью (с начальниками и работниками отделений, почтальонами и бывшими работниками), их них 2 интервью — парные, а также 4 непосредственных наблюдения в почтовом отделении (от 30 минут до 2,5 часов). Помимо этого было также несколько бесед с местными жителями на предмет их пользования почтой, о статусе и деятельности почты в городе. Материалы собирались при помощи аудиозаписей и дневников, также проводились обсуждения в рамках ежедневных коллективных дискуссий между участниками практики.

О ПРИВЫЧКАХ, СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И ДОВЕРИИ

У каждого почтового отделения есть пиковые дни работы, обычно связанные с выдачей пенсий и приемом коммунальных платежей (в Каргополе это 1–10 и 20–30 числа месяца соответственно). Однако время ожидания существенно варьируется в зависимости от услуги и времени работы отделения, а также времени суток. Утром и в обеденное время ожидание в пиковые дни в Отделении 1 может составлять до 25–35 минут, что ведет к появлению двух практик: ожидание в очереди становится поводом для общения и распространения новостей и слухов; люди ездят «за реку» в Отделение 2 оплачивать свои счета быстрее (и также обмениваются новостями).

В малом городе социальные контакты достаточно интенсивны, а связи близки — проще говоря, все друг друга знают. Поэтому, по словам самих сотрудников, люди иной раз могут прийти на почту просто пообщаться или пообсудить свои проблемы. Однако сотрудники стараются при этом не включаться в коммуникацию и сохранять нейтральную позицию слушателя. Настоящим же собеседником выступает почтальон.

Существенное снижение объемов доставляемой корреспонденции уменьшило значимость основной деятельности почтальонов, однако возросла социальная составляющая. Почтальон знает всех жителей как минимум на своем участке, находится в курсе личных отношений и экономического положения семьи, рассказывает новости и даже может помочь по дому. Пожилые

клиенты лично привязываются к сотрудникам, стараются купить у них масло/печенье/журнал, дабы помочь в выполнении планов продаж, приглашают пить чай и всегда «очень ждут». Все это делает почтальона значимой и знаковой фигурой для малого города и сообщества за счет оказываемого жителями доверия.

Одновременно при такой высокой значимости профессии существует большая текучка кадров и отсутствие поддержки и «сверху», и «снизу». Несмотря на проблемы с выбором областей трудоустройства в Каргополе, люди не спешат идти на почту из-за низкой зарплаты, сложности и ответственности работы, а жесткие санкции начальства и личные трудности в общении с руководством усиливают отток людей.

Уменьшение потока корреспонденции и постепенная интернетизация превращают почту в романтизированный рудимент старого порядка — пожилые жители с ностальгией вспоминают о временах, когда письма и посылки приходили каждую неделю, а телефон и Интернет ругают за то, что в них меньше эмоциональной составляющей. Молодые же жители города почтовыми услугами практически не пользуются, активно осваивают интернет-торговлю и оплату счетов онлайн, а к почте относятся с уважительным незнанием: «*Представьте, если бы ее не было в городе, что бы изменилось? — Да даже и не знаю... а как без почты-то?!*»

Хотя свои основные функции почта выполняет для весьма ограниченного сегмента населения, которое не способно или не желает перестраиваться на новые способы коммуникации, само существование организации в городе выступает в качестве гарантии стабильности, уверенности в происходящем и консервации привычного образа жизни. Интересно при этом, что даже сами почтовые работники не задумываются, «что будет, когда не останется пенсионеров, нуждающихся в почте?». Почта не является для малого города ни клубом, ни трибуной, ни проводником государства на удаленной территории¹, однако она — значимая часть фрейма и, безусловно, влияет как на практики жителей, так и на их восприятие города и себя в нем.

¹ В отличие от ситуации с колхозами на постсоветском пространстве. См.: *Ссорин-Чайков Н.* Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. 2012. № 4–5.

Что же касается размывания спектра почтовых услуг добавлением финансовых сервисов и превращения почты в «магазин», следует отметить, что в Каргополе действительно нет альтернатив почте по оказанию именно почтовых услуг, однако есть конкуренция по продаже периодики и оплате коммунальных счетов. Увеличение количества продуктов и услуг почты ведет к концентрации финансовых, товарных и информационных потоков. Чем меньше населенный пункт и чем меньше конкурентов, тем выше становится ее значимость. В результате, если в малом городе почта важна, но эта важность во многом объясняется восприятием жителей, то в близлежащих деревнях, куда два раза в неделю из Каргополя ходит передвижное отделение, она приобретает практически стратегический статус.

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Несмотря на то что описанное нами устройство почтового отделения лежит на поверхности жизни малого города, всегда существуют непредсказуемые моменты и сюжетные повороты. Так, почта стала единственной организацией, закрывшейся от исследователя через неделю наблюдения и общения из-за полученного сотрудниками распоряжения «сверху». Общение и изучение частных бизнесов, деятельности администрации и устройства предприятий в городе продолжалось, в то время как почта затребовала разрешение на анализ своей деятельности из Москвы, ссылаясь на федеральное подчинение.

Что же произошло? В один из дней наблюдения исследователь пришел в Отделение 1, где была достигнута договоренность об интервью с двумя сотрудницами, однако начальник сообщила, что им *запрещено* теперь общаться, поскольку Плесецкий почтамт не уверен в намерениях исследователя. Никакие аргументы про документы, рекомендации, анонимность и уже состоявшиеся беседы не действовали, поскольку почта никогда не сталкивалась с подобным интересом внешних людей. Симпатизирующие сотрудники Отделения 2 более подробно рассказали, что было множество теорий на этой счет: что девушка подослана из Москвы проводить внутренний мониторинг¹,

¹ Что, по сути, не лишено рационального зерна. Почта России с 2012 г. осуществляет проект «Тайный покупатель» (Mystery shopping) по оценке

что она в корыстных целях интересуется графиком работы почтовых машин, что это происки конкурентов, злоумышленников и т.п. Работникам обоих отделений не только были даны инструкции не общаться с исследователем и не отвечать больше ни на какие вопросы, но и само нахождение исследователя в отделении стало вызывать неудовольствие и подозрение.

Всему этому можно найти несколько объяснений, исходящих из специфики почты как организации:

- тайна переписки и «стратегический» статус: работа с государственной тайной, различными ведомствами (например, Пенсионным Фондом, налоговой службой, ГИБДД и проч. — фактическое хранение множества персональных данных и информации, не говоря о пересылке материальных ценностей и работе с деньгами). История национальных почтовых операторов в принципе часто основывается на частной переписке властвующих лиц в интересах государства, а структура почт во многом схожа с военными организациями;
- локализация ресурсных потоков: почта консолидирует и распределяет огромное количество информации и материальных ценностей, проходящих через узлы почтовой сети;
- ригидность структур и процессов управления: многоуровневая иерархия, дистанция во власти и в расстоянии образует структурные дыры и феномен «местечкового» руководителя, когда свое начальство ближе, а московские указания исполняются намного менее охотно. В результате любые сомнительные изменения блокируются, а информация сильно фильтруется, так как «как бы чего не вышло»; организация становится неповоротливой и невосприимчивой к изменениям среды.

Данные объяснения и сам прецедент вряд ли можно списать на специфику работы почты непосредственно в малом городе. Однако они позволяют увидеть, что даже несмотря на кажущуюся простоту во взаимодействии с жителями и функцию «буфера» между старым порядком и новыми технологиями, постепенное отмирание исконно почтовых сервисов и переориентацию

потребительского опыта и реальной ситуации на местах, по результатам которого принимаются управленческие решения.

на пенсионеров, почта по-прежнему отражает позицию заинтересованных сторон. Другим и более интересным вопросом, кроме «педалируемых» в СМИ латентных функций организации, являются как раз эти заинтересованные стороны, государство и локальное сообщество. Каким образом почта вписана в жизнь локального сообщества и как происходит их взаимное влияние — это, на наш взгляд, достойный сюжет для развития темы.

ЭТНОГРАФИЯ РЫНКА ФЛОРИСТИКИ В МАЛОМ ГОРОДЕ

Илья Ломакин

Факультет социальных наук НИУ ВШЭ

В конце октября — начале ноября 2014 г. в рамках образовательного проекта ФОМ-Лабс: Лабораториум социологических проектов и коммуникаций¹ нами² было проведено исследование в г. Кимры Тверской области, имевшее своей целью представить первичный взгляд на флористику как рынок и как искусство в малом городе. На примере двух районов города, где, по нашей оценке, имелось наибольшее скопление цветочных магазинов (центр и Савелово), мы исследовали основные пространственные, гендерные и эстетико-эмоциональные характеристики флористического рынка.

Методом наблюдения были собраны и проанализированы физические характеристики цветочных магазинов города, такие как положение и роль в городском пространстве, проходимость, категории товаров и уровень цен. Информантками в семи собранных нами полуструктурированных интервью выступили продавщицы и владелицы магазинов³, которые, вне зависимо-

сти от того, как они и их магазины себя позиционируют, продают срезанные цветы.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА

Основное отличие этнографии цветочного рынка малого и большого городов — большая актуальность «пространственного ресурса» для собственников магазинов. Когда мы говорим о пространственном ресурсе, мы подразумеваем дихотомию «город/пригород», «центр/периферия». Роберт Парк отмечал, что город есть констелляция разнообразных по своей специфике районов — «естественных зон», каждый из которых имеет собственный характер и особенности. Выбранные нами для исследования районы этому принципу более чем соответствуют. Район Савелово некогда существовал в качестве отдельной административной единицы и после присоединения к Кимрам оказался на окраине, причем как в восприятии самих граждан города, так и в плане логистических связей. Центр города в Кимрах определенно является пересечением большинства городских транспортных и потребительских потоков.

«Вот мост [через Волгу] проезжаете, центр и Савелово — будто люди совершенно разные. <...> Здесь более разборчивые люди, более осторожные, а там — нет, там берут все» (С., владелица магазина, Савелово).

Безусловно, такое положение не может не воздействовать на информанток: у них создается представление об исключительной прибыльности центра, даже несмотря на высокий уровень внутренней конкуренции. Наличие торговой площади в центре города ценится как таковое и объявляется важнейшим фактором успешности будущего или существующего бизнеса. В то же время в Савелове, где подобное «притяжение» центра отсутствует, критерии выбора места для магазина оказываются более разнообразными: например, близость к протяженным транспортным артериям, торговым центрам, сетевым магазинам и т.д.

«...центр всегда приносит совершенно другой доход, чем окраина <...> если человек не знает, куда ему поехать, где ему что-то найти, куда он пойдет? Естественно, в центр» (И., продавец-флорист, центр).

¹ Автор статьи благодарит Ольгу Рожкову за профессиональный подход при курировании исследования, вдумчивое прочтение подготовленных материалов и ценные комментарии к ним.

² Соавтор исследования В.Е. Ганьшина. См. также: Ломакин И., Ганьшина В. Флористика и флористы города Кимры: бизнес и искусство // Фонд «Общественное мнение». 2015. 25 июня. <http://fom.ru/posts/12207>

³ Здесь хотелось бы сразу обратить внимание на то, что все наши информанты были женщинами.

Итак, для центра города можно обозначить следующие отличительные от окраин выявленные нами характеристики:

- больший уровень конкуренции (но и большее экономическое равновесие на рынке в центре города, что также проговаривалось информантами¹);
- большая оригинальность наружной рекламы;
- большая специализация (магазины в центре ориентированы на продажу именно цветов и сопутствующих товаров, тогда как на окраине они более универсальны и продают сувениры, товары для сада, огорода и дома, и т.п.);
- особые условия для постоянных покупателей (для двух магазинов в центре города мы отметили даже введение собственных дисконтных карт).

Цены на цветы в магазинах различаются незначительно, но стоимость некоторых позиций в центре оказывались ниже, чем в Савелове. Видимо, в борьбе за покупателя цены в центре немного снижают, тогда как коллеги на окраине города себе такой маневр позволить не могут из-за сравнительно невысокой посещаемости: здесь владельцы могут завышать цены на некоторые позиции, однако делают это во вполне разумных рамках. Различие в ценах также может быть обусловлено различием в поставщиках и объемах закупок.

Таблица 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕН НА НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ПОЗИЦИИ В МАГАЗИНАХ ЦЕНТРА И САВЕЛОВА

	Хризантема белая, руб./шт.	Красная роза, руб./шт.	Гвоздика, руб./шт.
Центр, И. и К.	70	120	40
Центр, Т.	70	100	30
Центр (24 часа), М.	80	100	40
Савелово, С.	90	90	30
Савелово, О.	100	120	35
Савелово, Г.	100	120	35

¹ Вот, например, цитата продавца магазина в центре, открывшегося за месяц до интервью: «Первое время <...> и выручки маленькие были, и все... А сейчас у каждого магазина определенный клиент <...>: нравятся кому-то такие букеты, которые делает тот магазин, другим нравятся букеты, которые делаем мы, например. Любый магазин, любой (!) делает по-своему букеты» (Т., продавец-флорист, центр).

Отличия также были отмечены и в составе покупателей. Безусловно, покупательский поток в центре города более разнородный, ведь помимо местных жителей здесь также много приезжих и жителей окрестных поселков (в том числе, достаточно обеспеченные владельцы коттеджей и так называемые московские дачники). В Савелово же клиентская база более узкая, охватывающая в основном местное население.

О КРУГЛОСУТОЧНОЙ ЦВЕТОЧНОЙ ТОРГОВЛЕ

Отдельной задачей мы ставили выяснение того, зачем малому городу нужны круглосуточные цветочные магазины (причем в Кимрах их целых два и расположены они прямо друг напротив друга). В крупных городах это широко распространено. Судить о том, насколько эффективны эти пространства и кто является покупателем в ночное время в мегаполисах, мы не можем; однако и не об этом речь. Так зачем малому городу с населением менее 50 000 человек сразу несколько круглосуточных магазинов цветов?

«Я считаю, что это для мужчин, которые что-то не успевают. Потому что им нужно срочно что-то купить, они вспоминают в самый последний момент и начинают носиться <...> вспоминают, что 24 часа есть, и вот туда прибегают...» (Г., продавец-флорист, Савелово).

«[Ходят] нормальные люди. Ночью не ходят, ходят вечером, до двенадцати, и потом, кто на работу, кому в четыре утра, кому в пять утра» (М., продавец-флорист круглосуточного магазина, центр).

Существование круглосуточных цветочных магазинов мы считаем возможным объяснить через тот факт, что Кимры находятся на относительно недалеком расстоянии от Москвы (около 2 часов езды на электропоезде в одну сторону), позволяющем ежедневно или как-либо иначе систематически ездить в мегаполис, в том числе и на заработки. Можно предположить, что связь между московским регионом и Кимрами в области миграции трудовых ресурсов в социальном плане влечет за собой трансформации городского режима, представлений об общественном порядке. Соответственно, и флористический бизнес в некоторой степени стремится подстроиться под новый образ жизни. Более того, частые контакты с мегаполисом и его

пригородами могут привести к перениманию некоторой доли столичного опыта — как потребителями, так и предпринимателями.

Отметим, что широкая распространенность в регионах маятниковой трудовой миграции может быть описана скорее в терминах «способа выживания» из-за низкого уровня доходов. Этот аспект уже давно изучается рядом исследователей и оценивается как играющий влиятельную роль в региональной экономике¹.

Среди информанток существует и иное мнение о ночном контингенте цветочных покупателей. Как минимум оно позволяет расширить наше представление о нем: «...кто-то подзагулял, полночи гулял, пил, потом ему стукнула в голову светлая мысль, идея — удивлю-ка я жену, чтобы она меня не стукнула по голове — пойду куплю цветов. Как правило, расчет на таких людей есть» (И., продавец-флорист, центр).

«По ночам? В основном, честно скажу, ходят москвичи пьяные. Особенно летом, вот честно Вам скажу. <...> Летом приезжают на дачи, устраивают пикники, всякие праздники...» (Т., продавец-флорист, центр).

ГЕНДЕРНЫЙ РЕЖИМ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА

Вопрос о гендерных характеристиках профессии флориста стал одной из ключевых тем нашей работы. Наше предположение о том, что сфера флористики достаточно сильно нагружена устоявшимися моделями гендерной асимметрии, в целом подтвердилось. Однако в разных аспектах гендерный климат также разнообразен.

ГЕНДЕР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Все профессии так или иначе гендерно нагружены², и профессия флориста в малом городе не исключение. В Кимрах как само ре-

месло, так и предпринимательство в данной сфере — дело «женское». Абстрактному мужчине, желающему заняться флористическим *бизнесом*, наши информантки путь не «закрывали», но позволили себе усомниться в его способности успешно «заниматься цветами». Что же касается мужчин-флористов, то они представляются многим информанткам чем-то, возможно, и существующим, но достаточно далеким и не всегда до конца понятным.

«Женская все-таки работа... потому что у женщины больше фантазии работает, чем у мужчины! Мужчина... вот ему сказали идти в тот угол — он пойдет в тот угол. А у женщины что-то такое, какое-то представление сразу... о прекрасном!» (Т., продавец-флорист, центр).

Здесь мы наталкиваемся на замкнутый круг, в котором существующий асимметричный гендерный порядок¹ воспроизводит себя сам за счет одновременного культивирования множества гендерных стереотипов. Высокая роль эмоционального труда² для сферы флористических услуг порождает стремление автоматически связать эту область с комплексом стереотипных представлений, маркировать ее через понятия мужского и женского в их социальном смысле. Так, флористика в соответствии с общими представлениями о феминных чертах по умолчанию для информанток имеет определенный «гендерный образ», поэтому делается вывод о «(не) соответствии» данной деятельности маскулинной профессионализации.

С другой стороны, важно помнить, что сообщества в малых городах характеризуются плотными социальными связями,

общество. М.: РОССПЭН, 2006. С. 274–275; *Тартаковская И.* Публичная сфера и гендерное разделение труда//Трансформация гендерных отношений. Западные теории и российские практики: материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям. Самара: Самарский университет, 2003. С. 150–153, 165–167.

¹ Вслед за Джилл Мэтьюз, Рейвин Коннелл говорит о гендерном порядке как об «исторически сконструированном паттерне властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующих ему определениях феминности и маскулинности» (Цит. по: *Коннелл Р.* Указ. соч. С. 137).

² Эмоциональный труд определяется протекающим в рабочих условиях и направленным на клиента процессом управления собственными эмоциями с целью влияния на эмоции другого человека, т.е. клиента/покупателя. См. подробнее: *Hochschild A.R.* The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 2003.

¹ См., например: *Флоринская Ю. Ф.* Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания// Социологические исследования. 2006. № 6. С. 79–89; *Шитова Ю., Шитов Ю.* Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе// Демоскоп Weekly. 2013. № 569–570.

² *Коннелл Р.* Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 137–147; *Киммел М.* Гендерное

а отношения между людьми, цитируя Г. Зиммеля, «более проникнуты чувством»¹. Развитие индивидуальности под надзором сообщества маленького города ограничивается и замыкается на себе. Соощество консервативно и зачастую не готово к восприятию «резких» и «характерных» практик саморепрезентации (последние свойственны скорее жителям мегаполисов²). Так, например, тяжелым оказывается принятие мужчины в профессию флориста, поскольку к потенциальной кандидатуре в данной профессии уже сложились определенные гендерные ожидания.

Феминизация сферы флористики в малом городе приводит к стигматизации заинтересованных в ремесле мужчин, подозрениям в принадлежности к гомосексуальной маскулинности³ и, как следствие, к личным трагедиям людей, для которых актуализированный социальный контроль оказывается высокой, порой непреодолимой преградой на пути реализации собственного потенциала.

«Пришел молодой человек... Весь день, когда он чистил цветы, слышала со всех сторон смехи, что он, наверное, какой-то не такой, он, наверное, какой-то неправильный. В конце дня он не выдержал этого давления, он не смог <...> Чтобы быть в маленьком городе флористу-мужчине, надо иметь очень сильный характер» (И., продавец-флорист, центр).

«МУЖСКИЕ» ЦВЕТЫ

Вместе с тем в Кимрах мы отметили тренд на разрушение стереотипа (хотя последний, безусловно, еще силен) о том, что цветы — это женский подарок. Издавна культивировавшееся особое внимание к сохранению гендерной биполярности сегодня медленно уходит в прошлое: мужчинам, действительно, все чаще начинают дарить цветы. Однако здесь существует ряд оговорок.

Во-первых, оказывается, что далеко не каждому мужчине можно подарить цветы: такое решение часто принимается исходя из характера, социального положения одариваемого, его открытости новациям.

«Вопрос: А вы бы подарили цветы мужчине?»

¹ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 3, 7–9.

² Там же. С. 10–11.

³ См. подробнее: Киммел М. Указ. соч. С. 298–302.

«Ответ: Я? Мужу? Нет! Вот своему мужу я не смогу это подарить <...> Если бы я знала, что он поймет, понимаете? А у нас люди простые, они не понимают такого. Это все-таки где-то в Москве там вот, в Подмоскowie — у них там каких-то вот наворотов больше. Они как-то считают, что это нормально» (Г., продавец-флорист, Савелово);

«...он [муж] у меня не любит цветы <...>, это так для него, перевод денег просто-напросто» (О., продавец-флорист, Савелово).

Во-вторых, существуют представления о «мужских» цветах, которые могут быть составлены в «мужской букет». Последний, например, имеет собственную особую концепцию, подчеркивающую гендерно предвзятое представление о «чисто мужских» качествах — стойкости, сдержанности, жесткости. Таким образом, несмотря на то, что цветы все более лояльно воспринимаются в качестве подарка для мужчины, само смысловое содержание подарка остается в рамках существующего гендерного порядка.

ЭСТЕТИКО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Рождение и смерть человека, юбилеи, свадьбы, государственные, муниципальные, церковные праздники и т.п. — все это, безусловно, важные и запоминающиеся дни в жизни сообщества, которые содержат в себе определенную ритуальную сторону¹. Эти события нуждаются в цветах — соответственно, цветочные магазины своей работой обслуживают ритуальные действия, способствуют соблюдению традиций, иногда даже задают моду. Вместе с тем они косвенно влияют и на многие немаловажные для городского сообщества аспекты: (1) поддержание и упрочнение института брака (ведь четкое следование регламенту ритуала обеспечивает веру в его особую роль); (2) принятие и сохранение традиций популярной религии, а также поддержание (и, возможно, повышение) наличного статуса религии в сообществе; (3) своего рода легитимацию существующей власти (ведь это прямое следствие умения и желания властей грамотно привлечь внимание к каждой отдельной личности); и т.д.

¹ См. подробнее: Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Для работы флориста важно то, насколько он свободен в своих действиях, ведь букеты — это самостоятельные произведения искусства, и каждый из них оригинален, кем бы он ни был сделан и каким бы спектром ресурсов его создатель не обладал. Будучи ограничен в своей фантазии какими-либо рамками, флорист, как и художник, не может творить, что неизбежно влечет за собой угасание совершенствования флористического ремесла и, что хуже, — развитие деструктивного безразличия человека к своей работе, превращение искусства в конвейер: *«...как такое начальство к нам сюда не лезет, потому что они и так заняты; то есть мы сами работаем над этим надо всем. Если что-то, там, какое-то нас не устраивает, мы сами работаем над этим»* (К., продавец-флорист, центр).

Работа флориста — это не только торговля цветами, но и творческое оформление букета, по сути — создание конечного продукта. Одной из ключевых функций продавца-флориста является создание приятной атмосферы в магазине — эмоциональный труд. Следуя за нашими информантками, мы видим в человеке, стоящем непосредственно за прилавком, лицо, качеством и характером своей работы непосредственно влияющее на успех флористического бизнеса.

Флорист также выполняет важную общественную функцию в городе. Цветочные магазины и салоны до определенной степени поддерживают эмоционально-психологическую атмосферу городского сообщества. Они привносят краски и «уют» в динамику города, разбавляя монохромную рутину свежими тонами.

«У нас вот даже бабулька приходит ко мне, она больная, у нее чего-то там руки трясутся, она приходит вот просто взять одну гвоздичку, три гвоздички... Говорит: “Я поставлю, и у меня душа радуется”» (Г., продавец-флорист, Савелово).

Итак, мы показали, что бизнес в Кимрах (в том числе и флористический) связан с моделью «центр/периферия», где центр и Савелово различаются по специфике конкуренции и ценообразования, степени специализации, контингенту и т.д. Мы также предприняли попытку объяснить появление в малом городе круглосуточных цветочных магазинов, относящихся, скорее, к особенностям жизни больших городов и мегаполисов. Сжато описав гендерные особенности флористического ремесла,

мы постарались сделать некоторые выводы о свойствах их воздействия на отдельные ситуации. В завершение мы взглянули на профессию флориста с позиций включенности в жизнь городского сообщества, отметив ее важную роль в процессе воспроизводства ритуалов и сохранении эмоционально-психологического баланса.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ» НА ПАМЯТНИКАХ: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ЗНАКОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ КЛАДБИЩ ГОРОДОВ КИМРЫ И ДУБНА

КИРИЛЛ ШЕРСТОБИТОВ

НИУ ВШЭ аналитик стратегического отдела IQ marketing

Согласно устоявшейся в социальных науках точке зрения, страх смерти, обладая исходной биологической природой, во многом конструирует нашу социальную жизнь. Он формирует представления о чистом и грязном, сакральном и профанном, в конечном итоге может влиять на выбор жизненной стратегии, ярко реализуется в работе социальных институтов, также выражается в особенностях городского планирования и репертуарах функционирования урбанистических пространств. Несмотря на то, что смерть в настоящий момент во многом исключена из повседневного опыта горожанина, практики, окружающие ее, глубоко укоренены в культуре, диктуют представления о норме обращения с покойниками, формируют в рамках групп само собой разумеющееся знание о том, что нужно и чего не нужно делать в контексте прямого или косвенного столкновения с умершими.

В современной России многие аспекты смерти не проговариваются и лишены шанса быть публично обсужденными, мертвое тело удалено не только из публичного дискурса, но и из самого ритуала похорон¹. Как пишет В. Лексин: «Смерть отнесена в беспомытность», она вытеснена на «периферию нашей памяти и за пределы наших городов и сел»². Но кладбище, являясь

¹ Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.

² Лексин В. Н. Умереть в России // Мир России. 2010. № 4. С. 125–126.

структурной составляющей городского ландшафта, по словам О. Бредниковой, может также выступать для социолога «“зеркалом социального”, отражающим существующие социальные отношения»¹. Соотнося некоторый зарубежный и российский опыт обращения к теме кладбищ, заметим, что в современных работах в области *death studies* умерший описывается с позиции агента², способного выступать «звеном между живущими и мертвыми»³. Согласно этому взгляду, мертвые все еще обладают возможностью совершать социальные действия и после своей биологической смерти. Например, по словам Х. Уильямс, «физические качества, материальность мертвого тела и ассоциируемые с ним артефакты, структуры и места можно рассматривать как продолженную личность умершего»⁴, с которой индивиды продолжают соотносить свои последующие социальные действия. Рассмотрение таких материальных объектов, как могильный памятник хорошо соотносится с рассуждениями О. Матич, которая на основе визуального анализа захоронений представителей криминального мира начала 1990-х приходит к выводу, что надгробие «бандита» продолжает дело самого умершего, т.е. подавляет, переподчиняет себе окружающее пространство, диктует новые репертуары его использования, ставит под сомнение традиционные формы поведения на кладбище⁵. Другими словами, в современных работах кладбище рассматривается как особый вид погребального пространства, видимое только в динамике изменений и исходя из контекста⁶.

¹ Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология. Сборник эссе к 60-летию В. Воронкова. СПб.: ЦНСИ, 2005. С.120.

² Tarlow S. The aesthetic corpse in nineteenth century Britain // Thinking through the body. Archaeologies of corporeality. New York: Kluwer Academic, 2002. P. 85.

³ Craig Y., Duncan L. Corpses, dead body politics and agency in human geography: following the corpse of DrPetruGroza // Transactions of the Institute of British Geographers. 2012. P. 137.

⁴ Williams H. Death warmed up. The agency of bodies and bones in early Anglo-Saxon cremation rites // Journal of Material Culture. 2004. No. 9. P. 266.

⁵ Matich O. Mobster gravestones in 1990s Russia // Global Crime. 2006. Vol. 7. No. 1. P. 104.

⁶ Rugg J. Defining the place of burial: what makes a cemetery a cemetery? // Mortality. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 273.

В данной статье мы предлагаем сфокусироваться на визуальных особенностях такого локального материально-архитектурного знакового пространства, как кладбищенские памятники. Мы исходим из убеждения, что рассмотрение типичного надгробия в качестве концентрированного многослойного текста может вывести нас на иное понимание кладбищенского визуального пространства, дать свежую оптику рассмотрения практик опосредованного говорения о человеке в контексте его биографии. Основой для рассуждений, представленных в работе, служит эмпирический материал, собранный в ходе неоднократных посещений трех кладбищ в окрестностях города Кимры и одного из кладбищ в городе Дубне в 2013–2014 гг. Исследовательский проект создавался в рамках деятельности мастерской «Центр полевых исследований» на базе свободного образовательного проекта «Летняя школа» журнала «Русский репортер». Посещение кладбищ сопровождалось фотофиксацией — визуальный материал достиг порядка двух сотен фотографий могильных памятников. Также в рамках исследования было взято три полуструктурированных интервью с граверами. Дополнительно одно из посещений граверной мастерской происходило под видом клиентов. Несколько неструктурированных интервью было проведено с людьми, ухаживающими за захоронениями своих близких. Объектом исследования выступили изображения на памятниках, установленных на современных захоронениях (приблизительно с 2000 по 2014 г.). Основанием для подобной фокусировки явилось первичное удивление, вызванное наличием на многих камнях специфического визуального текста, призванного с разной степенью иносказательности продемонстрировать социальный статус, профессиональную принадлежность и увлечения умершего.

Во время посещений кладбищ в окрестностях городов Кимры и Дубна, сравнивая захоронения второй половины XX в. с относительно современными, невольно обращаешь внимание на видимую типичность недавно оформленных могил, представляющих собой ряды почти не отличающихся по форме черных камней с выгравированными в единой манере изображениями покойных. Причину того, что могилы советского периода во многом обладают легко распознаваемыми уникальными чертами, можно связать с распространенной практикой изготовления памятника на месте работы умершего. Согласно

диссертационным выводам А.В. Рычкова, именно в 1960–1980-х гг. в оформлении надгробий наблюдается тенденция «поиска в рамках традиционных форм мемории, рассчитанной не на внешнюю эффектность, а на поиск более содержательно и емкого пластического решения, акцентирования значимой в смысловом плане детали или уподобления архитектурного надгробия предмету или символу, обозначающему род занятий усопшего»¹. Говоря об исторических тенденциях в оформлении памятников, нужно понимать, что большая часть погостов и кладбищ подверглась уничтожению во время войны или была утеряна по причине массовых миграций. По этой причине памятники 1950–1960-х гг. часто являются старейшими из тех, что можно найти на кладбищах небольших городов.

Несмотря на относительное разнообразие подходов к оформлению захоронений, в 1960–1980-е гг. «дополнительная информация» выражалась скорее через текст и в условиях «дороговизны» нанесения на поверхность камня, наличие подобного сопровождения выступало указателем на высокий статус покойного или на особые условия его смерти². Например, гравировка делалась для погибших во время исполнения служебных обязанностей, в значимой катастрофе или же для людей, при жизни занимавших общественно-значимый пост. В контексте вышесказанного интересна современная тенденция посредством изображений донести дополнительную информацию о жизни рядовых членов общества.

Обратимся к особенностям поля, которое подверглось изучению. Основной материал был собран в Кимрах (административный центр Кимрского района Тверской области). Население города составляет около 50 тыс. человек. В конце 2000-х, как и многие другие малые поселения России, город столкнулся с эпидемией наркомании. Близость с Москвой усугубила ситуацию, и практика «паломничества» наркоманов из столицы стала предметом интереса московских журналистов, в результате чего Кимры приобре-

ли неформальный статус «героиновой столицы России». Согласно одной из гипотез, именно высокая смертность среди молодых людей и одновременное с этим активное распространение податливого для обработки «дешевого китайского мрамора» превратили создание могильных памятников в достаточно прибыльный, по меркам города, род деятельности, что, в свою очередь, привело к «омоложению» профессии гравера за счет включения в работу выпускниц местных специализированных учебных заведений с художественным уклоном. Существует ряд оснований утверждать, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. произошло оформление сравнительно констистентного визуального языка, который в своих сюжетах и стилистике отразил, а также отчасти и сформировал характерный вид города опосредованный могильным памятником способ говорения об умерших.

В тридцати километрах от Кимр находится Дубна — относительно развитый город на границе Московской области. В нарративах людей он описывается как комфортное место, известен прежде всего статусом особой экономической зоны и наличием на его территории Объединенного института ядерных исследований. Два соседних города, несмотря на всю свою непохожесть, подверглись взаимному влиянию, имеют прочные экономические и миграционные связи. Так, Дубна выступает для кимряков желанным местом для жизни, они ездят туда работать, учиться, за покупками, тогда как дубнинцы скорее предпочитают ехать в Кимры за надгробными памятниками. Иными словами, по иронии судьбы, визуальный язык, сформированный в границах депрессивного, в глазах обывателей, города, влияет на то, каким образом репрезентированы мертвецы успешного поселения. Стоит отметить, что несмотря на ярко выраженную специфику поля, есть основания утверждать, что описанные в данной статье наблюдения с известной долей допущения могут являться показательными и для других российских городов.

Затрагивая визуальную среду современных мест погребения, важно отметить наличие само-собой разумеющихся предписаний и запретов, оформляющих некую смысловую магистраль, по которой движется человек, желающий поставить памятник. К обязательным элементам можно отнести закрепленное в предписаниях указание фамилии, имени и отчества покойного, годы жизни, профессиональную принадлежность, а также портрет самого умершего. В контексте обращения

¹ Рычков А.В. Художественные памятники на кладбищах Ленинграда — Санкт-Петербурга. Типология и эволюция. 1960–2010: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2013. <http://www.dissercat.com>

² Мохов С. «Память не в камне живет»: пространство Рогожского кладбища в рассказах его посетителей // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 250.

к надгробным памятникам нас прежде всего интересуют существующие в границах дозволенного отраженные в изображениях тактики. В определении М. де Серто «предлагаемые обстоятельствами, но не подчиненные законам места», открывающие скрытые пути, способные перестраивать заданную последовательность, переосмыслить само доступное пространство маневра¹. Иными словам, мы сосредотачиваемся на том, как в условиях сравнительно строгих ограничений люди из имеющегося в их распоряжении набора знаков и символов создают персональный текст, призванный кратко репрезентировать личность в контексте завершенной биографии.

Приступая к разбору феномена «дополнительной информации», попытаемся использовать подход, предложенный Г. Бэме и переосмысленный Е. Ю. Рождественской². Рассмотрим изображения на памятнике как многослойный текст, существующий в пяти измерениях: как копия, знак, средство коммуникации, изображение и гиперреальность.

Памятник как копия

Рассмотрим изображения на памятниках с точки зрения референции к реальности. Согласно Ольге Матич, начиная со «сталинских времен» небольшие фотографии умерших стали незаменимым атрибутом большинства могил на советском кладбище. Матич связывает это с антиклерикальной политикой государства. Данное утверждение основано на том факте, что фотоизображения заменили собой иконы святых, исторически размещавшиеся на фронтальной части памятника³. Иными словами, воспринимаемое нами как данность наличие на памятнике портрета умершего — это результат довольно серьезного перелома в общественном сознании. Тем интереснее на современных кладбищах наблюдать сочетание во многом противоречащих друг другу религиозной тематики и поражающей своей точностью изображения ницшеанской богоподобной личности.

¹ *de Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 101.

² *Рождественская Е. Ю.* Перспективы визуальной социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 70–83.

³ *Matich O.* Mobster gravestones in 1990s Russia. P. 104.

К другой важной функциональной особенности фотографического изображения на памятнике следует отнести то, что «визуальная репрезентация служит как средство вечной идентификации каждого умершего гражданина»¹, т.е. фотография помимо обожествления напрямую связана с мотивом контроля, удалением приватного аспекта в угоду публичности сообщения.

Возвращаясь к анализу посмертных репрезентаций на кладбищах Дубны и Кимр, отметим саму попытку изобразить внешний вид умершего максимально похоже. В визуальных текстах на первый взгляд ощущается отрицание любой иносказательности. Портреты наравне с датами рождения и смерти демонстративно претендуют на истинность. При этом гравировка, несмотря на явную отсылку, является переносом определенных физических характеристик с одного носителя (как правило, фотографии) на поверхность камня. Здесь важно, что сам процесс переноса во многом предполагает существенное искажение оригинального визуального конструкта: «*Липосакцию, убирание морщин. Все делаем» (смеется)* (из интервью с гравером).

Практика установки оригинальных изображений не столь часта, и, как правило, образ подвергается посмертной правке через усиление или ослабление отдельных визуальных маркеров. Удаляются или добавляются морщины, исправляются иные особенности внешности, лицу придается более многозначительное выражение и т.д. Учитывая, что одним из популярных контекстов фотофиксации являются праздники, на оригинальных фотографиях люди нередко запечатлены в состоянии алкогольного опьянения. От гравера в таких случаях требуется нивелировать признаки измененного состояния, придать социально-приемлемый вид. В граверных мастерских также существуют шаблоны одежды, в результате чего в ходе работы над изображением у мужчин с большой вероятностью обычная майка на фотографии заменяется пиджаком и рубашкой, у женщин же, например, появляется пышная кофта. В результате данного феномена современное кладбище больше похоже на публичное мероприятие со строгим дресс-кодом, ради которого посетители вынуждены, возможно, первый раз в жизни надевать официальную одежду.

Обобщая данный пункт, отметим, что памятник — это продукт договора нескольких людей: мастера, родственников,

¹ *Рождественская Е. Ю.* Перспективы визуальной социологии. С. 70–83.

друзей. Как пишет А. Ямпольская: «Человек не умирает как частное лицо. Человеческая смерть имеет публичное измерение»¹. Памятник призван репрезентировать человека не столько как личность, но как члена сообщества или группы. В данном случае биография индивида подвергается комплексному сжатию, а сам визуальный текст формулируется в соответствии с групповыми представлениями о норме. Другими словами, на основе анализа надгробных изображений мы можем утверждать, что кладбище во многом выступает как пространство интерпретаций, обусловленных групповыми представлениями.

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ЗНАК

Поверхность памятника представляет собой знаковое пространство, насыщено отсылками и культурными текстами. Как пишет Рождественская, «читаемость знака возможна при условии соотношения с коллективно разделяемой системой референций, являющейся частью общего культурного капитала»². Памятники могут апеллировать как к широко известным «само собой разумеющимся» контекстам и представлениям, выступать сравнительно открытым сообщением, так и в некоторых случаях требуют наличия специальных ключей. В соответствии с особенностями групповой репрезентации, описанной в предыдущем пункте, акт реконструкции памяти об умершем происходит с акцентом на его социальных (не личностных) характеристиках — фиксируются не свойства характера, но атрибуты профессии, происходит указание на увлечения, статус или же момент из биографии. С другой стороны, можно предположить, что, согласно устоявшимся представлениям, профессиональная деятельность или хобби отсылают к готовому набору характеристик. Так, можно предположить, что образ пожарного или летчика ассоциируется со смелостью, турист и рыбак равнозначны любителям природы.

Воспроизводя логику установки базового архитектурно-материального объекта, отметим, что само изображение на па-

мятнике обладает, по Ч. Пирсу, признаками индексальности¹. Означаемое и означающее находятся в отношениях смежности. Подобно дыму, обусловленному наличием огня, памятник однозначно указывает на близость останков умершего человека. Иными словами, несмотря на отчетливую репрезентацию мертвого в качестве живого, памятник, тем не менее, воздвигнут на месте захоронения такого физического объекта как человеческий труп. С другой стороны, надгробный памятник во многом претендует именно на существование в статусе иконического знака или эмблемы, утверждая прямое сходство формы (изображения) и денотата, допуская «взаимную переводимость»². Портрет на памятнике способен предоставить обильное количество информации, он дает возможность составить представление о статусе человека, возрасте, принадлежности к той или иной культуре.

Иконичность надгробных изображений можно также наблюдать на примере «дополнительной информации», запечатленной с обратной стороны надгробия. Так, увлечения часто определяются через типичные повторяющиеся от кладбища к кладбищу сюжеты. В ходе прогулок по удаленным друг от друга местам мы наткнулись на ряд практически идентичных изображений, указывающих на то, что человек при жизни увлекался охотой или рыбалкой. На таких надгробиях мы видим относительно однозначно считываемые сюжеты — люди изображены в момент действия. Но памятник не может избежать символизма, и указание на практики, свойственные человеку при жизни, далеко не всегда происходит напрямую. Так, иконические знаки могут включаться в более объемное сообщение, выступать символом увлечения, хобби или профессиональной деятельности. Указание на практики происходит через изображение характерных для данной активности атрибутов. По сути, после смерти человека его представителями становятся технические устройства, приводимые им в движение в рамках профессиональной или иной деятельности. Можно представить это таким образом, что посмертная репрезентация метафорически

¹ Ямпольская А. Смерть и другой. Археология русской смерти. <http://nebokakofe.ru/archives/1343>

² Рождественская Е.Ю. Перспективы визуальной социологии. С. 73.

¹ Пирс Ч.С. Икона, индекс, символ // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 200–222.

² Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 363.

отсылает к прижизненной способности действовать, вдыхать жизнь в неживые объекты, менять мир вокруг. Другими словами, указание на профессию как ни что иное утверждает умершего в качестве субъекта.

Символическая составляющая могильного памятника проявляется в иконических знаках через такие детали, как элементы одежды, знаки отличия и другую профессиональную айдентику. Внимания заслуживает распространенный мотив, когда на том месте, где обычно запечатлен православный крест, у медицинских работников располагается символ медицины — чаша со змеей, у военных крест замещается звездой, якорь гравировается на памятниках людей, имевших отношение к флоту. В рамках обозначенной тенденции дубнинское Большевожское муниципальное кладбище имеет локальную особенность — интерес на нем представляют захоронения работников научно-исследовательского Института ядерных исследований. На памятниках, установленных на могилах научных сотрудников, место религиозной символики в значительном числе случаев занимает значок института или же модель атома. Другими словами, на примере обозначенного феномена мы наблюдаем символическое приравнивание профессиональной принадлежности к взгляду на мир, детерминированного профессиональной идентичностью. Интересно, что профессии, связанные со спасением жизни или риском, неизменно предполагают запечатление от памятника к памятнику. Можно предположить, что, например, между военными, врачами и учеными, кроме относительно высокого социального статуса, есть еще одна общая особенность — каждая из этих занятий значительно детерминирует повседневную жизнь, круг общения, видение субъекта. Иными словами, на памятниках, как правило, фиксируется принадлежность к профессиональным сообществам с высоким уровнем групповой сплоченности, что можно связать с превращением образа врача в подобие иконического знака, связанного с четким набором личностных и социальных характеристик. Памятник не переносит многозначности и неопределенности. По этой причине широкое распространение указаний на принадлежность, например, к социологии или социальным исследованиям видится автору данного текста как нечто маловероятное.

Описывая свойства символа, Ю. М. Лотман отмечал, что тот «находится в отношениях принципиальной неоднозначности

и неполной предсказуемости»¹. Эта особенность во многом характерна и для кладбищенских памятников, значение и смысл ряда которых крайне сложно считать с большой точностью. Но из разговоров с профессиональными создателями визуальных текстов можно получить некоторые ключи к прочтению изображений. Среди наиболее интересных примеров проявления распространенного символического языка можно отметить то, как поверхность памятника способна нести в себе зашифрованное сообщение о характере смерти человека. Так, согласно информантам, изображение транспортного средства, которое часто присутствует на современных памятниках помимо возможной отсылки к профессиональной деятельности умершего, с большой вероятностью указывает на факт гибели в дорожной аварии. Сходный принцип говорения, по-видимому, распространен на значительной территории России. Д. В. Громов пишет: «Довольно часто о том, что причина гибели — дорожная авария, можно догадаться по изображению на памятнике автомобиля, мотоцикла, самого погибшего на фоне этих видов транспорта»². В контексте популярного тезиса об общепринятом отрицании, избегании, сам факт символического запечатления характера смерти на памятнике представляет собой особый интерес, напоминая широко распространенную на протяжении долгого времени на территории СССР в середине XX в. практику, когда момент похорон подлежал запечатлению, занесению в семейные альбомы³. Учитывая, что кладбищенский памятник с определенными допущениями можно назвать репрезентацией личной биографии, сжатой до размеров надгробной плиты, практика символического указания на момент смерти рождает вопросы касательно общепринятых представлений, распространенных в широких слоях общества, характера осознания собственной смертности, конечности жизни. Иными словами, вопрос о том, почему люди считают важным индизидентифицировать запечатлеть на могильном камне факт неестественной смерти, глубже

¹ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С. 363.

² Громов Д. В. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках. <http://nebokakofe.ru/archives/1007>

³ Бойцова О. Не смотри на них, они плохие: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 349–350.

и интереснее, чем кажется на первый взгляд, и требует дальнейшего исследования.

ПАМЯТНИК КАК ИЗОБРАЖЕНИЕ

По словам граверов, появление на рынке податливого для манипуляций китайского мрамора послужило своеобразным триггером к распространению дополнительных гравировальных практик. В настоящий момент рисунок на камне может быть нанесен двумя способами. Более дешевый — создание изображения автоматически путем переноса загруженной в компьютер фотографии. В этом случае в силу недостаточного качества оригинальных снимков, рисовка оставляет желать лучшего и, как правило, в дальнейшем требует доработки. Например, гравер вручную дорисовывает глаза, отдельные элементы, старается сделать изображение «более живым». Распространен и более дорогой вариант — создание изображения полностью от руки. В этом случае гравировка на памятнике приобретает большую художественность, но при этом увеличивается значимость роли создателя сообщения — гравера.

Памятник стремится к эстетической приемлемости, изобилует множеством декоративных элементов. Но, по утверждению Умберто Эко, «в основе любого изобразительного действия, любого изображения лежит конвенция»¹. В разной степени осознанное подчинение изображения социально приемлемым характеристикам минимизирует неформальные атрибуты, что компенсируется за счет включения в сообщение типовых, как правило, природных или религиозных мотивов. Так, одним из наиболее распространенных изображений являются природные ландшафты, напоминающие окрестности Кимр и Дубны. В Кимрах виды природы часто дополняются изображением православного храма, отчетливо напоминающего одну из достопримечательностей города — Храм вознесения Господня. По наблюдениям, присутствие на памятнике природных ландшафтов можно связать с отсутствием четко выраженной профессиональной идентичности умершего, его характерных увлечений. С другой стороны, можно допустить, что ряд надгробий имеют нейтральное оформление в силу того, что указание на профес-

сию или хобби умершего трудно выполнимо в силу отсутствия относительно однозначно считываемого символического обозначения данной активности.

ПАМЯТНИК КАК ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ

Согласно выбранной аналитической схеме, отметим ситуации, когда «изображение не является референтом реальности. Напротив, изображение формирует и утверждает последнюю»¹. Имея дело с надгробным памятником, важно осознавать, что то, что мы видим — не только ультимативный отпечаток неких устоявшихся представлений и практик. Надгробный камень сам в определенной степени может выступать инструментом изменения социальной реальности, способен утверждать последнюю в иных смысловых категориях. Популярность отдельных визуальных сюжетов может быть обусловлена сугубо утилитарными причинами. Так, распространенность тех или иных мотивов может быть связана с личными предпочтениями создателей визуального текста — граверов. Например, природные пейзажи хорошо подходят для нанесения на поверхность камня, не обязаны обладать достоверной точностью, что делает их удобными для изображения. Интересно, что факт запечатления визуального текста на памятнике относит его в область сакрального, что влияет на появление дополнительных трактовок изображения. При этом типичность сюжетов в значительной степени также укрепляется централизованным изготовлением надгробий в мастерских, обеспечивающих тиражирование одних и тех же моделей и предлагающих заказчикам уже имеющийся выбор этих моделей. Так, природные ландшафты, храмы, лики святых, изображения скорбящей женщины, нередко появляются на камне еще до момента продажи, а следовательно, и вне прямой соотнесенности с умершим. Важно понимать, что несмотря на сугубо утилитарные причины появления многих изображений, транслируемые на памятниках сюжеты во многом способны формировать представления о должном и недостойном, становиться сырьем для воспроизводства культурных паттернов.

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. С. 131.

¹ Рожественская Е.Ю. Перспективы визуальной социологии. С. 76.

ПАМЯТНИК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Являясь своеобразной границей между мирами живых и мертвых¹, надгробие призвано постоянно инициировать контакт, выступать медиумом. Другими словами, кладбищенский памятник наравне с фотографией создает коммуникацию, которая, словами Рождественской, «опосредуется изобразительным объектом, его значения приносятся в процесс коммуникации, усложняя и трансформируя его»². Несмотря на то что вышесказанное во многом подтверждено в предыдущих пунктах статьи, отметим, что памятник существенно отличается от фотографии по характеру инициации коммуникации. По наблюдениям складывается ощущение, что существующие в физических границах кладбища визуальные тексты в основной своей массе избегают инициировать разговор о смерти, ограничиваясь лишь указанием на умершую личность. В ходе приведения к социально-приемлемому виду поверхность памятников выхолащивается, а личная информация во многом подвергается чистке и ретушированию.

Кроме визуальных элементов, одним из средств донесения сообщения являются текстовые подписи. Эпитафии, обладая огромным потенциалом, способны ввести зрителя в контекст, дать новые оттенки, объяснить и разъяснить изображенное. Так, например, нечасто на могильных памятниках можно встретить эмоционально окрашенные формулировки, указывающие на характер смерти, такие как «зверски убит» или «трагически погиб». Как правило, личная, персонализированная надпись редко появляется на поверхности могильных камней. Стандартная эпитафия представляет собой во многом типичный текст, который может встречаться до нескольких десятков раз и более в границах одного кладбища. Исследовательские наблюдения во многом подтверждают слова информантов-граверов: близкие умерших, как правило, выбирают эпитафии из каталога граверных мастерских или же через специализированные интернет-ресурсы, предлагающие подписи в соответствии со статусом, гендерной и профессиональной принадлежностями умершего человека.

¹ Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с фр. М.: Восточная литература РАН, 1999.

² Рождественская Е. Ю. Перспективы визуальной социологии. С. 75.

Подобный подход приводит к унификации и типичности высказываний. Интересным с исследовательской точки зрения является то, что, например, указание на неестественный характер смерти происходит через несколько повторяющихся от могилы к могиле эпитафий. Например: «*Живым тебя представить так легко, что в смерть твою поверить невозможно...*». Несмотря на видимую простоту заложенного сообщения, люди, обладая возможностью инициировать коммуникацию через памятник в текстовом формате, предпочитают использовать готовые, проверенные годами выражения скорби, воспроизводят типичные паттерны говорения о сакральном.

В представленном выше тексте нам удалось лишь поверхностно затронуть ряд частных вопросов. Значительная часть собранного в поле материала еще только ожидает своего описания. Дополнительного рассмотрения требуют и уже подвергнутые анализу изображения, ведь суждения о смыслах некоторых надгробий делались на основе допущений. Одним из источников дальнейшей верификации данных мы видим глубинные интервью с непосредственными заказчиками описываемых памятников.

Обобщая отдельные выводы, полученные в ходе исследования, стоит отметить, что выгравированный на памятнике портрет и «дополнительная информация» удостоверяют существование человека в определенный момент времени. Но при этом изображение наравне с самим памятником, являясь индексальным знаком, как правило, обусловлено смертью, прекращением жизни, а данный визуальный текст — не что иное как ретроспекция — концентрированная, сжатая до одного-двух изображений история жизни человека. Другими словами, в ходе анализа кладбище предстало перед нами как пространство замерших биографий, сведенных к одной физической точке.

На примере захоронений в окрестностях городов Кимры и Дубна хорошо наблюдается явная тенденция к визуализации посмертных репрезентаций. В рамках наблюдаемого контекста в ходе публичной реконструкции жизненного пути близкого человека люди предпочитают обращаться к образам, а не к письменным описаниям. Характеристики, которые еще десять лет назад выражались словами, в данный момент сообщаются через совокупность визуальных знаков. Пока нельзя с уверенностью

утверждать, связано ли это с всеобщим так называемым визуальным поворотом в культуре или же в большей степени обусловлено предложением рынка.

Заслуживающим внимания моментом мы можем назвать то, что в ходе исследования высказан тезис, согласно которому граверы как непосредственные производители изображений способны создавать и сам визуальный язык говорения об умерших. Так, например, природные сюжеты, обусловленные личными предпочтениями художников во многом приобрели особое значение, включены в дискурс опосредованного говорения о сакральном, воспроизводятся на памятниках как некая норма, часть традиции.

Современные памятники тяготеют к визуальному выражению характеристик умершего. Портрет умершего еще на этапе создания представляется в виде совокупности знаков. Часты примеры, когда люди стремятся рассказать историю иносказательно, через визуальные коды. При этом, по наблюдениям, акт конструирования памяти об усопшем происходит фрагментарно, с существенным акцентом на его социальных, а не личностных характеристиках. Из визуального текста удаляются все неоднозначно трактуемые маркеры. Человек во многом превращается в очищенный от грехов и слабостей идеальный манекен, на который «нанализываются» увлечения, профессиональная идентичность и иные социальные роли.

Среди описанных знаков особо отметим символическое указание на причину смерти человека. На примере посещенных кладбищ можно сделать вывод, что неестественная смерть как явление отнесена к отдельной категории и имеет свое визуальное обозначение, требует опосредованного упоминания, играет значимую роль в посмертной репрезентации. Этот момент, по мнению автора, заслуживает дальнейшего изучения, соотнесения с представлениями о смерти как явлении в контексте личной биографии.

На основе анализа надгробных изображений и практик редактуры оригинальных визуальных текстов мы также пришли к тезису, что кладбище имеет смысл рассматривать как пространство интерпретаций, обусловленных групповыми представлениями. Другой фокус — это взгляд на памятник как на отражение представлений о референтной группе умершего. Этот вывод сделан на основе захоронений с ярко выраженными про-

фессиональными чертами. По нашим наблюдениям, профессии с высоким уровнем групповой сплоченности, будучи связанными с четким набором личностных и социальных характеристик, имеют больше шансов на значимую роль в посмертной репрезентации.

«Сильная программа» в культурсоциологии: проблема «культурной автономии»

КУЛЬТУРНОЕ РАСШИРЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ
УСПЕШНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕРФОРМАНСА
(НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО ЧАЙНОГО ДЕЙСТВА)

НАДЕЖДА ВОРОБЬЕВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Дж. Александер в книге *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual* преследует весьма амбициозную цель: преодолеть разрыв, существующий между структуралистской позицией, призывающей воспринимать смысл как текст, и прагматической, где смысл извлекается из индивидуальных и коллективных практик. Для этого он обращается к понятию перформанса и предлагает его культурсоциологическое прочтение, которое, впрочем, во многих отношениях перекликается с идеями предшествующих исследователей. Александер не предпринимает попыток дать исчерпывающее определение перформанса, видимо, следуя за Р. Шехнером, который подчеркивал промежуточное положение перформанса в культурном и дисциплинарном плане и бессмысленность стремления как-либо ограничить его¹. В то же время Александер довольно подробно описывает его функции и внутреннюю структуру, демонстрируя, что преодоление описанного разрыва становится возможным благодаря совмещению в перформансе текстуальной составляющей в виде культурных структур, насыщенных смыслом, и материальной в виде практик².

Стремлением преодолеть этот разрыв также диктуется и его понимание проблемы успешности культурного перформанса, где,

помимо традиционной для таких исследований идеи о «слиянии», возникает довольно неясное и спорное понятие «культурного расширения», которое, в свою очередь, дает ключ к пониманию того, что есть перформанс. В связи с этим в данной работе нами будет сделана попытка расшифровать это понятие через обращение к идейным вдохновителям Александера и к прекрасному образцу культурного перформанса — японской чайной церемонии.

Условия успешности культурного перформанса

Как уже упоминалось, Александер видит функцию перформанса в слиянии шести его элементов: систем коллективной репрезентации, акторов, аудитории, средств символического производства, мизансцены и социальной власти. По его словам, по мере усложнения, фрагментации и дифференциации общности данные элементы оказываются разъединенными, что, в свою очередь, соответствует разобщенности, нехватке совместно разделяемых убеждений и ощущения коллективности¹. В более «простых» обществах такой проблемы не было благодаря постоянному задействованию ритуалов или эпизодов упрощенной повторяющейся культурной коммуникации, где все участники разделяют представления о символическом содержании коммуникации и верят в подлинность намерений друг друга. В современном обществе ритуалы в полном смысле этого слова практически не встречаются, однако часто можно столкнуться с деятельностью, носящей черты ритуала (*ritual-like activity*), к которым Александер и относит перформансы². Исходя из вышесказанного, цель перформанса можно сформулировать следующим образом: «образование эмоциональной связи аудитории с актором и текстом посредством искусного воздействующего представления и создание через это условий для передачи культурного смысла аудитории»³.

Когда мы можем считать успешным достижение этой цели? Если исходить из того, что цель перформанса заключается в достижении слияния между его элементами, то в успешном перформансе такое слияние должно быть абсолютным, «бесшов-

¹ Цит. по: *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual* / Alexander J. C., Giesen B., Mast J. L. (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 12.

² Ibid. P. 29.

¹ Ibid. P. 30, 32.

² Ibid. P. 31.

³ Ibid. P. 55.

ным». В результате этого происходит культурное расширение и психологическая идентификация зрителей с актором, что Александер и выделяет как одно из условий успешности. В работе подробно описывается механизм психологической идентификации, строящейся на ощущении максимальной аутентичности, истинности происходящего у аудитории перформанса, в то время как устройство культурного расширения не расписано сколь-нибудь подробно. Говорится лишь о том, что культурное расширение предполагает донесение до аудитории смыслов коллективных репрезентаций, скрывающихся за текстом перформанса, однако остается непонятным, как именно это проявляется и какие следствия может за собой повлечь принятие аудиторией перформативно выраженных смыслов.

Для ответа на данный вопрос можно обратиться к ряду исследователей, на которых ссылается сам Александер. Во-первых, это теория перформативных речевых актов Дж. Остина, который определяет успешность акта через его способность «реализовать семантическое содержание» и «конструировать социальную реальность посредством вербального выражения»¹. Условия такого рода успешности предполагают наличие культурных структур, которые делают перформанс доступным для понимания и интерпретации. Также он не обходит стороной Р. Шехнера и В. Тернера, каждый из которых отмечал трансформации или изменения в состоянии участников в качестве основных субъектов перформанса. Тернер выделяет в ритуалах особую фазу лиминальности, пограничного состояния, при котором происходит исчезновение привычного статусного разделения, нормативных рамок, в результате чего в ходе ритуального взаимодействия временно возникает «открытое общество» или коммунитас, где каждый чувствует совместную причастность к примордиальному, сакральному². По мнению Тернера, в пост-индустриальных обществах ритуалы были по большей части вытеснены перформансами, а на место лиминальности пришла «лиминоидность», для которой характерны более индивидуализированные и менее глубокие вовлеченные состояния. Однако, как заметил Александер, если для Тернера трансформации, сопровождающие фазу лиминальности, остаются все же лишь

этапом на пути к «очарованию», для Шехнера подобное пограничное состояние и является краеугольным камнем каждого перформанса. Шехнер полагал, что успешный перформанс «должен катализировать лиминальность и на более широкой социальной арене, дестабилизируя нормативную структуру, способствуя критичному восприятию и соприкосновению повседневных социальных акторов с <...> экзистенциальными измерениями жизни»¹. Эту картину хотелось бы также дополнить идеями К. Гирца о том, что смысл возникает в результате употребления² за счет присущей зрителю формы чувствительности, которая черпается из культурной системы общества и в то же время постоянно обучает ей.

Если постараться на этом основании уточнить значение культурного расширения, то оно предстает как изменение состояния всех участников перформанса таким образом, чтобы как минимум во время перформанса все действующие лица приняли и усвоили стоящие за ним смыслы культурных структур благодаря формированию и задействованию определенной формы чувствительности. Однако это не проясняет вопроса о границах такого культурного расширения, и остается непонятным, включает ли оно описанную Шехнером сопутствующую трансформацию нормативных структур в обществе в целом. Иначе говоря, должна ли аудитория успешного культурного перформанса «быть верной», следовать усвоенным смыслам за пределами перформанса или же это является необязательным условием успешности?

Александер не дает четкого ответа на этот вопрос, поэтому нам кажется правомерным и продуктивным рассмотреть классическое японское чайное действо через призму культурной прагматики, чтобы попробовать на эмпирическом материале прояснить темные места культурсоциологической теории перформанса.

ЧАЙНОЕ ДЕЙСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРФОРМАНС

Чайная церемония, или *тя-но ю*, чаще всего оказывается первой на пути исследователя японской культуры, и на то есть две

¹ Social Performance. P. 3.

² Ibid. P. 10–11.

¹ Ibid. P. 12.

² Гирц К. Искусство как культурная система // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 31–54.

причины: во-первых, чай действительно занимает исключительно большое место в повседневной и религиозной жизни японского общества, а, во-вторых, в послевоенное время *тяно ю* сознательно продвигалась в западных странах для формирования имиджа «культурной Японии» (понятие философа Хисамасу С.) в противовес укрепившемуся на тот момент образу милитаристского и агрессивного государства¹. Японская чайная традиция, в отличие от китайской и корейской, характеризуется наличием хорошо организованных чайных школ с многовековой историей, которая поддерживается благодаря системе *измото*². Данная система позволяет сохранять преемственность практик за счет наделения определенной семьи, глава которой восходит к тому или иному выдающемуся мастеру чая, монопольным правом на обучение студентов и выдачу лицензий преподавателям. Среди этих школ (а их насчитывается около 50) самой известной и многочисленной является школа Урасэнкэ, практики которой и будут нами рассмотрены. В качестве основных источников использованы работы японских философов и чайных мастеров, кроме того, привлечены исторические материалы, изложенные в исследовательской литературе.

Для начала попробуем разложить составляющие японского чайного действия на элементы культурного перформанса, предложенные Александром.

Системы коллективной репрезентации. Первым элементом культурного перформанса являются системы коллективной репрезентации, представленные фоновыми символами и сценариями переднего плана. Перформанс призван «вдохнуть жизнь» в текст и наделить его убедительной силой, а многослойные коллективные репрезентации как раз являются требующим воплощения «текстом».

Японское чайное действие оказывается исключительно насыщенным разнообразными символическими отсылками к понятиям дзэн-буддизма и даосизма, а также, в меньшей степени, конфуцианства и синтоизма. Каждая составляющая чайного действия — от движений мастера до техники исполнения утвари — действует как демонстрация тех или иных принципов этих религиозно-философских учений. Интересно, что у дзэн-

буддизма и даосизма есть одна общая черта, а именно — идея о невозможности вербального познания себя и мира. В качестве иллюстрации можно привести широко известные строки, с которых начинается главная книга даосизма «Дао-Дэ цзин»: «Путь, о котором можно поведать, — не постоянный Путь. Имя, которое можно назвать, — не постоянное Имя»¹. В дзэн-буддизме осторожность в обращении со словами выражена еще сильнее: как отмечает Д. Судзуки, в дзэн-буддийских монастырях, в отличие от многих других, совсем не практиковалось обсуждение священных текстов, духовная практика осуществлялась через простые повседневные действия и труд, а также весьма специфическое общение с учителем, проиллюстрировать которое могут диалоги в коанах (в традиции Риндзай). С точки зрения этих учений, привязанность к словам и формам не дает возможности прикоснуться к истинной реальности, пережить «великое единение» (в даосизме) или достичь свободы через просветление (в дзэн)². Поэтому идеи данных учений должны были быть выражены не с помощью слов, а исключительно через действие, и одним из вариантов такой перформативной деятельности и является чайная церемония.

Что касается сценариев, то они представлены нарративами и кодами, которые структурируют символы переднего и заднего плана и выражают их посредством различных риторических приемов, конфигурируя и передавая образ эмоциональной или социальной жизни³. Драматургия чайного действия отличается исключительной продуманностью и многослойностью. Так, классическая чайная церемония делится на несколько «актов», каждый из которых соответствует тому или иному переживанию: прохождение через *родзи* (чайный сад, где человек должен стряхнуть с себя «пыль повседневности»), любование чайной комнатой, вкушение специальной пищи, непосредственное распитие чая, очищение посуды и пр. Существует множество примеров, как выражение того или иного понятия закладывается в сценарий. Скажем, можно рассмотреть один из четырех элементов, которые Сэн Рикю выделил в качестве квинтэссенции «духа чая» — почтение *кэй*. Во-первых, по ходу чайного действия

¹ Хисамасу С. Тядо-но тэцугаку (Философия пути чая). Токио, 2007. С. 20.

² Измото — глава школы, гранд-мастер.

¹ Лао Цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о пути жизни. М.: Феория, 2010. С. 1.

² Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 9–10.

³ Social Performance. P. 33.

необходимо неоднократно совершать поклоны: перед *цукубай*, низким колодцем для омовения, перед входом в чайный домик, перед мастером и гостями в ходе самой церемонии. Во-вторых, почтение выражается через особое, исключительно трепетное отношение к утвари, поддержание ее в чистом виде в течение всего действия. Наконец, почтение пронизывает многие аспекты чайного этикета, на которых строится все взаимодействие между хозяином и гостем¹. Так, в движениях и материальных объектах, составляющих чайное действо, оказываются закодированы смыслы, переплетающиеся друг с другом в каждом элементе и проявляющиеся в определенном порядке во время церемонии.

Актеры. При разборе акторов, второго элемента перформанса, Александр настаивает на необходимости размытия границ реальности и вымысла в восприятии зрителя; аудитория должна поверить в правдивость эмоций и переживаний актора и принять их как свои собственные. В чайном действе можно обнаружить немало подобного. Во-первых, Такэно Дзео, предшественник Сэн Рикю, оказавший на него большое влияние, призвал к созданию в чайной комнате «пространства сердца», где все общаются друг с другом «напрямую», избавляясь от социальных и психологических заслонов². Современный монах М. Хории также обозначил это состояние как *сюкякуитидзе* — «единение хозяина и гостя»³. Именно по этой причине к личности мастера предъявлялись высокие требования: так, в «Записках Яманоуэ Содзи», созданных учениками Рикю, специально освещаются «Десять решений чайного мастера», среди которых можно встретить призывы к аскетизму, уважению к старшим, воздержанию от алкоголя и распутства и прочие подобные предписания⁴. Таким образом, чтобы быть носителем дзэн-буддийского знания и иметь право его передавать своим гостям, необходимо самому максимально соответствовать идеальному образу праведного буддиста.

¹ Хисамасу С. Указ. соч. С. 22–139.

² Малинина Е. Е. Искусство, рожденное Безмолвием. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 78.

³ Хории М. Тя-но кокоро, дзэн-но кокоро. Дух чая — дух Дзэн // Электронный журнал «Дзэн» школы «Нингэн Дзэн». 2011. № 34. С. 36.

⁴ Кувата Т. Тядо-но ринэн. Теория пути чая // Журнал университета Кокугакуин. Токио: Кокугакуин дайгаку, 1956. № 09. С. 37.

Аудитория. Свои требования выдвигались и по отношению к гостям, которые воплощают еще один элемент перформанса — аудиторию или наблюдателей. Главная задача наблюдателя — психологически идентифицировать себя с актором, а для этого также необходима подготовка и некоторые усилия. Чтобы достичь единения с мастером, гость должен в полной мере принять свою роль (а не пытаться перехватить у хозяина инициативу), знать установленные правила, следовать им и стремиться, подобно мастеру, подойти к распитию чая как к духовной практике. В то же время, помимо эмоциональных переживаний, могут быть задействованы и интеллектуальные игры, например, сознательное использование мастером той или иной утвари, каллиграфии и т. д., чтобы аллегорически напомнить гостю о каком-то из совместно проведенных чаепитий в прошлом или создать художественную аллюзию¹. Так что, как мы видим, гости на чайной церемонии в полной мере могут быть восприняты как аудитория перформанса.

Средства символического производства. Мы уже неоднократно упоминали роль различных материальных объектов, составляющих пространство чайного действия. В качестве носителей закодированных смыслов оказываются задействованы не столько объекты сами по себе, но и стилистика, в которой они выполнены. Одним из многих примеров является категория простоты *кансо*. В религиозно-философском смысле она выражает избавление от лишнего, наносного в своем сознании и сердце, которое является необходимым условием для освобождения и достижения просветления². В эстетическом смысле эта категория определяет и намеренную простоту и пустоту соломленного чайного домика, и внешне незамысловатую технику изготовления утвари, отсутствие вычурности и пышности. Совместное эстетическое переживание от любования чайной утварью — одно из условий возможности все того же единения, возникающего между хозяином и гостем. Получается, что материальные составляющие чайного действия могут быть в полной мере названы средствами символического производства.

Мизансцена. Однако многие из этих объектов оживают только с помощью движений, которые составляют следующий

¹ Pitelka M. Op. cit. P. 5.

² Хисамасу С. Указ. соч. С. 57.

элемент перформанса — мизансцену. Надо отметить, что обучение в *сансэнкэ* строится в первую очередь на освоении *тэмаэ*, комплексов движений для приготовления чая. По словам одного из преподавателей Урасэнке, «основа обучения лежит в собственных ощущениях тела»¹, поэтому наставники не столько рассказывают, как надо делать, сколько показывают. Такая телесная практика является прекрасным примером дзэн-буддийской деятельной медитации, когда практикующий постепенно очищает свое сознание через концентрацию и контроль над телом. На внешнем же уровне плавные, выверенные и отточенные годами движения задают ритм действию, а также могут выступать в качестве самостоятельного носителя смысла.

Последний элемент перформанса — социальная власть, определяющая степень легитимности того или иного культурного текста, стоящего за перформансом, а значит, дает доступ к средствам культурной продукции². Однако Александер не поясняет, каким образом социальная власть проявляется при «слиянии», поэтому на данном этапе мы опустим этот элемент.

Таким образом, мы продемонстрировали, что японская чайная традиция может быть с легкостью вписана в культурсоциологическую схему. Отдельно хотелось бы отметить ритуальные черты, которые проявляются в чайном действе, в частности, вспомнить о переживании фазы лиминальности. С описанием Тернером этого переживания перекликается высказывание философа К. Окакуро об осуществлении идеала «восточной демократии» в пространстве чайного действия, когда свойственная японскому обществу иерархичность уходит и «крестьянин может сидеть бок о бок с аристократом»³. Также с этим рифмуется уже описанное состояние единения, «пространства сердца», когда хозяин и гости в совместной медитации воссоздают, по выражению Д. Судзуки, «царство Будды на земле»⁴.

В свете всего вышесказанного мы можем «придать плоть» обозначенному пониманию «культурного расширения» в ходе перформанса. Изменение состояния всех участников через

идентификацию с актором выражается в виде создания в рамках чайного пространства «царства запредельного», «пространства сердца», где хозяин и гость объединяются в общем и равном переживании чистоты, мягкости духа и спокойствия. Усвоение смыслов культурных структур проявляется в способности считывать замысел мастера и вести себя сообразно ему, а в идеале — особенно для мастера — жить этическими принципами, заложенными в чайной культуре дзэн-буддизма, и за пределами чайной комнаты. Вместе со всем этим происходит также задействие и трансформация форм чувствительности всех участников, благодаря чему становится возможным переживание определенных состояний и считывание заложенных смыслов.

Итак, мы попытались продемонстрировать с теоретической и эмпирической сторон понятие культурного расширения, которое оказалось разделено на три составляющих: изменение состояния всех участников через идентификацию с актором, усвоение аудиторией смыслов культурных структур, а также задействие и трансформация форм чувствительности. Как было показано на примере японского чайного действия, каждая из этих составляющих находит свое абсолютное отражение в философии чайного действия, однако их фактическое воплощение остается проблематичным. Философия чайного действия существует в большей степени вопреки, а не в унисон с японской повседневностью, и по этой причине границы культурного расширения оказываются более точно очерчены в интерпретации В. Тернера, а не Р. Шехнера. «Пограничные» переживания остаются в пределах чайной комнаты и ощущаются только потому, что есть совершенно контрастирующий с ними повседневный опыт. А потому отсутствие выхода на более широкую «социальную арену» не лишает возможности считать культурный перформанс успешным.

¹ Kato E. The Tea Ceremony and Women's Empowerment in Modern Japan: Bodies Re-Presenting the Past. New York: Routledge, 2004. P. 47.

² Social Performance. P. 65.

³ Okakura K. The Book of Tea. NY: Dover publications, 1964. P. 3.

⁴ Судзуки Д. Т. Указ. соч. С. 347.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЙОГЕ:
КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ОДНОЙ ЙОГА-ШКОЛЫ МОСКВЫ**

ЕКАТЕРИНА КОВАЛЕВА

Магистерская программа «Комплексный социальный анализ»
НИУ ВШЭ

Статья посвящена представлениям о теле в современной йоге. Теоретической рамкой служит анализ метафор тела, используемых тренерами и участниками занятий в одной из московских школ йоги. В предлагаемой культурсоциологической перспективе процесс обучения телесным практикам рассматривается как усвоение новой модели тела. При помощи методов наблюдения и нарративного интервью (качественный лонгитюд в процессе 2-месячного базового курса йоги) с участниками и тренерами йога-школы анализируются представления о модели «йоговского» тела, дискурсивная передача знания о телесном от инструкторов к участникам через образы и метафоры тела.

Проблематика телесности в современной социологии приобретает в последнее время все большую значимость, говорят даже о «телесном повороте» (corporeal turn) в социальных науках. Исследователями отмечается увеличивающаяся значимость телесных практик в обществе, усиление значения тела в потребительской культуре, медиализация тела и появление новых видов форм заботы о теле. Стремительно завоевавшая популярность на Западе и в России практика йоги подтверждает этот тезис. По последним данным, йогой в России¹ занимаются 1,37 млн человек, интересуются — 3,43 млн человек.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВОПРОС, ЦЕЛЬ, ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ

Исследовательский вопрос: какие представления о теле имеют люди, решившие заняться йогой? какие представления о теле существуют в современной йоге? как происходит трансформация представлений под влиянием практики?

¹ На второе полугодие 2014 г., по данным TNS Marketing Index, репрезентирует население России от 16 лет, проживающее в горах 100 тыс. +

Цель исследования: изучить представления о теле в современной йоге, проанализировать, как происходит обучение новой модели от «обычного» тела к «йоговскому» телу, какие смыслы в понимании «йоговского» тела открываются благодаря анализу метафор.

Объект: участники вводного курса йоги и ведущие курс инструкторы по йоге в одной из йога-школ Москвы.

Предмет: представления о теле, дискурсивный аспект телесности (метафоры).

Эмпирическая база: вводный курс по йоге для начинающих в одной из московских йога-школ, анализ используемых метафор на занятиях, интервью с преподавателем и учащимися.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Телесность как предмет социологического исследования рассматривалась в работах известных социологов, таких как Марсель Мосс, Пьер Бурдьё, Морис Мерло-Понти, Гарольд Гарфинкель, Мишель Фуко, и за последние годы интерес к телесности только возрастает. «Сильная программа» культурсоциологии предлагает собственный подход к изучению социальной реальности, краеугольным камнем которого является автономия культуры. Программа ориентируется, во-первых, на субъективность, смысл и опыт, а также на выявление «культурной структуры», текстуального внутреннего содержания, предлагая в качестве инструмента герменевтическую традицию, а во-вторых, сохраняет теоретический уровень анализа социальных феноменов современного мира благодаря совмещению герменевтики и семиотики, глубокому изучению структур значения, реконструкции внутренних структур смыслов¹.

Методологию программы можно успешно применить к изучению телесности как усвоению модели тела, совокупности представлений о теле. В процессе специфических телесных практик базовая модель тела может меняться, могут возникать конфликты с новой моделью. Особое внимание будет уделено анализу дискурсивных средств и метафор, с помощью которых

¹ Александр Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / пер. с англ. С. Джакуповой; под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 5–10.

происходит передача телесного опыта. Используемые инструкторами метафоры продемонстрируют латентно присутствующее представление о телесном, «скрытую телеологию различных частей тела», неявные предписания, «правила обращения, конституирующие область “нормального”, такие как целостность тела, правила неприкосновенности, плотность, пропорции и многое другое»¹.

Методология

В опоре на указанные принципы «сильной программы» (ориентация на текст, нарратив, «плотное описание», реконструкция внутренних структур смыслов, выявление влияния культуры) автором были выбраны следующие методы исследования: нарративное полуструктурированное интервью с участниками вводного курса по йоге в две волны (начало курса и после курса); запись занятий вводного курса (анализ метафор тела); интервью с инструктором курса.

Анализ метафор о теле

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что процессы человеческого мышления метафоричны². Они считают, что метафоры необходимы для человеческого понимания, так как участвуют в создании новых значений и понимания реальности, более того, являются механизмом понимания, пронизывая всю концептуальную систему. Подход Лакоффа и Джонсона к метафоре противоречит традиции объективизма и рационализма, в которой предполагается возможность доступа к абсолютным истинам о мире и наличии универсальных значимых знаний о объектах.

Основной тезис заключается в том, что большая часть обычной понятийной системы структурирована с помощью метафор, т.е. понимается с помощью тех или иных частей других понятий.

¹ Куракин Д. Ю. Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 41–70.

² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Концепты структурируют наши ощущения, восприятие и в конечном итоге наши действия и отношение.

Метафоры не противоречат культуре, что означает, что культурные ценности согласуются с метафорической структурой основных концептов, используемых в данном конкретном обществе. Онтологические метафоры фокусируют наше внимание на определенных аспектах рассматриваемых сущностей. Например, метафора «машины», о которой мы будем в дальнейшем говорить, характеризуется возможностью включить-выключить, эффективностью, мощностью, наличием внутреннего механизма, источника энергии, правил эксплуатации и т.д.

Метафоры тела в современной йоге

Инструкторы по йоге используют метафоры во время практики для того, чтобы пояснить участникам занятий, как именно должно работать тело в определенных положениях, так как простое копирование не открывает знания о внутренней работе и правильном телесном усилии.

К базовым метафорам йоги в отношении тела можно отнести следующие: «йога — инструмент работы со своим телом и умом», «оптимизация работы тела», «увеличение энергии», «работа с умом через тело» и другие, которые можно объединить одной общей метафорой «тело как машина по производству энергии».

Как мы писали ранее, метафора тела как «машины» высвечивает определенные аспекты описываемого объекта: возможность включить-выключить, эффективность, мощность, наличие внутреннего механизма, источник энергии, правила эксплуатации и др.

Метафора «слышать свое тело» подразумевает, что тело отделено от «слышащего», что заданного априори контакта нет, и «обычный», не связанный с йогой человек, не слышит свое тело. Это поддерживает следующее выдвигаемое определение йоги: йога — соединение разрозненной многомерной сущности в одно целое, достижение гармонии. Достигается через контакт с телом.

В йоге традиционно подчеркивается важность управления вниманием и концентрации в телесной практике, т.е. практика может быть эффективной в том случае, когда происходит работа не только на внешнем корпоральном уровне, но и на внутреннем. В связи с этим используемые метафоры связывают опыт

внешний и внутренний, опыт тела и сознания, внимания. Для этого используются образы тела, которые представляют тело как объект, которые можно изменить: «*мышцы — длинные резинки, они тянутся*», «*мышцы — пластилин, вы его разминаете, и он становится мягким*».

Метафоры используются как инструмент управления собственным телом: «*спина — ось, от потолка до потолка и выше*», «*карандаш, проходящий через ваш позвоночник, вы рисуете им спираль всей своей спиной, двигаясь как единое целое*».

Метафоры согласованы и образуют систему, однако инструкторы вносят в эту систему новые метафоры, согласованность которых с общей системой под сомнением («*поза дерева*» и «*вкручиваем ноги в пол, как шурупы*»). За данной рассогласованностью стоят противопоставление «статика — динамика», «природы — рукотворного», «прямого движения — движения с вкручиванием в одном направлении».

Метафоры, используемые в практике.

- Упражнения на растяжку:
 - мышцы — пластилин, сначала он твердый, но вы его начинаете разминать, и постепенно он становится мягким;
 - мышцы как воск, они плавятся, становятся горячими и мягкими;
 - мышцы — это натянутые длинные резинки, представьте, как они тянутся.
- Упражнения на спину, позвоночник:
 - спина — ось, от потолка до потолка и выше;
 - будто ваша спина — это огромный карандаш от пола до потолка, проходящий через ваш позвоночник, вы рисуете им спираль, двигаетесь как единое целое;
 - от копчика тянется нитка вниз, в пол, проворачивайте таз так, чтобы копчик тянулся вниз.
- Баланс:
 - ваше тело — дерево, вырастает корнями в землю, включаете стопы;
 - стопы/руки вкручиваются подобно шурупам.
- Упражнения на дыхание:
 - дыхание методом «кузнечные меха»;

– дыхание как весы. Вдох и выдох равномерны, одинаковы по длине.

Приведенные метафоры представляются совместимыми, однако необходимо отметить, что современный язык и вещи вторгаются в дискурс йоги, так как, по всей видимости, современный человек чаще имеет дело с шурупами, чем с деревьями. Инструкторы для объяснения используют то, что под рукой, то, что будет понятно участникам.

Проведенное интервью с тренером по йоге в школе позволило выявить метафоры тела.

- Метафора «мышечный корсет», часто используемое в медицине и на тренировках, не подразумевает никакой эластичности, растяжимости и движения. Это неправильное понимание, по мнению тренера.
- Римский закон: «заряженная катапульта разрушается». Данная метафора акцентирует внимание на негативных последствиях длительного напряжения в теле вследствие отсутствия навыков расслабления.
- При работе с центром тяжести пользуется популярностью метафора для вытяжения позвоночника «нитка от макушки вверх и грузик на нитке от копчика вниз» не работает. Крестец — как главный крестик, управляющий куклой-марионеткой.
- Метафора воды («фонтан воды бьет вверх, поднимает вас, вытягивает позвоночник») является наиболее правильной для понимания работы с позвоночником в процессе занятий. При этом метафорой это выражение является только на первых этапах практики, впоследствии появляется понимание того, что внутри на самом деле течет жидкость под определенным давлением.

Комментарии инструктора к метафорам открывают следующую проблему используемых в практике метафор — иногда их «неправильное» с его точки зрения использование (конкурирующая система метафор), их ограниченность и необходимость отказать от них в процессе занятий.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕЛЕ

В рамках исследования предполагается, что в процессе обучения представления о теле изменяются. Это происходит под влиянием нового телесного опыта и объяснений инструктора. Пример нарратива женщины около 50 лет, имеющей проблемы с плечом и рукой, которой традиционная медицина не смогла помочь, иллюстрирует происходящие изменения.

1. Части тела отделяются от тела, персонифицируются, им приписывается самостоятельная активность и даже знание: *«После двух-трёх занятий я почувствовала, что организм разделился на две части. То есть нижняя часть на ура всё восприняла, ножки двигаются, я стала чувствовать, как я толкаю землю, когда хожу. Вот, и при этом верхняя часть, наступил полный разлад».*
2. Происходит осознание состояния отдельных частей тела: *«Видимо в какой-то момент <...> плечи уловили, видимо, этот момент, и я вдруг стала ощущать, причем усиленно, что они зажаты. Я стала чувствовать эту боль, и что это ужасно неудобно».*

Возможно, 2-месячный курс по йоге не оказывает серьезного влияния на модели тела и на ощущения, так как временной период слишком мал. Однако на основе собранного материала можно увидеть, что в некоторых случаях даже после нескольких занятий участник фиксирует изменения, происходящие в его теле, и высказывает определенные изменившиеся представления о функционировании своего тела.

Итак, разработанная на базе «сильной программы» культурсоциологии методология успешно апробирована. Анализ занятий вводного курса показывает, что метафоры помогают организовать внимание практикующих с целью корректного управления своим телом, и участники продолжают использовать некоторые из разученных метафор при описании собственного телесного опыта. Согласованная аутентичная система метафор дополняется образами, более близкими современному опыту: позы «кобры» или «орла» сочетаются с «вкручиваем руки подобно шурупам». Несмотря на популярность использования метафор, существует проблема, связанная с их ограниченностью

и необходимостью последующего отказа от них для дальнейшего развития в практике.

Сами участники выявляют следующую динамику изменений представлений о теле: тело разделяется на части, происходит осознание состояния отдельных частей тела, проявляются ощущения, которые раньше не замечались. Предполагается, что в ходе практики тело сначала теряет свою целостность для того, чтобы потом вновь быть «собранным».

КИНОДОКУМЕНТ И ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

ГАЯНЭ ПАШАЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван)

Кинодокумент о прошлом позволяет создать образ того времени. Сегодняшние кинодокументы создают образ нашего времени. Документальное кино является одним из каналов трансляции ценностей в обществе. Ценности и традиции, передаваемые с его помощью, связывают воедино прошлое, настоящее и будущее. В данной работе акцентируется внимание на его специфических средствах, позволяющих конструировать историю и сохранить ее для будущих поколений. Как отмечают исследователи, нынешнее время характеризуется утратой многих ценностей. Любому обществу присущ сложный процесс формирования ценностей. Поэтому для формирования личности, адаптации к современным условиям необходимо формировать у человека ценности, которые были в исторических судьбах народов и истории культуры. Документальное кино в этом смысле располагает колоссальным аксиологическим материалом. Поэтому речь идет и об аксиологических функциях документального кино. Ведь по нему можно читать историю, осознавать и осмысливать суть явлений и процессов, происходящих в обществе. «Сегодня трудно рассчитывать на, так сказать, классические легенды и сказания, которые могли бы нести всю необходимую информацию грядущему. Но нет сомнения, что мы должны представить будущему ту информацию, которую оно практически не сможет почерпнуть ни в архивах, ни из устного народного творчества. И здесь незаменимым средством информации

является кино. Документальное кино. Мы с признательностью и благодарностью думаем о наших кинодокументалистах, создающих трогательную летопись нашего времени, нашего современника. Многие их фильмы уже вошли в сокровищницу отечественного документального кино...»¹. Эти слова известного писателя-публициста Зория Балаяна, написанные в 1980-е гг., и сегодня не потеряли свою актуальность.

Значение документа велико в любом искусстве, но в кинодокументалистике оно естественно выступает на первый план, играет первостепенную роль. Документ (от лат. *documentum* — доказательство) — деловая бумага, служащая доказательством чего-нибудь. Документ имеет дело с реальной действительностью. В экранном искусстве документалистика строится на съемках подлинных событий. Однако кинодокументы сами по себе, как бы ни были уникальны съемки и отображаемые события, требуют определенных усилий для придания им зрелищности и эффекта достоверности: монтажа, микширования, комментариев и сочетания жанров для создания драматургической композиции. Документ представляет собой уже смонтированную целостность. Когда же мы говорим о «документальном монтаже», то это значит, что помимо материального носителя, зафиксировавшего некий фрагмент реальности «документально», помимо полученного изображения, которое можно детально изучить, есть еще и некий способ восприятия документа.

Каждый режиссер пользуется разными выразительными средствами документального кинематографа, создавая образ и сохраняя для нас историю. Искусство не способно предотвратить историю, но оно обязано ее отражать. Каждое новое поколение должно заново осмысливать историю. Время от времени надо переводить историю на язык кино, чтобы сохранялась связь времен, потому что мир сегодня задает те же вопросы, как и сто лет назад, и ответов на эти вопросы опять-таки нет. У нас новая техника, технологии, новые кинокамеры, но мы сами очень мало изменились. В теории известно несколько разветвленных и переплетающихся направлений кинодокументалистики. Эсфирь Шуб перемонтировала ранее снятую хронику, Дзига Вертов снимал «жизнь врасплох» при отсутствии сцена-

рия и монтажа, С. Эйзенштейн реконструировал ушедшую действительность. Документализм Вертова и Шуб — хроникальный, документализм Эйзенштейна — игровой, т.е. документализм его не в содержании, а в стиле. Будучи автором концепции «монтажа аттракционов», Эйзенштейн соединил хронику с игрой. Его фильмы «Броненосец Потемкин», «Октябрь» — это исторические фильмы, в которых описываются события, происшедшие в июне 1905 г. и в октябре 1917 г., итогом которых стал залп крейсера «Аврора» и штурм Зимнего дворца. Эти события восстановлены с максимальной точностью, с привлечением очевидцев и сложных технических приемов, которые позволили Эйзенштейну создать почти «документальное отображение эпохи». Принцип «монтажа аттракционов» применил впоследствии Михаил Ромм в «Обыкновенном фашизме» (1965), снимая то, что было до фашизма, то, что было потом, и то, что было во время фашизма, но ему не принадлежало. Сцены сняты в Москве, Варшаве, Берлине, Париже. Еще важнее подчеркнуть, что эти сцены сняты скрытой камерой. Жизнь в них показана не отрепетированной. Здесь и вступил в силу метод Вертова, снимавшего «жизнь врасплох».

Как ее альтернатива позже возникает так называемая теория дистанционного монтажа Артавазда Пелешяна. «Артавазд Пелешян занимает особое место...» — фраза, с которой критики нередко начинают свои рецензии. Но Пелешян занимает не особое, а исключительное место в документальном кинематографе¹. В его фильмах постановочные и хроникальные кадры ставились в один ряд; изображение, музыка, образ, звук сливались в единое целое; нет комментариев и закадровых пояснений, они требуют понимания на интуитивном и эмоциональном уровне. В них нет и отдельных героев: автор говорит о народе, стране, человечестве. Его фильм «Начало» (1967) — это метафора мира, потрясенного революцией. Фильм «Мы» (1969) был эпосом о судьбе Армении, о трагедии, пережитой народом, о его несломленном духе. Героем другого его фильма «Наш век» (1982) стало все человечество, устремленное в космос.

Армянский режиссер Тигран Хзмалян в 2005 г. создал 33-минутный фильм «Армин Вегнер: фотограф геноцида», используя материалы американских, немецких, английских, а также

¹ Балаян З. Продолжение легенды: задачи кинодокументалистов Армянской ССР // Коммунист. 1979. № 126. С. 4.

¹ Муратов С.А. Земноводные выходят на сушу // Искусство кино. 2008. № 3. С.123.

армянских архивов. Уникальные документы — письма и фотографии — запечатлели для истории трагические образы первого геноцида XX в. Это был один из первых случаев в мировой истории, когда СМИ, т.е. фотографии и газета прямо вмешиваются и пытаются влиять на историю. Режиссер рассказывает о судьбе одного человека, который не политик, не общественный деятель, не звезда, может встать и говорить правду, и этот слабый голос человека может достичь всех в мире. И сейчас, когда сто лет спустя картина мира очень сильно изменилась: нет многих государств, нет той Германии, Турции, нет Российской и Британской империй, нет тех сложных политических манипуляций и комбинаций, которые привели к Первой мировой войне, потом ко Второй, которые уничтожили миллионы людей, остается голос человека, который говорит правду. Поэтому поступок Вегнера и вся его жизнь, которая до сих пор недооценена и все еще малоизвестна даже армянам, — это великая история.

Широкий резонанс вызвала лента режиссера Р.Геворкянца «Время собирать камни» (студия «Айк», 2003 г.). Отобранные из сотен метров архивные пленки, многие специально доснятые кадры, авторский текст, множество монологов-размышлений очевидцев событий — таковы компоненты этого фильма. Фильм лаконичен и вместе с тем удивительно емко вместил в себя всю историю страны. Из своего сегодня автор вглядывается в историю своего народа и обнаруживает там корни сегодняшнего дня. И как замечательно переданы противоречия XX столетия — века славы и позора, силы и бессилия, ума и безумия, потрясений и контрастов. Фильм этот — и свидетель, и летописец, восстанавливающий перед нами прошлое без ретуши, которую подсознательно наносит на него наша память. Когда смотришь этот фильм, думаешь, что время едино и все существует одновременно — и прошлое, и настоящее, и будущее.

«Кинематограф — сейсмограф истории, он чувствителен к ее глубоким толчкам, реагирует на ее сдвиги»¹. Он является образом времени. Ценности и традиции в документальном кино, задавая тон настоящему, формируют сегодняшний день, но при этом неизменно уходят своими корнями в прошлое. И в то же время неизменным следствием существующих сегодня тради-

ций и ценностей является будущее. Таким образом, кинодокумент и время находятся во взаимозависимости. «Каждое время требует своей формы документального кино... Пришло время, когда оно уже стало средством выражения мыслей, стало материалом для раздумий». Эта мысль принадлежит нашему соотечественнику, режиссеру Арутюну Хачатряню — директору Международного кинофестиваля «Золотой абрикос». Очень созвучно ей высказывание молодого российского журналиста и режиссера, редакционного директора журнала «Сеанс» Константина Шавловского: «Интерес к документальному кино возникает там, где есть необходимость осмысления жизни. Все-таки... иногда нужно понять и то, где мы живем, и для чего мы живем, и как мы жили раньше. Поэтому интерес к документальному кино приходит с определенным этапом развития общества».

РИТУАЛЫ ВИНЫ И ПОЗОРА В УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ 2013–2015 ГОДОВ

АЛЕКСЕЙ ТИТКОВ

Московская высшая школа социальных и экономических наук,
РАНХиГС

Ритуальные практики публичного наказания, возникшие в ходе Украинской революции 2013–2014 гг. и последующем военном конфликте в Донбассе 2014–2015 гг., представляют собой точку пересечения двух сюжетов, значимых для Йельской школы культурсоциологии. Тезис об автономии культуры и связанная с ним дискуссия со «структурными» объяснительными моделями предполагают большое внимание, во-первых, к революциям, в которых происходит рождение новых символических систем или радикальное преобразование ранее существующих; во-вторых, к публичным наказаниям, моральным паникам и скандалам, в которых создаются и переживаются ключевые символические различия «добро — зло»¹. Как следствие, в работах Йельской школы в фокусе внимания оказывалось или пересечение обеих

¹ Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. С. 187.

¹ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практик, 2013.

тем (например, исследование Ф. Смита о гильотине¹), или внимание к одной из них: «Уотергейтское дело», суд на Эйхманом², Египетская революция³ и др. В нашем случае мы можем наблюдать, как в революционной и/или военной революционной ситуации складываются практики наказания вместе с символическими смыслами, которые в них возникают и закрепляются. Тема ритуалов наказания в украинском конфликте также дает хорошую возможность для сравнительного анализа параллельно развивающихся политических движений — тема, намеченная в Йельской культурсоциологии (например, описание «контрперформанса» сторонников Мубарака в ходе Египетской революции⁴), но пока, скорее, не разработанная достаточно полно.

Теоретические проблемы «культурсоциологии зла».

Первая сложность при анализе моей темы в культурсоциологическом ключе обнаруживается на уровне теории. Проблематика зла и наказаний, как она разработана в «Культурсоциологии зла» Дж. Александра, обнаруживает, на мой взгляд, внутренние теоретические противоречия, которые только предстоит разрешить. Александр отталкивается от идеи Э. Дюркгейма из «Разделения общественного труда» о том, что что преступления и наказания нужны, чтобы общество не только укрепляло солидарность, но и знало, и проговаривало свои моральные ценности; от тезиса М. Фуко, что зло должно быть обозначено, чтобы определить границу положительного и границу общества в целом, и, наконец, от семиотического аргумента, что полярность «добро — зло» неизбежна из-за того, что люди мыслят бинарными оппозициями, и мы не можем помыслить «добро», не помыслив «зло».

Проблема возникает из-за того, что идея семиотической полярности «добро — зло» вряд ли может быть совмещена с представлениями о сакральном Дюркгейма, который в «Элементарных формах религиозной жизни» предполагал

неразделенную амбивалентность сакрального¹. Как следствие, Александр в начале 2000-х гг. пересматривает для себя дюркгеймовскую позицию, переходя к тезису Р. Кайуа с трехчастным делением на «сакральное» (со значением «добра»), «профанное» (со значением «зла») и нейтральное «рутинное», аналог «профанного» в дюркгеймовском смысле. Одновременно Александр обращается к идее «трансгрессии» по Ж. Батаю, которая, наоборот, предполагает нерасчлененное и амбивалентное сакральное. Получается, как мне кажется, попытка работать с двумя несоместимыми концептуализациями сразу. Можно понять, откуда в логике Александра взялась идея разложить амбивалентное сакральное Э. Дюркгейма на «доброе» сакральное и «злое» профанное: выдвигая на первый план тему «автономии культуры», мы дальше можем решить, что культура это прежде всего символические классификации, бинарные оппозиции, поэтому в культуре такое деление действительно неизбежно. Как встроить в эту логику еще и трансгрессию Ж. Батая, я не готов ответить, так что эту часть модели я оставляю в стороне и не использую.

Другая проблема в теоретической схеме Александра мне видится в том, что она предполагает понятие «плохих ценностей» и, как следствие, общества, построенного на «плохих ценностях». Александр не согласен с тезисом, что «хорошо, когда есть ценности, и плохо, когда нет ценностей», и приводит в подтверждение своей мысли пример Холокоста, доказывая, что уничтожение евреев нацистами было ценностно-, культурно-мотивированным действием. Если Александр прав, и «общества зла» существуют, нам надо понять, из какой позиции мы можем определить, что какие-то ценности общества являются «плохими». Взгляд изнутри сообщества, разделяющий его ценности и идеологию, здесь вряд ли поможет. Мы можем говорить, в лучшем случае, о соперничестве разных символических репрезентаций, которое Александр описывает, в том числе, на примере Египетской революции². Выбранный мной случай

¹ Смит Ф. Рассуждения о гильотине: карательная техника как миф и символ // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 3–23.

² Александр Дж. Указ. соч. 2013.

³ Alexander J. Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. London: Blumshury Academic, 2012.

⁴ Ibid.

¹ Подробнее о проблеме амбивалентности сакрального и ее значении для культурсоциологии см.: Куракин Д. Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 2. С. 41–70.

² Alexander J. Op. cit.; Титков А. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение. 2012. С. 122–130.

рассматривается в жанре простого сравнения двух символических систем, их сходств и различий, без учета взаимных обличений и оправданий, важных, но усложняющих анализ.

Данные для исследования. Для сравнения взяты акции двух низовых политических движений, определявших динамику украинского конфликта конца 2013-го — начала 2015-го г.:

- майдан (Евромайдан): протестное движение за обновление власти (против произвола милиции, коррупции), идейный наследник протестных акций предыдущих лет («Украина без Кучмы» 2000–2001 гг., «оранжевая революция» 2004 г.). После смены власти в феврале 2014 г. изначальную повестку Евромайдана и его уличную тактику продолжают в основном небольшие децентрализованные местные группы политических активистов (в том числе знаменитого в российских СМИ «Правого сектора»);
- антимайдан: движение, организованное для низовой поддержки режима Януковича, с весны 2014 г. в основном автономистское, в поддержку «народных республик» («Новороссии»), квазигосударственных образований на востоке Украины. Движение получило значительную политическую, медийную и (скрытую) военную поддержку официального Кремля.

Случаи для анализа отбирались по следующим критериям:

- публичность акций, т.е. предполагаемое организаторами присутствие публики как зрителей на месте, так и зрителей/читателей СМИ, освещающих акцию сочувственно или нейтрально (в предельном случае акции специально организованы для СМИ). Исключаются случаи скрытых пыток и издевательств, случайное обнаружение которых приводило к скандалу, нежелательному для организаторов (как, например, происшествие с казаком Гаврилюком в январе 2014 г.);
- преимущественно пассивный характер объектов вины и позора, в основном молчащих, в отличие от жанра признательных показаний, чаще всего вынужденных, популярного в военной

- стадии конфликта (случаи второго типа могли бы изучаться, например, в логике «принуждения к истине» по Фуко¹);
- непосредственное присутствие объектов вины и позора, в отличие от типологически близкого случая «наказаний» изображений, чучел, других замещающих объектов;
- хотя бы минимально упорядоченный и коллективный характер действий (самый простой случай — ситуативно организованные «коридоры позора»); в более сложных случаях степень предварительной организации и ритуализации может быть какой угодно высокой.

Основным источником служили видео- и аудиоматериалы и описания, распространяемые организаторами, их сторонниками или нейтральными СМИ. Такие источники позволяют определить не столько массовое отношение к проведенным ритуалам (оно, как правило, противоречивое и требует отдельного анализа), сколько смысл акций, предполагаемый их организаторами.

В принятом мной обозначении «ритуалы вины и позора» под «виной» понимается, что какого-то человека или группу назначили быть связанным с отрицательной ценностью, которую он в себе каким-то образом проявил. «Позор» — сразу в двух смыслах, которые, возможно, придется разделить. Первый — это эмоциональный дискомфорт, нравственные страдания, которые человек испытывает или должен испытывать. Второе — точно по славянской этимологии, «позор» как публичность, общее внимание к ситуации.

Предварительная классификация. Собранные примеры (шесть десятков случаев) могут быть разделены в самом первом приближении по следующим формальным признакам:

- А) степень организованности или спонтанности. В большей степени спонтанными были, к примеру, «коридоры позора» в Киеве в январе 2014 г. и Харькове в марте 2014 г., организованными — покаяние бойцов «Беркута» в Луцке и Львове в феврале 2014 г. или публичная порка провинившихся казаков в Антраците Луганской области;

¹ См., например, Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65–95.

Б) серийный или уникальный характер: ритуальные практики могут быть распространенными, как «коридоры позора» или «марши позора», или уникальными, как, например, процедура «народного суда» в Алчевске Луганской области в октябре 2014 г.;

В) практика используется обеими сторонами конфликта или только одной из них. Характерными для обеих сторон могут быть как часто повторяющиеся практики («коридоры позора»), так и редкие («столбы позора»); при этом некоторые повторяющиеся практики могут использоваться только одной из сторон конфликта, (например, «мусорные люстрации»).

Прагматика, семантика и грамматика ритуала наказания.

Прагматика и семантика — две переменные, привычные для анализа действия в социальных науках. Значение третьей переменной, грамматики, можно показать на примере «коридоров позора», самого распространенного в 2014–2015 гг. типа публичного наказания. «Грамматика» включает в себя «морфологию», внутреннее устройство практики, и «синтаксис», вхождение элементарного ритуала в состав более сложного как его составная часть. В случае с «коридорами позора» мы имеем два исходных элемента: люди, которые образуют коридор, и объекты наказания внутри коридора. Они могут сочетаться один с другим различным образом: люди в коридоре могут быть более или менее активными, проявлять или не проявлять агрессию по отношению к объектам наказания; люди внутри коридора могут двигаться добровольно в нужную им сторону, как «Беркут» в Киеве в январе 20014 г. или обвиненный в «сепаратизме» преподаватель во Львовском университете в феврале 2015 г., или их могут принуждать, как на «марше пленных» в Донецке в августе 2014 г. Различия такого рода создают в итоге значительное число разных вариантов.

«Мусорные люстрации» — пример, который показывает значимость семантики и прагматики и одновременно недостаточность этих характеристик. Выкинуть противника в мусорный бак — действие, понятное и по своей семантике (противник обозначается как «мусор»), и по прагматике, как знакомое повседневному действию. Тем не менее, по каким-то причинам оно используется только одной из сторон, радикальными сторонниками революции; противоположная сторона для аналогичных целей (разоблачение, символическое понижение статуса)

использует другие действия. Попытки дать объяснение приведут нас, скорее всего, к культурной составляющей, к символическим системам, которых придерживаются стороны конфликта.

Примером, когда одинаковая прагматика действия обнаруживается с разных сторон конфликта различия в семантике, смысле происходящего, служат «столбы позора». Привязать человека к столбу, повестить на него табличку с пояснением, в чем состоит его вина, — простое действие, знакомое по историческим книгам или кинофильмам. Прагматическая часть действия по обе стороны конфликта оказывается одинаковой, а семантическая, что написано на табличке, отличается. Для примера — «столбы позора» в Ужгороде в феврале 2014 г. и в Донецке в августе 2014 г. В первом случае наказываются начальник таможни, надпись «Взяточник», во втором — обычная женщина, надпись «Агент карателей». В первом случае выстраивается оппозиция «народ (добро) — коррумпированный чиновник (зло)», во втором — «наши (добро) против внешнего врага (зло)».

Возможен также обратный случай, когда семантика действия в наблюдаемых примерах оказывается одинаковой или близкой, а прагматика, наоборот, заметно отличается. Идея «народного суда», в котором судьбу провинившихся решают напрямую граждане, в октябре 2014 г. была реализована заметно по-разному в Алчевске Луганской области и в Ждановке Донецкой области. В первом случае организаторы попытались точно воспроизвести судебную процедуру с заслушиванием сторон, свидетелей, с формальным обвинением, с приговором, за который голосуют люди в зале. Во втором случае «народный суд» состоял в том, что подозреваемых выводили из здания комендатуры на крыльцо, собравшиеся вокруг люди выражали свои эмоции, в основном отрицательные, после чего подозреваемых уводили обратно, и насколько их судьба зависит от сцены на крыльце — непонятно.

Ритуалы исключения и включения (прощения). Важный принцип различения ритуалов наказания состоит в том, предполагают ли они в итоге исключение наказанных из общества или, наоборот, их возвращение. Исключающие ритуалы встречаются чаще («столбы позора», «мусорные люстрации», «столбы позора», «парады пленных» и др.), а ритуалы прощания представляют, скорее, редкое, но важное исключение. Примеры такого рода — публичное покаяние бойцов «Беркута» во Львове в феврале 2014 г. и оправдательный приговор «народного суда»

в Алчевске в октябре 2014 г. Между двумя этими случаями можно найти ряд существенных различий, например, кто объявляет о помиловании, священник или военный комендант, но для начала, мне кажется, имеет смысл задаться вопросом, как такие ритуалы, достаточно сложные, вообще оказываются возможными.

Ритуалы прощения создают еще одну сложность для теоретической схемы Александера, в которой часто «склеиваются» определенные ценности (положительные или отрицательные) и персонажи, которые их воплощают. Например, в анализе Уотергейтского скандала Александер реконструирует символические классификации американцев и помещает на «сакральном» полюсе («добро») ФБР, следователя Кокса и сенаторов из комиссии по расследованию, на «профанном» («зло») — гостиницу «Уотергейт», помощников президента, взломщиков-исполнителей¹. В ритуалах прощения мы наблюдаем ситуацию, когда отрицательная ценность («зло») и ее носитель отделяются друг от друга, люди теряют свою отрицательную оценку и возвращаются обратно в сообщество². На мой взгляд, в этом пункте александеровская схема нуждается в корректировке.

Культурные истоки. Ответ на вопрос, откуда возникает разница в ритуалах наказания у разных сторон конфликта, связан в значительной степени с культурным опытом, к которому они считают нужным обращаться. Сторона антиимадана и «народных республик» явным образом отсылает к опыту наказания «фашистов и фашистских пособников», к публичным судам и публичным казням, которые проводились в Советском Союзе в 1943–1946 гг. Отсюда же, видимо, положительная ценность, которая приписывается расстрелам. В «народных республиках» схема публичного расстрела (правда, в смягченной форме, без жертв) регулярно воспроизводится: постановочный расстрел в Горловке в апреле 2014 г., приказ о расстрелах в Славянске в этот же период, допрос у стены с угрозой расстрела мародеров в Лисичанске летом 2014 г.

¹ Александер Дж. Указ. соч.

² Типологически похожий пример не предусмотренной схемой Александера отделения ценностей от их «оскверненного» представителя в случае Египетской революции. См.: Титков А. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение. 2012. С. 122–130.

В свою очередь, для западно-украинских областей нет прямых указаний, откуда берутся образцы, но ряд случаев по своим сценариям напоминает опыт Средневековья или раннего Нового времени: помост для публичного покаяния, столбы позора, провезти по улицам в позорящем виде. Почему такие примеры встречаются только в Западном регионе и не затронули, например, центральные области — вопрос, ответ на который не очевиден.

Ритуал и случайность. Последний сюжет, который хотелось бы затронуть: в какой момент ритуал становится ритуалом, где проходит граница между случайностью и упорядоченностью. Приведу единственный пример: Харьков, 1 марта 2014 г., сторонники Антимайдана врываются в здание администрации, где засели активисты «Правого сектора», молодежь 18–20 лет, захватывают их и выводят на площадь. В такой ситуации действует понятная прагматика уличного боя: одни нападают или добивают, другие пытаются защититься или убежать. Кроме того, в какой-то момент появляется символическая составляющая, которую иногда сложно обнаружить или интерпретировать. Мы видим, как захваченную группу помещают на помост на площади, и не знаем точно, зачем это делалось: чтобы спасти от расправы или чтобы на виду у всех провести какие-то позорящие действия, например, поставить на колени. Затем людей из захваченной группы мажут зеленой краской — возможно, первая медицинская помощь, возможно, позорящая метка для «чужих», которая использовалась, в том числе, в том же Харькове в других эпизодах противостояния. В следующий момент на помосте появляется женщина с иконой, она действует наверняка осмысленно, но понять смысл ее действий, не находясь на месте, мы не можем. Мы наблюдаем в целом ситуацию на грани между беспорядочным развитием событий и организованным ритуалом и подозреваем, что важную роль в упорядочивании таких ситуаций играет способность людей придавать смысл, сразу или с запозданием, различным происшествиям, происходящим более или менее стихийно. Возможно, что такого рода эпизоды совсем недавних событий помогут нам лучше понять природу ритуалов вообще, их происхождение в далеком историческом прошлом.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Современные подходы к теории международных отношений

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КОНСТРУКТИВИСТОВ К ГЛОБАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Иван Кочедыков

Московская высшая школа социальных и экономических наук

В своем определении глобального управления Дж. Розенау через упоминание ценностей и правил, режимов и норм оставил место и для конструктивизма¹. Чтобы разобраться с представлениями конструктивистов о глобальном управлении, необходимо обратиться к пониманию того, что же есть конструктивизм.

Конструктивизм — это социальная теория, а не теория политики². В теории международных отношений реализм или либерализм представляют собой базовую теорию, объясняющую структуру мировой политики, а конструктивизм — теория второго порядка, изучающая содержание процессов, происходящих в международной политике. Конструктивисты показали, что реальность всегда пребывает в изменениях и находит свое выражение в теориях и дискурсах. Таким образом, конструктивизм как подход направлен на описание изменений.

Конструктивисты подчеркивают социальное измерение международных отношений, показывают, насколько важна роль языка, норм и правил. Они полагают, что структура меняется под воздействием агентов, но и агенты меняются в ходе своего взаимодействия со структурой. Структура международных

отношений и процесс взаимодействия субъектов, таким образом, всегда историчны. Этот процесс называется взаимным конструированием. Акторы действуют в мире, который имеет интересубъективное значение.

Конструктивисты изучают идеалы, нормативное измерение академических и политических концептов. Кроме анализа самой реальности международных отношений, включая нормы и правила, конструктивисты изучают, как формируются академические дискурсы. В данном случае нас интересует, как воспринимают и борются за понятие «глобальное управление» в академической среде, какую эпистемологическую рамку оно нам задает.

В данной статье будут показаны аналитические особенности конструктивизма в этих трех его измерениях.

Марта Финнемор подошла к нормам и институтам, определяющим международную жизнь, т.е. к тем социальным регуляторам, которые в глобальном управлении берут на себя роль правительств, с конструктивистских позиций. Она полагает, что нет независимой от наблюдателя реальности. Реальность социальна и конструируется в ходе взаимодействия людей, в то же время конструкты этой реальности — структуры — определяют поведение людей. Социальные структуры норм и правил управляют теми действиями, которые будут рассматриваться как легитимные и проводиться в жизнь. Также нормы определяют ответственность и обязанности. Подобная логика, которую Финнемор именуется «логикой уместности» (*appropriateness*), объясняет одинаковое поведение неодинаковых акторов.

Она полагает, что государства социализируются в политике, принимают на себя нормы, ценности, идентичности и, соответственно, интересы. Иными словами национальные интересы появляются только тогда, когда есть «Другой» или «Другие». Финнемор определяет нормы как общие ожидания сообщества акторов о приемлемом (*appropriate*) поведении. Нормы, в отличие от идей, имеют общий социальный, интересубъективный характер¹. Для иллюстрации своих теоретических положений Финнемор прибегает к ряду примеров: как ЮНЕСКО поспособ-

¹ *Rosenau J. Governance, Order and Change in World Politics // Governance without Government: Order and Change in World Politics / Eds. J.N. Rosenau and E.-O. Czempiel. Cambridge University Press, 1992. Ch. 1. P. 9.*

² *Finnemore M. National Interests in International Society. L: Cornell University Press, 1996. P. 27.*

¹ *Finnemore M. National interests in International Society. London: Cornell University Press, 1996. P. 22.*

ствовало созданию научных бюрократий, Красный Крест изменил правила войны, Всемирный банк борется с бедностью.

ЮНЕСКО как организация приняла в качестве идеала научную бюрократию, появившуюся в англосаксонском мире, и популяризовала ее. Финнемор приводит данные, согласно которым большая часть государств поддержали эту идею и воплотили ее в жизнь в период между 1950–1960-ми гг. В некоторых государствах число ученых едва превышало десяток, но они создали организацию по управлению наукой, потому что таковы были нормы. Роль Красного Креста в изменении правил войны намного интереснее. За Красным Крестом и подписанием Женевской конвенции стояли морально убежденные люди без какой-либо формальной власти, но способные убедить элиты изменить правила войны. Их аргументы были восприняты не только элитой, но и простыми гражданами, так они одержали моральную победу, а Женевская конвенция стала нормой, государства приняли на себя обязательства, и некоторые даже их соблюдали.

Таким образом, аналитической особенностью конструктивизма Финнемор является опора на интерессубъективно конструируемые нормы, которые распространяются с помощью институтов; нормы, в свою очередь, влияют на ожидание акторов друг от друга. В подходе ученого важна и социальная структура, задающаяся интерессубъективно: акторы не могут действовать абсолютно произвольно, ибо структура имеет большое влияние на действия, смыслы действий и рассуждения акторов.

Эммануэль Адлер и Стивен Бернштейн ставили своей целью создать нормативную теорию глобального управления¹, для этого они прибегли к наследию Мишеля Фуко, а конкретно, к его понятию «эпистема». Они считают, что власть — это диспозиция, которая зависит от знания. Власть не только подавляет, но и производит изменения, создает институты, которые закрепляют смыслы, необходимые для глобального управления. Эти смыслы задают легитимность, справедливость.

Эпистема — самый глубинный слой социального смысла, это фоновое интерессубъективное знание, представления людей

и дискурс¹. Глобальное управление хотя и укоренено в силе и институтах, но сила и институты существуют только в рамках социального порядка или социальной реальности, которую создают эпистемы. Потому с уверенностью можно сказать, что сущность глобального управления и находится в эпистемах. Эпистемы формируются общей культурой, наукой, нормативными представлениями. «Эпистема,— пишут Адлер и Бернштейн, — это как бы пузырь, в котором люди живут, способ, каким люди организуют реальность, их базовое понимание причин вещей, их нормативные представления, их идентичность, понимание себя через других»². Эпистемы это своего рода категории, в которых люди думают и действуют. Эпистемы при этом не гомогенны, но представляют собой дифференцированное поле, на котором разворачивается борьба. Эпистемы определяют, кто может быть другом, а кто врагом, какая власть легитимна, а какая нет. В нашем же случае эпистемы определяют, насколько демократичным должно быть глобальное управление, какая должна быть у него рациональность. Агенты воспринимают материальную реальность через эпистемы, потому реальность имеет смысл, как и их действие. Воспринимая реальность таким образом, они ее конструируют. Эпистемы — продукт социальных отношений и целенаправленных действий агентов, которые в данной эпистеме наделены властью определять, что такое правильное знание и что такое правильное действие. Подход Адлера и Бернштейна, таким образом, сохраняет субъекта, а не только структуру. Агент всегда может действовать в рамках глобального управления или сопротивляться ему, хотя его действия и будут ограничены эпистемой.

Власть в подходе Адлера и Бернштейна — это способность объявлять действительным знание, на котором стоит эпистема, и власть (authority), которую эпистемы производят, — это способность создавать субъективность и социальные факты. Власть одновременно выступает как власть принуждения (compulsory power), или материальная власть, и как власть над знанием, власть установления повестки дня (productive power)³. Через эту призму Бернштейн и Адлер рассматривают власть в США. Здесь

¹ Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance// Barnett M. N., Duvall R. Power in Global Governance. Cambridge University Press, 2005. P. 294.

¹ Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance. P. 295.

² Ibidem. P. 296.

³ Ibidem. P. 299

есть мощная социальная наука, подкрепленная большим материальным багажом, в котором результаты научного познания получают свою силу. Эти же парадигмы принимают на вооружение и другие акторы, включая негосударственных. В связи с этим власть (power) США зависит от распространения эпистемы глобального управления, которая по идее должна быть научной, технической и универсальной¹.

Управление (governance) также требует определенных рациональности, знания, легитимности, нормативности, которые отражались бы в институтах, и власти. В рамках эпистемы некие группы могут быть объявлены вне закона — например, террористы, и, таким образом, всякая их поддержка другими акторами, входящими в проект этой эпистемы, формально невозможна. Установленное правильное знание затем будет требовать определенных акторов, которые могут с этим знанием управляться.

Глобальное управление основывается, с одной стороны, на материальных возможностях, с другой — на знании, легитимности и справедливости (fairness)². Всякое нормальное управление предполагает, что люди его принимают, считают его справедливым, в нем адекватно распределяются права и обязанности, а те, кто принимает решение, должны быть подотчетны.

Адлер и Бернштейн предлагают следующую сетку требований к глобальному управлению, их комбинация и составляет порядок вещей³.

	Материальные возможности	Знание
Легитимность	Власть	Эпистемическая верность
Справедливость	Хорошие практики	Практический разум

Ученые вспоминают о концепте эпистемических сообществ, которые создают научное знание для продвижения кооперации. Их действия могут не только помочь отдельным государствам

в политике, но изменить идентичность и интересы множества участников, которыми глобальное управление и воспринимается¹. Короче говоря, ключевой задачей эпистемических сообществ является создания эпистем, которые влияют на мировой порядок. Власть обращается к науке, получает часть ее легитимности и оправдывает, таким образом, свои действия, затем инструментальная рациональность переходит в институты, а практическая деятельность становится образцом.

Власть принуждения все еще оперирует в границах национальных государств. Глобальное управление, чтобы быть эффективным, должно опираться на другие источники силы, поэтому самой яркой чертой глобального управления, даже в том виде, в котором его понимал Розенау, выступает разделение легитимности и принуждающей силы. Эпистема глобального управления задает субъективность отношения к власти, легитимность и сообщество, необходимые для всякой власти.

Эпистемическая верность описывает знание, которое сообщество признает верным. К этому типу знания относят нормы, признанное научным сообществом знание и идеологические представления. В данном пункте ученые отталкиваются от позиции Юргена Хабермаса и его концепции коммуникативного действия. Власть невозможна без общего понимания социальной реальности и стандартов обоснования подобного понимания. Эпистемическая верность может служить «заместителем» (проху) управления², например, в ситуациях, связанных со сложными техническими процессами, техногенными катастрофами, которые как бы являются вотчиной глобального управления. В подобных случаях технические эксперты из разных стран будут иметь власть осуществлять управление от имени доминирующей эпистемы.

Международные институты также опираются на мнение экспертов. Юридические эксперты помогают разбираться с законами, правилами, ведут дела в судах; технические эксперты создают требования и стандарты, которые затем принимают другие акторы. Исследования и рекомендации экспертов из научных институтов могут стать основой для кооперации или даже новых правил³. Иными словами, эксперты конструируют

¹ Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance P. 299.

² Ibidem. P. 300.

³ Ibidem. P. 301.

¹ Ibidem. P. 301.

² Ibidem. P. 304.

³ Ibidem. P. 305.

институты и их силу, но при этом эксперты не подотчетны и порядок обращения к ним недемократичен.

Хорошие практики — это часть общего понимания справедливости глобального управления. Трудность состоит в перенесении присущих внутренней политике подотчетности и прозрачности на уровень международной политики. Впрочем, международные финансовые институты, тем не менее, создают нормы «хорошего правления», которые затем начинают применяться внутри каких-либо государств¹. В любом случае понятие справедливого на уровне глобального управления зависит не только от того, принимают ли разные акторы какую-то нормативную цель, но и от того, разделяют ли они эпистему, которая будет подкреплять их единое коммуникативное действие.

Практический разум тесно связан с хорошими практиками. Он основан на понимании, что причины (reasons) проистекают из процесса интерпретации и диалога, в которых интересубъективное знание и нормативные представления о справедливом играют большую роль². Практический разум тесно связан с эпистемической достоверностью, так как он включает в себя процесс общего размышления и обсуждения. Без подобного обсуждения легитимность глобального управления вряд ли сможет стать истинно глобальной.

Эпистемы делают возможным и в тоже время ограничивают глобальное управление. Этот подход был применен при анализе управления международной торговлей, на примере деятельности ВТО в 2001 г., когда делались попытки сократить дисбаланс между Севером и Югом. Рабочей эпистемой выступила эпистема торгового режима³. Либеральная эпистема строится не только на господстве права, но и на экономической эффективности, именно ее поддерживают международные экономические организации. Торговые режимы лишь частный случай этой эпистемы. Что касается справедливости, то на ее счет можно отнести техническую помощь развивающимся странам. Практический же разум будет по исторически сложившимся обстоятельствам юридическим разумом. Власть (power) оперирует

в двух ипостасях — как власть формальных правил, созданных членами организации, и как власть технократов, управляющих организацией и процессом.

Итак, аналитической особенностью подхода Адлера и Бернштейна является упор на эпистему, т.е. на коллективные интересубъективные представления о реальности и возможности действий в ней. Эпистемы конструируются и меняются в зависимости от действий акторов, а акторы ограничены в действиях эпистемами. Применяя эту концепцию к глобальному управлению, соединив ее с соображениями о нормативности глобального управления, они получают ряд базовых параметров, по которым могут быть проанализированы отдельные кейсы глобального управления и работает собственно глобальное управление. Эти параметры — справедливость, власть, эпистемическая валидность, практический разум.

Последний разбираемый нами конструктивистский подход связан с анализом глобального управления как подхода в теории международных отношений. Исследователи К. Дингверт и Ф. Паттберг изучают, как различные силы борются за концепт и определяют его. Они полагают, что концепты — базовые инструменты социального исследования¹. Концепты организуют и структурируют как сам процесс исследования, так и процесс изложения материала для построения больших теорий. В ходе своего исследования концепции глобального управления они выделили две позиции — глобальное управление как политическая программа и глобальное управление как наблюдаемый феномен. Их выводы: люди, отстаивавшие глобальное управление, сознательно стремились уйти от терминологии мирового порядка, связанной с гегемонией и балансом сил. Для глобального управления характера постановка вопросов о форме социальной регуляции на международном уровне, об источниках происхождения норм, правил и стандартов, о следовании этим нормам.

Таким образом, конструктивизм — это подход, который исходит не застывшие структуры мировой политики, но процессы, происходящие на международной арене. Аналитической особенностью конструктивизма является внимание к словам, концептам, нормам, идеям и шире — эпистемам. При этом

¹ Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance. P. 306.

² Ibidem. P. 307.

³ Ibidem P. 312.

¹ Dingwerth K., Pattberg F. Global Governance as a Perspective on World Politics // Global Governance. 2006. No. 12. P. 185–203.

конструктивизм могут использовать другие структурные направления в своих собственных исследованиях.

ВНУТРИ «БИЛЬЯРДНОГО ШАРА»: ДОМАШНИЕ КОРНИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

ИВАН СУХОВ

Московская высшая школа социальных и экономических наук

В 1993 г., когда распад Советского Союза закрепился в восприятии аналитиков как свершившийся факт, но демонтаж союзной конструкции — например, в части перемещения в Россию всего советского ядерного арсенала — технически еще не был завершен, профессор политологии Массачусетского технологического института Барри Позен прогнозировал возможное радикальное ухудшение отношений между Россией и Украиной. С его точки зрения, положение дел на этом направлении выглядело в тот момент несопоставимо лучше, чем ситуация в распадавшейся Югославии, но уже тогда существовали определенные предпосылки для усиления «тенденции к насилию»: «Хотя есть некоторые опасные признаки в российско-украинских отношениях, дилемма безопасности в данном случае не особенно интенсивна. Но если западные державы заинтересованы в мире между этими двумя странами, то должны быть предприняты усилия, направленные на сохранение этого благоприятного положения дел»¹.

Позен не был уверен, что эти усилия достигнут результата, поэтому предупреждал: «Для обеих сторон было бы лучше, если бы они понимали: любая сторона, которая окажется маркирована как агрессор в российско-украинском конфликте, приобретет враждебность самой мощной и богатой коалиции держав в мировой истории»². Позен относит себя к реалистической школе исследований в области международной политики, но он внимательно анализирует внутривнутриполитические факторы, способные повлиять на внешнеполитическую ситуацию. Распространенное убежде-

ние, будто реализм рассматривает международные отношения исключительно в «простой и элегантной логике бильярдных шаров»¹, оказывается несостоятельным.

Тема взаимозависимости внутренней и внешней политики находится на междисциплинарном перекрестке между теорией международных отношений и рядом других общественных наук: политологии, социологии, правоведения, этнологии и конфликтологии. Интердисциплинарное объяснение ситуаций, которые наиболее ярко отражают взаимосвязь и взаимозависимость решений, принимаемых основными акторами внутри государств, с поведением этих государств на международной арене, предполагает также синтез доводов и наблюдений представителей различных теоретических школ.

Распад Союза во второй половине 1991 г. стал не только примером почти мгновенного превращения «невероятного в неизбежное»², но и буквально классическим примером того, как быстро «внутреннее» — например, внутренние этнотерриториальные конфликты, — способно превратиться во «внешнее» — например, в результате сецессии тех или иных территорий или быстрого коллапса фреймирующей политической конструкции. Едва ли оправданно считать распад СССР полностью мирным процессом³. Действительно мирной — особенно на фоне уровня конфронтации великих держав периода биполярного мира — оказалась трансформация биполярной системы, связанная с фактическим исчезновением одного из ее полюсов, а также решения, связанные с логистикой ядерного наследия Советского Союза. Сам же демонтаж СССР оказался сопряжен с серией высокоинтенсивных конфликтов: в Фергане, в Сумгаите, в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Южной Осетии, в Приднестровье, а также в Северной Осетии и в Чечне. Начавшись еще внутри СССР, часть

¹ Posen B.R. Security Dilemma and Ethnic Conflict // Survival. 1993. Vol.: 35 (1). P. 27–47.

² Ibid.

¹ Rothstein R.L. On the Cost of Realism // Political Science Quarterly. 1972. LXXXVII, No. 3. P. 347–362. — Цитируется по: Perspectives on World Politics / Ed. by M. Smith, R. Little, M. Shackleton. Routledge in assn. with The Open University Press, 1981. P. 389.

² Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. Cambridge University Press, 2002. P. 5–6.

³ О мирном характере окончания холодной войны см., например, Shultz K. Domestic Politics and International Relations // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. A. Simmens. SAGE Publications, 2012. P. 478.

этих конфликтов после формального прекращения существования Союза приобрела черты международных. Это напрямую коснулось ситуации в Нагорном Карабахе, менее отчетливо — ситуаций в Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Хотя до начала 2000-х гг. эти ситуации оставались с формальной точки зрения внутренними конфликтами Грузии и Молдовы, они оказывали существенное влияние на внешнеполитические связи обеих стран и, в частности, на их взаимоотношения с Россией. В августе 2008 г. в результате российской военной операции и последующего признания независимости Абхазии и Южной Осетии эти две ситуации также приобрели черты конфликта между Россией и Грузией, а сама «пятидневная» война стала второй после Карабаха полномасштабной войной между двумя постсоветскими странами. В марте 2014 г. Россия аннексировала Крым и оказалась вовлечена в военный конфликт на востоке Украины как минимум в качестве государства, которое ирредентистские структуры в ряде районов Донецкой и Луганской областей Украины воспринимают как важный источник своей легитимности. Формально ситуация на востоке остается внутренним конфликтом Украины, но эта ситуация также является результатом определенных изменений в российской внутренней политике.

Если до сих пор конфликты на постсоветском пространстве оставались не более чем проблемой региональной безопасности, то ситуация 2014 г. существенным образом отразилась на отношениях России не только непосредственно с Украиной и другими странами бывшего СССР, но и с ее отношениями с западными странами. Произошло именно то, о чем в 1993 г. предупреждал Позен: Россия была маркирована как агрессор и столкнулась с могущественной коалицией¹. Хотя вероятность военного конфликта между Россией и Западом пока не выглядит высокой², «мирный характер» окончания холодной войны, как и само окончание, в существенной степени поставлены под сомнение.

Таким образом, внутренние конфликты и внутривнутриполитические изменения в состоянии не просто влияют на международные отношения, но быть причинами войн и даже источниками

угроз глобального уровня. Характер этого влияния, в основном применительно к ситуации на Украине, является предметом настоящей статьи. Ее первая часть посвящена очерку концептуальной теоретической базы, вторая — анализу внутривнутриполитических обстоятельств возникновения полномасштабной войны в постимперском пространстве, а третья — анализу этнических и территориальных предпосылок такого рода конфликтов.

Влияет ли внутренняя политика на международные отношения?

Ответ на этот вопрос очевиден. Вопреки устойчивому стереотипу, влияние внутренней политики на внешнеполитические решения в целом не оспаривается реалистами. Классический труд Фукидида «История Пелопонесской войны» прямо связывает конфликт со страхами, возникшими *внутри* Спарты в связи с возвышением Афин, а поражение афинян — с тем, что они поддались влиянию демагогов, которые видели в экспансии шанс на увеличение собственного политического веса и благосостояния. Макиавели также неразрывно связывает внутреннюю политику и внешнеполитические решения, а в рассуждении Томаса Гоббса способность правительства эффективно защищать свои позиции внутри страны акцентируется как условие возможности противостоять международной анархии¹.

Тем не менее вопросы соотношения внутривнутриполитического устройства, внешней политики и в целом международных отношений в значительно большей степени занимали Канта, который в трактате «К вечному миру» обосновал гипотезу о предпочтительности республиканского устройства и сравнительно меньшей склонности республиканских правительств прибегать к войне как к политическому инструменту. Кантианский интерес к соотношению внутренней и внешней политики предопределил некоторый перевес неолиберальных мыслителей среди тех, кто обращался к этой теме уже в новейшие времена. Первые признаки серьезного концептуального недовольства реалистическим объяснением международных отношений пришлось на 1970-е гг., когда Роберт Кеохейн и Джозеф Най работали над

¹ Posen B. Op. cit.

² Российское военное вмешательство в Сирии с 30 сентября 2015 г. парадоксальным образом повлияло на эту ситуацию: контакты России и Запада стали интенсивней, при этом угроза столкновения выросла.

¹ Об этом см., например, Doyle M. Ways of War and Peace. NY: N. N. Norton, 1997.

теорией комплексной взаимозависимости¹. Кеохейн и Най постулировали множественность каналов взаимодействия стран как субъектов международных отношений, что потребовало внимания к акторам, действующим на внутривнутриполитической арене и в трансграничном режиме².

Хотя неолибералы были сосредоточены главным образом на интеракции ведущих экономик западного мира, эта концептуальная рамка стала теоретической основой для обширного круга исследований в области воздействия внутривнутриполитического устройства на внешнеполитические решения. Кеннет Шульц, автор «профильного» раздела в учебнике по теории международных отношений 2012 г., полагает, что большинство исследований по данному вопросу выполнены приверженцами неолиберальной теории³.

С этим утверждением можно, тем не менее, спорить. В 1979 г. вышла фундаментальная книга Кеннета Уолтца «Теория международной политики» — попытка адаптировать реализм к актуальным на тот момент политическим условиям. Уолтц уделяет существенное внимание происходящему «внутри бильярдного шара» — а именно характеру применения силы внутри страны и внутривнутриполитической природе силы в международных отношениях⁴. Для Уолтца различие внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений состоит в том, что международные отношения — это анархия, т. е. ситуация, в которой субъект не может обращаться за помощью в обеспечении безопасности и защитой своих погрязших прав ни к какому внешнему арбитру, поскольку такой арбитр отсутствует. На международной арене, таким образом, работает анархический принцип взаимодействия сил, а внутри страны — иерархический. Взаимозависимость существует как внутри страны, так и на международной арене, но для описания системы взаимозависимостей внутри страны Уолтц применяет термин «интеграция». Параметр интеграции — переменчивая величина: Уолтц отмечает, что в течение столетия после поражения Наполеона (1815), наиболее деструктивные (в частности, по числу жертв) конфликты носили

внутренний характер. Хотя две мировые войны статистически изменили соотношение, внутренние войны, к числу которых Уолтц относит не только классические гражданские войны, но и, к примеру, массовые репрессии, продолжают оставаться существенным фактором¹.

Таким образом, понятие фундаментальной для реализма дилеммы безопасности становится релевантным и для внутривнутриполитического анализа. Она может возникать у целого ряда акторов внутри государства, включая правительство, которое по определению стремится исключить частное применение силы².

Это рассуждение развивает Позен, анализируя на примерах Югославии и бывшего СССР поведение таких внутренних акторов, как этнические группы в ситуации коллапса политической структуры. Ее исчезновение, по Позену, влечет для этнической группы необходимость брать на себя функцию обеспечения наступательно-оборонительного баланса, что в итоге нередко приводит к гражданской войне³.

Джон Миршаймер, адепт так называемого наступательного неореализма, весьма скептически отзывается о концептуальных построениях Уолтца, Позена, а также Джозефа Снайдера⁴, критикуя их междисциплинарный взгляд на вещи. Самому Миршаймеру близок классический реалистический подход: главными акторами международных отношений являются великие державы, располагающие определенным наступательным потенциалом, не склонные доверять никаким декларациям соперников, полагающие главной целью существования государств их выживание и действующие рационально⁵.

Но как раз допущение о рациональной субъектности государств — одно из положений реализма, вызывающих постоянную критику. С неолиберальной точки зрения, реальным актором, принимающим решения в области внешней политики

¹ Keohane R. O., Nye J. S. *Power and Interdependence*. Boston: Little, Brown, 1977.

² Ibid. P. 24–25.

³ Schultz K. Op. cit. P. 480.

⁴ Waltz K. *Theory of International policies*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1997.

¹ Waltz K. *Theory of International policies*. P. 103.

² Ibid. P. 103–104.

³ Posen B. Op. cit.

⁴ Snyder J. *The Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

⁵ Mearsheimer J. J. *Structural Realism//International Relations Theories. Discipline and Diversity* / Ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. Oxford University Press, 2013. P. 79, 83.

и непосредственно влияющим на международные отношения, является лицо или сравнительно узкая группа лиц, контролирующая внешнеполитическую деятельность исполнительной власти¹. В кантианском духе неолибералы полагают, что эти лица в состоянии действовать в интересах общего блага только при условии существования системы (внутриполитических) институтов, которая делает их подотчетными. Такая система до некоторой степени гарантирует, что «решатели» не подменяют внешнюю политику страны «преследованием собственных параноидальных фантазий» и не приведут «страну к катастрофическим последствиям»².

Соотношение внутренней и внешней политики представляет интерес также для марксистских и конструктивистских исследований. Исследователи марксистской школы традиционно фокусировали свой интерес на природе империализма и колониализма, а затем — на природе права наций на самоопределение и явлениях сепаратизма, недостаточно академически изученных, но находящихся прямо в фокусе превращения внутриполитического конфликта в международный³. Конструктивистам арена внутренней политики интересна как источник формирования национальной идентичности⁴, которая, если возвращаться к метафоре бильярдного шара, в конечном счете определяет, насколько шар цел, кругл и способен катиться. Таким образом, исследования соотношения внутренней и внешней политики оказываются также на пересечении с комплексом знаний, накопленных за последние десятилетия в области изучения феноменов национализма и этничности.

Внимание исследователей разных теоретических школ в целом сфокусировано на трех вопросах:

- до какой степени внутренняя политика влияет на определение внешнеполитической повестки дня и строительство системы союзов, т.е. на принципы распознавания «свой — чужой»;

¹ Schultz K. Op. cit. P. 480.

² Ibid.

³ Например, *Heraclides A. The Self-Determination of Minorities in International Politics*. London: Frank Cass, 1991.

⁴ Об этом см. например: *Rejai M., Enloe C.H. Nation-States and States-Nations// International Studies Quarterly*. 1969. Vol. 13 (2). P. 140–158.

- как внутренняя политика влияет на решение вопросов войны и мира;
- как международная политика влияет на участие государства в различных форматах международного сотрудничества.

В этой статье рассматривается в основном аспект воздействия внутренней институциональной структуры на решение вопросов войны и мира. Кроме того, кейс конфликта на Украине неизбежно фокусирует внимание на проблеме внутреннего единства государств, условиях их вероятного распада и его последствиях. Вопрос относительно релевантности той или иной теоретической концепции на данном этапе сознательно остается без ответа: несмотря на явные точки пересечения интересов, сторонники упомянутых концептуальных подходов в основном объясняют разные фрагменты, а иногда даже разные модели взаимного воздействия внешней и внутренней политики. Их критический синтез, как представляется, дает возможность собрать наилучшую оптику для ситуативного анализа.

ВОЙНА КАК ТОКСИЧНОЕ СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Ситуация на Украине в течение полутора лет, с осени 2013 г., превратилась в один из наиболее острых кризисов в истории Восточной Европы и вылилась в локальную войну высокой интенсивности, которая только по данным ООН на февраль 2015 г. унесла более 5000 человеческих жизней¹.

Этот конфликт, как правило, анализируется как последовательность предпринятых несколькими акторами шагов, первоначально связанных со стремлением Украины подписать договор об интеграции с Евросоюзом. Часть российского руководства, рассуждая, к слову, в логике реалистической теории международных отношений², расценила это как посягательство на национальные интересы.

¹ По данным на 12.02.2015 г., число убитых гражданских лиц, по оценке ООН, составило 5617 человек, число раненых 13 400. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54e635989a79475c7bdc1b04>

² См.: *Mearsheimer*. Op. cit. О государствах-ревизионистах.

На сегодняшний день нет публично подтвержденных всеми сторонами оснований утверждать, что именно эта российская оценка привела к попытке силового вмешательства российской стороны в события в Киеве, приведшие к смене режима Виктора Януковича в феврале 2014 г., или что Россия прямо участвует в вооруженном конфликте на востоке Украины. Однако очевидным фактом является российская аннексия Крыма 18 марта 2014 г., произведенная на основании референдума, не прошедшего международной верификации, при участии российских вооруженных сил¹. В данном случае это дает основания говорить о вовлеченности России в конфликт с Украиной — во второй (после войны между Россией и Грузией в августе 2008 г.) конфликт такого уровня² в постсоветском пространстве.

С точки зрения всестороннего анализа природы этого конфликта и понимания его возможных последствий есть смысл обратиться к возможным внутривластным институциональным предпосылкам сложившейся ситуации.

Один из принципиальных теоретических споров о мере влияния внутривластной ситуации на внешнеполитические решения восходит к кантонианскому утверждению о том, что республика менее воинственна, чем государства, в которых существует нереспубликанская форма правления. В адаптированном виде в наши дни это соответствует дискуссии о том, выше ли готовность обратиться к войне как средству достижения целей в недемократических государствах.

Принято считать, что демократии сравнительно реже воюют между собой, но нередко обращаются к войне как средству достижения цели, если речь идет о войне со страной за пределами демократического мира³. Хотя это довольно точное наблюдение, только оптика, сфокусированная на анализе внутренних институтов, связанных с принятием решений о войне и мире, позволяет рассмотреть нюансы.

И в демократических, и в недемократических системах политические решения, в том числе и относительно войны и мира, принимаются лидером или сравнительно узкой группой лиц, отвечающих за внешнюю политику¹. Лидеры всегда до определенной степени мотивированы стремлением сохранить власть. Кроме этого мотива, они могут руководствоваться также своими представлениями о силе, безопасности страны, ее репутации на международной арене, стремлением (или, наоборот, осознанным отказом) соблюдать международные нормы и обязательства или совокупностью идеологических и религиозных убеждений. Но мотив удержания власти, по-видимому, следует расценивать как константу².

Чтобы решить эту задачу, лидеры как демократических, так и в недемократических системах должны обращаться за поддержкой к другим внутривластным акторам. В демократической системе этот запрос институализирован в виде избирательной системы, ключевыми субъектами в которой, помимо избирателей, являются организованные группы интересов, способные, в частности, обеспечить финансирование национальной избирательной кампании. В системах недемократических речь идет о существенно более узкой группе лиц, часто, но не обязательно включающей военных, связанных с лидером ситуацией взаимозависимости.

Кантонианское рассуждение о том, что демократии менее воинственны, подтверждается, с точки зрения современных, преимущественно либеральных подходов к анализу влияния внутренней политики на внутривластный процесс, тем, что демократическая система подразумевает подотчетность лидера, а в конечном итоге право избирателей³ потребовать его отставки. Это обстоятельство демократический лидер неизбежно учитывает, принимая решение о вступлении страны в войну. Война всегда содержит риск неблагоприятного развития событий, именно поэтому демократические государства как правило вступают в войну только тогда, когда они уверены в своей

¹ При оценке присоединения Крыма важно принимать во внимание, что в течение полутора года после этого события Украина не предпринимала видимых усилий, направленных на возвращение полуострова, а в самом Крыму не сформировалось существенного движения протеста против российской аннексии.

² То есть с участием России в качестве стороны.

³ Ibid., and Schultz K. Op. cit.

¹ Schultz K. P. 480.

² Ibid. P. 481.

³ Или соответствующих групп интересов.

способности быстро и не слишком дорого победить — например, в силу многократного технологического превосходства¹.

Но это теоретическое обоснование кажется несколько упрощенным, если принимать во внимание наблюдение Шульца, что демократические лидеры именно в силу высокой степени развития институтов могут быть в меньшей степени чувствительны к негативным результатам войны. В конце концов, при наиболее неблагоприятном развитии событий неудачная или даже проигранная война может стоить должности главе демократического государства. Авторитарный лидер, в том случае, если военная ситуация выйдет из-под контроля, в состоянии урегулировать вопрос своего дальнейшего пребывания у власти все с тем же «узким кругом». Для его смещения у граждан нет институциональных возможностей. Однако если это все же происходит, — например, посредством переворота или революции, — оставшийся без должности авторитарный лидер рискует существенно сильнее демократического лидера. В его ситуации фактически нет пределов последствий лишения поста: он рискует судом, лишением свободы или изгнанием².

На практике это обстоятельство приводит к тому, что внешнеполитическая линия поведения недемократических лидеров, отвечающих положению Миршаймера о рациональности и приоритете сохранности государства, может быть близка к внешнеполитической стратегии демократий³.

Шульц также приходит к выводу, что наивысший риск войны существует в странах молодой демократии — т.е. там, где едва сложившийся политический истеблишмент не чувствует уверенности в своем статусе, а граждане могут иметь довольно расплывчатое представление о своей идентичности и, следовательно, о легитимности власти. В такой ситуации лидеры могут принять решение о вступлении в войну или спровоцировать ее для того, чтобы «легитимировать свое правление»⁴.

¹ См. об этом *Schultz K. P.* 486. А также *Lake D.* *Powerful Pacifists: Democratic States and War*// *American Political Science Review.* 1992. Vol. 86 (1) P. 24–37.

² *Goemans H. E.* *War and Punishment: The Causes of War Termination and the First World War.* Princeton, NJ, Princeton University Press. 2000.

³ Например, современная Белоруссия.

⁴ *Schultz K. P.* 490.

Это довольно ярко подтверждает российско-украинский конфликт. Обе страны все еще находятся в фазе посттоталитарного транзита: хотя обе страны «официально заявлены» как демократии, уровень их институционального развития пока невысок. Число «субъектов права вето», имеющих реальное влияние на процесс принятия решений при возникновении военного конфликта и в России, и на Украине довольно ограничено, зато налицо группы, для которых война является инструментом легитимации.

Кроме того, в России сложилась политическая конструкция, сочетающая признаки олигополии и демократии. Ситуация конфликта пока позволяет российскому лидеру эффективно сокращать свою зависимость от «узкого круга» и в большей степени опираться на поддержку большинства, ситуацией конфликта все еще воодушевленного. Однако очевидно, что это лишь тактическое преимущество лидера, окно возможностей пользования которыми стремительно сокращается по мере роста негативных социальных последствий изоляции страны. Изоляция, в свою очередь, связана с формированием влиятельной коалиции против стороны российско-украинского конфликта, маркированной как агрессор. Политического механизма безопасности, страхующего систему передачи государственной власти на случай дальнейшего развития событий по негативному сценарию не существует. Это означает, что независимо от характера причинных зависимостей, приведших Россию в ситуацию, в которой она находится, существует констелляция объективных и субъективных обстоятельств, содержащая риск политического коллапса.

Хотя Украина, в отличие от России, декларирует стремление ускорить демократический транзит и реформу¹ институтов, ее лидер также находится в рискованной ситуации, в которой его легитимность де-факто привязана к состоянию дел на фронте и к войне как таковой. Нет никаких признаков, которые позволили бы сделать вид, что вооруженные силы Украины в состоянии без посторонней помощи одержать военную победу. Сочетание этих факторов создает ситуацию, в которой война может стать *status quo*, что, в силу ограниченности национальных ресурсов, может привести к коллапсу или государство как таковое, или его действующую администрацию. Новая «внештатная» передача

¹ Правильнее было бы сказать формирование.

власти также не будет способствовать украинской институциональной устойчивости.

Пределы независимости

Анализируя природу событий на востоке Украины в терминах этнической конфликтологии, можно попытаться оценить, является ли ситуация в Донбассе матричной для постсоветского пространства и шире для зон распада больших государств. С точки зрения оборонительного реализма, ситуация распада больших государств со сложным этническим устройством, специфическим образом конвертирует реалистическую дилемму безопасности для внутреннего использования. Группы, безопасность которых в целом обеспечивало исчезнувшее государство, оказываются перед необходимостью самостоятельно искать приемлемый наступательно-оборонительный баланс — и нередко прибегают для этого к превентивной войне, которая начинается как гражданская, а в случае появления и достижения цели сецессии может приобрести черты международного конфликта¹.

Большинство исследователей, — впрочем, как и в случае с «непредвиденным» распадом СССР — сохраняли относительный оптимизм и в связи с возможным русско-украинским конфликтом², и в целом в связи со всей периферией постсоветской России, вплоть до начала 2000-х гг.³. Ситуацию с «военным вовлечением России в конфликт» в Абхазии и Южной Осетии после 2008 г. было принято характеризовать в терминах ирредентизма⁴, т.е. такой разновидности конфликта, когда этническая группа в составе государства, с которым она отказывается себя идентифицировать, предпринимает попытку отделиться от данного государства и или образовать собственное (как, например, Абхазия), или войти в состав другого государства (как на это периодически претендует Южная Осетия). Ирредентист-

ские конфликты характерны наличием страны, которая если и не заявляет о себе сама, то, по крайней мере, воспринимается этническими активистами как своеобразный источник легитимности их проекта.

Ирредентистская схема в целом описывает и ситуацию в Донбассе. Несмотря на стремление украинских политиков и комментаторов отрицать этнический характер происходящего в ряде районов Донецкой и Луганской областей Украины и приписывать эскалацию конфликта в течение последнего полугодия исключительно внешнему воздействию, этно-национальный элемент в этой ситуации присутствует. Если бы местное население устойчиво ассоциировало себя с украинским государством, любая попытка дестабилизировать ситуацию извне сталкивалась бы с трудно преодолимым сопротивлением.

На фоне всплеска гражданской активности в результате событий в Киеве в 2013–2014 гг., способного значительно изменить украинское политическое устройство и базовые украинские представления о природе суверенитета и лояльности, Украина в довоенных границах объективно столкнулась с дефицитом национальной идентичности. Ларс-Эрик Седерман предлагает концептуальную схему, представляющую основные типы политического национализма: сепаратистский, государственный и объединительный¹. Схема строится на базе комбинаций двух (да/нет) возможных комбинаций ответа на два вопроса — об общей нации и общем государстве. Если на оба вопроса следует ответ «да», возникает ситуация государственного национализма, современной гражданской нации как объекта политической лояльности большинства сограждан, возможно, разнообразных по этническому и любому другому составу. Если на оба вопроса следует ответ «нет» — т.е. ни общей нации, ни общего государства, возникает ситуация сецессии, которую на африканских и ближневосточных примерах анализирует в своей монографии Алексис Гераклидес². Возможны и промежуточные ситуации, которые напоминают, что политическое самосознание групп и индивидов, из которых они состоят, подвержено изменениям. Но даже при отсутствии верифицируемых результатов волеизъявления очевидно, что большинство жителей Крыма

¹ Waltz K. Op. cit. after P. 101; Posen. Op. cit. P. 27–33.

² Posen. Op. cit.

³ Например, см. Cederman L.-E. Nationalism and Ethnicity in International Relations // Handbook of International Relations. P. 531–554. Подробнее: King Ch., Melvin N.J. Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia // International Security. 1999–2000. Vol. 24 (3). P. 108–138.

⁴ Cederman L.-E. P. 545–546.

¹ Cederman L.-E. P. 543.

² Heraclides A. Op. cit.

и, по крайней мере, значительное число жителей некоторых районов Луганской и Донецкой областей Украины отвечают на оба вопроса — о чувстве принадлежности к украинской нации и к украинскому государству — отрицательно.

С точки зрения Седермана, сепаратистские конфликты типологически возникают в ситуации дефицита национального самосознания. Обратной ситуации, т.е. такой, когда в результате избытка общего национального самосознания у граждан нескольких государств возникла бы интенция к формированию единой страны, — ни в российско-украинской, ни в какой-либо другой ситуации на постсоветском пространстве за четверть века его существования не возникло, хотя именно так представляли себе ближайшее будущее менеджеры российской суверенизации по отношению к СССР.

Определенными специфическими исключениями являются ситуации в Нагорном Карабахе и в Южной Осетии, жители которых в целом отвечают «да» на вопрос об общем государстве — карабахские армяне с Арменией, а южные осетины с Россией. Карабахцы, по-видимому, отвечают «да» и на вопрос об общей нации, что делает крайне сомнительной перспективу прочного и мирного восстановления азербайджанского суверенитета над Карабахом при условии избежания этнической чистки. Утвердительный ответ южных осетин на вопрос об общей нации вероятен, скорее, в отношении осетин, этническое большинство которых живет в России компактно на территории Северной Осетии. Таким образом, России южные осетины отвечают «да» на вопрос об общем государстве и «нет» на вопрос об общей нации (ее они готовы строить с осетинами Северной Осетии). В соответствии со схемой Седермана, такая промежуточная констелляция рано или поздно приведет или к принятию общей нации, или к новому витку сепаратизма.

В отношении готовности жителей охваченных войной районов Украины присоединиться к России отсутствуют, увы, даже данные, способные обеспечить минимально правдоподобную экстраполяцию. Но в целом нациестроительство как сознательная политическая практика характерно в основном для не-западных стран, таких, где сначала появляется территория, а затем, в случае успеха, — национальное самосознание. Нет оснований считать, что это описание не соответствует ситуации на значительной части постсоветского пространст-

ва¹. Сам факт территориального конфликта на востоке Украины свидетельствует о том, что сформировавшиеся за двадцать пять постсоветских лет национальные идентичности, мягко говоря, не повсеместно совпадают с нанесенными на карту политическими границами.

Исследователи территориальных конфликтов полагают, что ситуации, чреватые гражданской войной, с наибольшей вероятностью возникают в локациях, где есть коммерчески ценные ресурсы и люди, недовольные своим социальным статусом и считающие, что издержки силового перераспределения могут быть приемлемыми². В предыдущей главе речь шла об институциональной слабости постсоветских стран, а в данном разделе — о слабости национальной идентичности и, следовательно, легитимности национальных правительств. В условиях слабого государства такая ситуация может возникнуть практически в любой локации, где есть коммерчески интересные ресурсы, в том числе в России, которая в этническом отношении разделена в существенно большей степени, чем Украина. «Любое место в мире может деградировать до состояния Боснии или Руанды», — замечает Джон Мюллер³. С учетом способности этнических конфликтов к диффузии, даже единственный открытый военный конфликт в Донбассе, представляет собой крайнюю опасность для всех институционально неустойчивых постсоветских стран.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

ВЕРОНИКА ФАДЕЕВА

Отделение международных отношений
и зарубежного регионоведения РГГУ

В середине 1980-х гг. в рамках дисциплины «Теория международных отношений» состоялись большие дебаты, в ходе

¹ См., например, комплекс социологических данных исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян». М: Институт социологии РАН, 2011.

² *Cederman L.-E.* Op. cit. P. 536–537.

³ *Mueller J.* The Banality of Ethnic War // *International Security*. 2000. Vol. 25. P. 68.

которых много внимания уделялось постколониальному дискурсу, а также проблеме «Другого». Это было вызвано тем, что страны, недавно освободившиеся от колониальной зависимости, стремились влиться в мировую политику и наладить политико-экономические отношения с другими государствами. Для общения с бывшими метрополиями им следовало избавиться от клейма «Другого», что зачастую означало принятие в том или ином виде западной идентичности.

Особое место в дискуссиях занимали проблема «угнетенных» в международных отношениях и роль не-западных интеллектуалов, представителей низших классов, меньшинств в мировой политике. «Субальтерные» всегда воспринимались как «Другие», и, безусловно, это происходило не по их воле. Таковыми их делали «угнетатели»: колонизаторы, мужья, представители высших классов. Но кто такой «Другой»? «Другой» — это не «Я», не такой, как «Я». Восприятие «Других» имеет множество вариаций, чему ниже будет уделено внимание.

Как уже говорилось, «угнетенные» всегда становятся «Другими», а это значит, что колонии, которыми в свое время владели многие европейские страны, становились «Другими» в меру своего подчиненного положения. Более того, они становились таковыми в силу своей непохожести. Как известно, колониальные империи пали, однако проблемы дисгармонии в отношениях между бывшими метрополиями и колониями остаются неразрешенными, на этой почве и возникли постколониальные исследования.

Постколониализм — это интеллектуальный дискурс, который состоит из анализа и реакций на наследие колониального прошлого. Многие исследователи, особенно не-западные, прибегая к данной парадигме, пытаются отойти от европоцентристских предпосылок, например, Эдвард Саид, Гаятри Спивак, Франс Фанон, Али Мазури и др.¹ Все они так или иначе развивали идеи Мишеля Фуко.

Как пишет Ивэр Нойманн, работа Эдварда Саида об ориентализме наглядно показывала отношения Запада и Востока как «Я/Другой». Кроме того, она была настолько успешной, что «само слово “ориенталист” стало стандартным обвинением против тех,

кто недооценивает роль представлений о «Востоке» в формировании представлений о «Западе»¹.

В настоящей работе мы рассмотрим, каким образом в постколониальных исследованиях осмысляются отношения между «угнетенными» и «угнетателями». Актуальность данной проблемы обуславливается тем, что в настоящее время «угнетенные» пытаются говорить, но не через интеллектуала, т.е. посредника, а собственными голосами. Они хотят быть услышанными всеми, в том числе западным обществом, однако зачастую их голос остается нераспознанным.

«Другой» в мировой политике

Становление идентичности происходит в ходе взаимодействия индивида с социумом. В рамках такого взаимодействия формируется самоидентификация, базирующаяся на представлениях о том, кто есть «Я» и кто является «Другим». Аналогичная ситуация возникает во взаимоотношениях различных социальных групп друг с другом. Каждая из них ощущает себя как полноценное «Я» («Мы»), а те, с которыми она взаимодействует тем или иным образом, определяются как «Другие».

В качестве одного из примеров можно привести процессы интеграции в Европе, результатом которых стала возможность для многонационального сообщества идентифицировать себя как «Я». Однако это сразу же натывается на такую преграду, как «Я» в контексте нации, что служит возникновению таких вариантов интеграции, как «Европа отечество» или «Европа как отечество». Процесс интеграции затрудняется тем, что Старый свет никогда не был единым государством, хотя в некоторых ситуациях ощущает и позиционирует себя как «Я» на международной арене. Более того, замысел «Соединенных штатов Европы» обречен на неудачу в силу того, что страны (которые независимо от интеграции видят себя как «Я») в первую очередь преследуют свои собственные интересы и не желают терять своей идентичности. Кроме того, они все еще воспринимают соседей в качестве «Других».

¹ African Journal of Political Science and International Relations Vol. 3 (1). January 2009. P. 28.

¹ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М: Новое издательство, 2004. С. 43.

В своей работе «Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей» Ивэр Нойманн пишет, что Гегель «сформулировал мысль о том, что посредством познания “Другого” “Я” получает возможность признавать и одновременно конституироваться как “Я”»¹. Очевидно, что «Другой» начинается по ту сторону границы «Я». Из этого следует, что выявление демаркационной линии можно назвать отправной точкой в изучении отношений «Я/Другой»².

Маркером границ коллективной идентичности может выступать гендер, класс, религия и т.д. Однако стоит обратить особое внимание на проблему языка. Именно он выступает главенствующим маркером этнических границ, если брать за основу идею наций³. За счет языка одни коллективы отгораживают себя от других. Проиллюстрируем этот тезис на примере Каталонии. Испанский язык с каталанским имеет минимальный набор различий, который заключается в основном в произношении слов, однако это не мешает последнему считаться отдельным языком. Более того, в данном регионе местное население показательно говорит исключительно на каталанском, тем самым подчеркивая свою самобытность⁴. Из этого можно сделать вывод, что лингвистические различия неразрывно связаны с политической идентичностью.

Наряду со стремлением наций к утверждению собственной идентичности и преследованию собственных интересов, мы наблюдаем и процессы глобализации, результатом которых становится превалирование западной концепции личности, оказывающей существенное влияние на мировую политику. Это следствие того, что в XVI — XVIII вв. в рамках процессов колонизации развивалась идея об уникальности европейцев, их превосходстве над другими народами. В это время происходило переосмысление границ между Европой и всем остальным миром, иными словами на Западе формировались представления о «Я» и «Другом»⁵. Исходя из своей исключительности, европейцы

активно насаждали поработенным народам свои идеалы, религию, ценности, а также модель поведения. Это объясняется тягой «Я» к ассимиляции «Других», так как с себе подобными вести дела куда проще, нежели с теми, кто разительно отличается.

Добавим, что деятельность метрополий обуславливалась не только выгодой. Европейцы в силу своей «особости» возложили на себя роль «мессии» и приняли ответственность за колонии, т.е. за тех, кого считали «Другими». Как нельзя кстати подходит цитата Левинаса об Израиле, приведенная в качестве примера Ивэром Нойманном в вышеупомянутой работе: «Эта странная и неудобная привилегия, особое неравенство, которое накладывает обязательства по отношению к «Другим», причем такие же обязательства в ответ с «Другого» не спрашиваются. К этому, без сомнения, приводит сознание избранности»¹.

«Другой» не всегда бывает слабым, но он чаще всего играет отрицательную роль. Если взглянуть на процесс колонизации со стороны покоренных народов, то «Другой» для них — это метрополии, которые насаждают свои взгляды и ценности. В то же время «Другой» может быть равным по силе, но тогда он скорее будет рассматриваться уже как «враг». В качестве примера можно привести конфронтацию между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом во время холодной войны. Оба государства активно занимались демонизацией образов друга и пропагандой своего строя в мире и среди собственного населения.

Что касается внутренних «Других», людей питавших симпатию к противоборствующему лагерю, то к ним применялись жесткие карательные меры. Стоит вспомнить «охоту на ведьм» в США 1950-х гг. или же сталинские репрессии 1930–1950-х гг. «Других» может быть много, к тому же самых разных. Но чаще всего с этим образом ассоциируется именно Восток.

Несмотря на то что империи пали, авторитетный образ западной концепции «Я» существует до сих пор. Подпитка иррациональности и инаковости восточного человека посредством различных культурных источников только укрепляет его. Если раньше на Востоке господствовали такие страны, как Англия и Франция, то теперь к ним присоединились Соединенные Штаты

¹ Нойманн И. Указ. соч. С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ Борзяков С. Хватит кормить Мадрид // Взгляд. Деловая газета. 2014, апрель. <http://tvz.ru/world/2014/4/10/681266.html>

⁵ Pagden A. The Idea of Europe // From the Antiquity to the European Union. P. 51. <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam031/2001025960.pdf>

¹ Нойманн И. Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. С. 48.

Америки¹. Вследствие их влияния ускорились процессы глобализации и демократизации в мире и на Востоке, в частности.

Однако «Восток» — понятие растяжимое. Эдвард Саид в своей работе «Ориентализм. Западные концепции Востока» разделил его на «Ближний» (исламский мир) и «Дальний» (Индия, Китай, Япония и др.), так как опыт «покорения» этих регионов был у западных держав относительно разный². Сделано это, вероятнее всего, для упрощения изучения Востока, его идентичностей и прочего, ведь данная часть света очень обширная и многогранная.

Отметим, что некоторые государства «Востока», которые ранее считались отсталыми, за последние десятилетия сделали большой рывок вперед в вопросах модернизации и интеграции в мировое сообщество. От этого к ним не перестали относиться как к «Другим», однако теперь западные страны общаются с ними на равных. Многим государствам Ближнего Востока сделать этого не удалось в силу того, что их традиции не соответствуют идеалам стран Запада, т.е. последние считают устои арабского мира варварскими и «несвободными», следовательно, опасными (для самого Запада). Это является одним из условий пропаганды демократии Соединенными Штатами Америки на Ближнем Востоке.

Постколониализм

Выше уже было упомянуто, что в мире доминирует западная идентичность, ее ценности, культура, вера и т.д. Подобная ситуация сохраняется и в научном мире. Работы западных ученых обычно котируются гораздо выше, чем не-западных, результаты их исследований, считаясь универсальными, используются во всех остальных частях света без учета местных особенностей³. Такое явление именуется европоцентризмом или западоцентризмом.

Европейские, в особенности английские и французские, исследователи заложили основу в изучении колониального,

а позднее постколониального мира, в том числе и Востока¹. В результате за восточным человеком закрепились различного рода клише, проявляющиеся как в литературных, так и в научных текстах. Но не стоит забывать, что Европа испокон веков рассматривала Восток с позиции силы и поэтому имела не самую точную информацию о нем. Тем самым Запад собственноручно создавал образ Востока, делая его «Другим», т.е. придавая иррациональные черты, не свойственные европейцам². Однако процессы глобализации меняют мышление людей, и старые устои восприятия и репрезентации становятся неактуальными.

Постколониальные исследования в теории международных отношений появились на момент дебатов в 1980-х гг. Это было одно из направлений, нацеленных на критику традиционных позитивистских и рационалистических теорий (реализма и либерализма), в том числе за их европоцентризм. В них была заложена идея переосмысления исторического опыта и знаний. Постколониальные теории возникли в качестве особой формы высказывания не-западных ученых. В них выявлялись стереотипы, навязанные империализмом и колониализмом, в восприятии стран третьего мира.

Постколониальный дискурс был нацелен на критику европоцентризма в представлениях о неевропейских, в том числе восточных культурах, которые ранее считались «неправильными». В возникшей в 1990–2000-е гг. новой интернациональной истории, ставшей одним из следствий процесса глобализации, бывшие колонии обрели черты «субъектности» и «нормальности»³. Теоретики данного направления указывали на отсутствие адекватных институтов, через которые мог бы осуществляться диалог между бывшими метрополиями и колониями⁴.

Нет сомнений в том, что Запад не желает утрачивать свои лидирующие позиции, однако некогда поработанные народы тоже не хотят мириться со своим положением и оставаться в подчинении. Именно поэтому постколониальный дискурс

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 32.

² Там же. С. 62.

³ Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 33.

⁴ Mishra V. What Was Postcolonialism? // New Literary History. 2005. Vol. 36. No. 3. P. 387.

получил большой отклик. Старые идеи восприятия Востока, т.е. с позиции силы, вступают в конфронтацию с новыми, возникшими среди угнетенных сообществ, интеллектуалов и ученых¹.

Рассматривая историю современной Индии, Гайятри Спивак демонстрирует, что представители индийской элиты не могли представлять интересы своей нации. В лучшем случае они выступали в роли «информантов для интеллектуалов “первого мира”, интересующихся голосом “Другого”»². Колониальные интеллектуалы всегда занимали маргинальное положение в западном обществе, так как последнему было невыгодно, чтобы его рассматривали в негативном контексте, ведь тогда могли быть утрачены лидирующие позиции в мировой политике. Однако с появлением постколониальных исследований ситуация меняется. Первой значимой фигурой в этом смысле представляется Эдвард Саид, который «стремился вернуть угнетенному право на субъектность и выстраивал для этого антиколониальный дискурс, в котором угнетатель и ориенталист рисовались фигурами, заведомо негативно окрашенными»³.

Но кто такой «угнетенный» в колониальном и постколониальном мире? Согласно работе Гайятри Спивак «Могут ли угнетенные говорить?», угнетается местная элита, т.е. региональная, которая стоит между народом и доминирующими группами⁴. Такая точка зрения объясняется тем, что низшие классы находились в подчинении и до начала колониальной экспансии, а высших, тех, что стоят на национальном уровне, колонизаторы старались обеспечить и властью, и богатством, чтобы они не допустили возникновения сопротивления.

Характерной чертой постколониальных исследований 1980-х гг. стало смещение акцента с регионального контекста на глобальный⁵. В настоящее время постколониальный дискурс не утратил своих позиций. Однако если не-западным исследователям на эту тему рассуждать достаточно легко, и они делают это глядя на проблему со стороны угнетенных, то западным это весьма

затруднительно, так как они чувствуют неловкость в принятии подобной оптики.

ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС

Помимо классового и расового, гендерный вопрос является одним из самых острых в современном обществе. Стоит заметить, что, когда в ранее подчиненных странах набирал обороты рост самосознания в силу падения колониальных империй, это непосредственно коснулось и женщин, включая восточных. У последних произошло переосмысление собственной идентичности на фоне постколониализма и глобализации. Однако такого объяснения недостаточно, и чтобы лучше понять причины становления гендерной самоидентификации, необходимо обратиться к истории. До второй половины XX в. в мире господствовал патриархальный строй, в том числе и в мировой политике, где роль «главы», т.е. «мужчины» отводилась метрополиям, а «женщины» — колониям.

Стоит напомнить, что даже на «просвещенном» Западе женщины испокон веков находились в числе угнетенных и не имели почти никаких прав и тем более не могли встать на одну ступень с мужчинами. Такое положение оправдывалось христианской религией, тем, что женщины по своей сути греховны с самого рождения в силу того, что Ева первая поддалась искушению змея в саду Эдема. Из этого следует, что в западном обществе женщина воспринималась как «Другой», а, как известно, последнего обычно стараются поработить. Кроме того, образ Востока в то время ассоциировался с женщиной, даже скорее с «наложницей» в гареме, которая не имела права представлять свои интересы, а Запад благородно брал на себя эту ответственность¹.

Восток, как уже говорилось ранее, воспринимался европейцами как иррациональный, а следовательно, неполноценный. У Гайятри Спивак присутствует наглядный пример невозможности угнетенных «говорить». Она рассказывает историю молодой индийской девушки по имени Бхуванешвари Бхадури. Будучи членом вооруженной группы, боровшейся за независимость Индии, она совершила «политическое» самоубийство, и чтобы мотивы ее не были истолкованы неверно, она дождалась

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 538.

² Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? Reflections on the history of an idea / ed. by R. C. Morris. N.Y.: Columbia University Press, 2010. P. 25.

³ Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс. С. 36.

⁴ Spivak G. C. Op. cit. P. 26.

⁵ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 541.

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 630.

менструации, которая одновременно исключала возможность порочной связи и противоречила традиционному способу женского самоубийства (сати). Этот поступок противоречил канонам индийского общества. Невозможность быть услышанной стала условием самоубийства Бхуваншвари¹.

Если женщины на Западе начали бороться за свои права еще с конца XVIII в., то с Востоком дела обстояли куда сложнее. Только за счет процесса глобализации гендерный вопрос обрел актуальность. В 1960–1980-х гг. он вылился во вторую волну феминизма. В то время набирала обороты миграция рабочей силы в Европу и США. Несомненно, это повлияло и на восприятие собственной идентичности людей, которые «подвергались колонизации, порабощению или угнетению» ранее, поэтому случилась «настолько серьезная революция в сознании женщин, представителей различных меньшинств и маргиналов, что она затронула и господствующую тенденцию мышления по всему миру»².

Многие восточные женщины сейчас активно способствуют либерализации, так как не желают мириться со своим подчиненным положением в рамках семьи, страны, мире. Так, например, в Европе они сотрудничают с организациями гражданского общества, противостоящими психологическому и физическому насилию в семье, а также выступают с требованиями получения права репрезентации себя, хотят решать свою судьбу самостоятельно³. Без постколониального контекста им не удалось бы этого сделать. Именно благодаря развитию постколониального типа критического мышления женщины и другие субальтерные «смогли говорить» или, во всяком случае, начали предпринимать попытки сделать это.

В данной работе была рассмотрена проблема «Другого», касающаяся не только отдельно взятых индивидов, но и больших социальных групп, а точнее, наций и регионов. Образы «Другого» укоренены в человеческом подсознании. Более того, миро-

вая политика занимается тем, что постоянно создает «Других», и этот факт невозможно игнорировать. Постколониальные страны хоть и пытаются избавиться от образа, когда-то навязанного Западом, пока не добились большого успеха на этом поприще. Ведь до сих пор они в основном являются странами второго и третьего эшелона, т.е. не могут встать на одну ступень с бывшими империями и говорить с ними на равных.

Данная проблема — одна из ключевых в постколониальных исследованиях, чьи представители пытаются отойти от устоев европоцентризма и уменьшить влияние западной идентичности на не-западные. Некоторые постколониальные теоретики считают, что модернизм, являясь наследником империализма и колониализма, представляет собой часть западного колониального проекта господства, что, безусловно, не устраивает страны, которые приобрели независимость во второй половине XX в.¹

В любом случае, даже если процессы глобализации связаны с европоцентризмом, современное западное общество не может игнорировать голоса «Других» с Востока или иных частей света. Процессы, которые были запущены еще в XX в., сейчас не теряют своей актуальности, напротив, набирают все большую силу. В настоящее время люди, которые раньше принадлежали ко «второму сорту», все активнее выступают за предоставление им прав и свобод. В том числе это делают и женщины, которые начали бороться за право самостоятельно представлять свои интересы. Особенно это чувствуется в странах, находящихся ближе всего к Европе и наиболее активно контактирующих с ней. Таким образом, проблемы, рассматриваемые теоретиками постколониальных исследований, остаются весьма актуальными в международной политике.

¹ Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб.: ХЦГИ, 2001. С. 665.

² Там же. С. 538.

³ Малахов В. Грозит ли Европе исламизация? // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). <http://www.strana-oz.ru/2013/1/grozit-li-evrope-islamizaciya>

¹ African Journal of Political Science and International. P. 29.

МЕНЕДЖМЕНТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Теория демократической школы и перспективы ее реализации в условиях современной России

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ПРОЕКТ И РЕАЛЬНОСТЬ

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА
МБОУ СОШ № 24 (Нижний Новгород),
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Кажется, все то время, что отделяет нас от эпохи Перестройки, система образования в России находится в состоянии постоянной реформы. Советская модель подверглась критике как не соответствующая требованиям XXI в., и была поставлена задача провести преобразования, нацеленные на то, чтобы Россия вошла в мировое образовательное пространство, переняла последние прогрессивные идеи и методики.

Сегодня отечественная массовая школа в рамках политики модернизации образования находится на этапе поиска новых моделей организации учебно-воспитательного процесса, призванных обеспечить подготовку подрастающего поколения к жизни в условиях гражданского общества и демократического государства. Среди главных задач названы поддержание и развитие индивидуальности каждого ребенка, создание условий для его самореализации и овладения навыками самоопределения в окружающей действительности, обучение подростков эффективному взаимодействию и сотрудничеству с другими людьми. Иными словами, школа должна ставить целью воспитание активной, творческой личности, способной ориентироваться в современных реалиях постоянно меняющегося мира без угрозы потеряться в его многообразии. Об этом пишут в обра-

зовательных стандартах и пояснительных записках к рабочим программам по предметам, говорят с телеэкранов. Все чаще среди прочих звучит идея о необходимости создания в России «демократической школы», в рамках которой дети получат возможность самостоятельно выбирать, какие именно предметы они хотят изучать, участвовать в управлении школой, быть оцениваемыми не по общей шкале отметок, но исключительно индивидуально, и, наконец, активно взаимодействовать в рамках разновозрастных групп.

Безусловно, речь не идет о единовременной реализации всех выше перечисленных принципов, но в настоящее время имеют место попытки привить их в рамках существующей системы образования, что неминуемо влечет перемены. Так, все чаще звучат идеи о необходимости развивать у детей критическое мышление, без которого невозможно существовать в демократическом обществе, где на первое место выходит способность и готовность оценивать ситуацию критически. Мы живем в информационную эру, которая требует постоянного совершенствования навыков мышления.

Я не ставлю целью теоретическое осмысление концепции «демократической школы» от ее истоков до настоящего момента, равно как и подвергнуть анализу вопросы о развитии критического мышления у учащихся. Я хочу поделиться своими наблюдениями за процессами, которые происходят в школе сегодня на волне реформ и новаций, с позиции учителя.

В настоящее время инициатива реализации принципов «демократической школы» исходит «снизу» от самих образовательных учреждений, и большую роль в этом отношении играет позиция руководителя школы, его мировоззрение и интересы. Школа, в которой я являюсь учителем истории и обществознания, в Нижнем Новгороде имеет неофициальное название «Школа диалога», и ее символ — ребенок и взрослый, идущие вместе. Действительно, комфортное сосуществование и творческое взаимодействие учителя и ученика невозможно без установления диалога на равных. Эти идеи мы пытаемся реализовывать не только в рамках уроков, но и во внеурочной деятельности, при организации учебных и социальных проектов, выходящих за рамки школьной программы. Конечно, о свободном выборе предметов речь не идет, однако сделаны уверенные шаги в направлении организации факультативных занятий и кружков.

Особого внимания заслуживает проект «Смарт-классы», стартовавший в 2013–2014 гг. В его рамках старшеклассники, согласно своим потребностям, из вариативного компонента учебного плана могут выбирать те предметы, которые им хотелось бы изучать на профильном уровне, формируя тем самым свою индивидуальную образовательную траекторию. Данный проект основан на сотрудничестве школы с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде. Учащиеся совместно с преподавателями ВШЭ работают над проектами и самостоятельно посещают специальные занятия в вузе в течение учебного года. Такая форма взаимодействия не только развивает навыки работы в выбранной предметной области, но и позволяет учащимся почувствовать себя полноправными субъектами образовательного процесса.

Инициатива «снизу», безусловно, является важным импульсом к демократическим преобразованиям «вверх», потому что любая директива «сверху», как правило, оторвана от реалий школы. Однако противоречия и трудности российского образования усугубляются недостаточным финансированием школы, чрезмерным административным контролем, отсутствием внятных образовательных стандартов. Нет смысла говорить о недостаточности часов на изучение истории в школе, хотя едва ли не на каждом шагу говорят о необходимости воспитания патриотов страны. О чем может идти речь, если в лучшем случае изучение Великой Отечественной войны занимает 6 часов, а всего курса Истории России XX в. — 34 часа?

Важным аспектом «демократической школы» является деятельность по развитию у детей и подростков критического мышления. Однако сами условия «демократической школы» предъявляют высокие требования к личности учителя, который должен обладать всеми необходимыми навыками. Безусловно, никто не отменяет самообразование и самоподготовку, и наше развитие зависит только от нас самих, однако переучиваться всегда труднее, чем учиться чему-то заново. Я говорю о консерватизме педагогического образования и, как следствие, отсутствии квалифицированных кадров, способных воспринимать новшества. Мне, как молодому специалисту, прошедшему курс педагогики в университете, пересказ преподавателем идей светил педагогической мысли советской школы не оказал никакой помощи при работе. Меня учили идеям в отрыве от того, как их можно реа-

лизовать на практике, чтобы быть актуальной и интересной для учеников. Решение этих проблем находится в руках самих учителей путем организации семинаров и мастер-классов, что служит еще одним проявлением демократического образования. Уча, мы сами учимся, иначе невозможно научить учиться наших детей.

Пеппи Длинныйчулок, как известно, отказывалась посещать школу, потому что, по ее мнению, обладала всеми необходимыми ей знаниями. Что ж, никто и не считает ее экспертом в области образования. Однако ей принадлежат замечательные слова о том, что можно научиться летать. «Я просто уверена, что можно научиться летать. Конечно, шлепнуться на землю не сладко, но ведь не обязательно начинать сразу с большой высоты». Мне кажется, они очень подходят для того, чтобы проиллюстрировать мое отношение к современной ситуации в школе. Многие считают, что идеи «демократической школы» в нашей стране не могут быть реализованы в силу ряда причин, от собственно государственной политики и идеологизации образования (хотя, если разобраться, в каком государстве школа свободна от этих требований?) до особенностей русского менталитета. Мне кажется, что нам и не следует перенимать ничей опыт в неизменном виде, но это не значит, что мы не должны идти в ногу со временем. Не мы выбираем времена, а время диктует нам свои условия.

Между высокой миссией и социальным заказом: насколько «демократичны» взгляды современных российских учителей?

ДАРЬЯ МАЛЬЦЕВА

НИКИТА КРЫЛЬНИКОВ

Исследовательская группа ЦИРКОН
Московская высшая школа социальных и экономических наук

Теория демократической школы зародилась еще в начале XX в., но насколько к реализации данной модели на практике готова корпорация российских учителей? Как концепция демократического образования соотносится с представлениями рядового педагога о себе и своих задачах, и возможна ли в принципе демократическая школа в России? Различные исследования

педагогического сообщества могут по-разному отвечать на эти вопросы, но все они одинаково важны с точки зрения возможности услышать голос тех, на чью долю выпал нелегкий и ответственный труд педагога, и понять, каковы их повседневные проблемы и заботы.

Целью исследования «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии» было выявление типичных представлений учителей средних общеобразовательных школ относительно их профессиональной идентичности и социальной роли, а также привлечение внимания широкой общественности к важным вопросам, касающимся будущего школьного образования в России.

Исследование, основной этап которого проходил в период с 25 по 30 сентября 2014 г., проводилось в формате публичной акции, получившей название «Первого социологического флешмоба». Суть акции заключалась в том, чтобы за счет использования сетей профессионального сообщества социологов и социально активных граждан реализовать масштабную публичную опросную процедуру в формате разового «коллективного действия»¹. Согласно процедуре исследования² в определенный период времени в разных частях страны все участники флешмоба самостоятельно опрашивали 1–2 респондентов в стиле короткого, но доверительного интервью (5–6 «жизненных» открытых вопросов), конспективно фиксируя их ответы, затем полученные данные передавались Исследовательской группе ЦИРКОН для анализа. Для разработки инструментария исследования также были задействованы техники краудсорсинга: в обсуждении формулировок и выборе вопросов «о жизни и профессии», адресуемых учителям, могли принять участие все, кто проявил интерес к проекту.

В результате распространения информации о проекте 280 человек изъявили желание принять в нем участие, зарегистрировавшись на специально созданном онлайн-ресурсе. В итоге

активными волонтерами флешмоба стали 140 человек, которые провели 257 интервью с учителями из 40 регионов Российской Федерации. Данная процедура была дополнена сбором данных через сеть региональных партнеров ЦИРКОНа при поддержке Фонда «Национальные ресурсы образования» в период с 1 по 7 октября 2014 г., в ходе которого было собрано еще 94 интервью из неохваченных флешмобом 7 регионов страны. Итоговая выборочная совокупность исследования составила 351 респондент из 47 регионов всех федеральных округов России.

По итогам обсуждений в инструментарий исследования вошли вопросы о факторах выбора профессии, о главной задаче учителя, о будущем профессии педагога, об удовлетворенности профессией, о ее социальном престиже и о гипотетическом письме министру образования¹. Кроме того, интервьюерами — участниками флешмоба также фиксировались данные по полу, возрасту, населенному пункту, типу образования, педагогическому стажу, типу школы, преподаваемым предметам и степени своего знакомства с респондентом-учителем.

После сбора данных из числа заинтересованных участников проекта была сформирована рабочая группа по анализу «открытых» вопросов под организационным и методическим руководством Исследовательской группы ЦИРКОН, в которую вошли сотрудники Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского городского психолого-педагогического университета, Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, Калининградской социологической службы и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Обработка «закрытых» вопросов, а также подготовка общего аналитического резюме по результатам исследования осуществлялась сотрудниками Исследовательской группы ЦИРКОН. Итоговые результаты исследования², а также

¹ Подробнее о практике исследовательских открытых коллаборативных проектов см.: *Задорин И.В.* Профессиональное проектное сотрудничество в среде социологов. Эссе об одном эксперименте // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 153–165.

² Материалы первого социологического флешмоба «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии». Сценарий проведения социологического флешмоба. <http://www.sociologos.ru/>

¹ Материалы первого социологического флешмоба «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии». Гайд-анкета социологического флешмоба. <http://www.sociologos.ru/>

² Материалы первого социологического флешмоба «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии». Презентация по результатам первого социологического флешмоба. <http://www.sociologos.ru/>

весь полученный массив данных¹ и другие материалы были опубликованы на портале российской прикладной социологии — Социологос (www.sociologos.ru).

Полученные данные, наряду с фиксацией ряда ожидаемых результатов (89% опрошенных — женщины, столько же имеют педагогическое образование, лишь менее трети — моложе 35 лет, 75% проработали в школе больше 10 лет, в том числе 40% из них — больше 25 лет), подтверждающих расхожий образ учителя как дамы предпенсионного возраста, всю жизнь проработавшей в школе, позволяют говорить и об определенной гетерогенности педагогического сообщества с точки зрения карьерных и жизненных траекторий и установок. Так, 30% респондентов отмечают, что они стали учителем, так как это было их мечтой и призванием всей жизни, но у почти одной пятой не было иного выбора, 55% опрошенных учителей удовлетворены своим выбором профессии, однако 42% приходили мысли о ее смене. Что касается статуса педагога в современной России, то и на этот счет у учительского сообщества наблюдается самый широкий спектр мнений: при предложении расположить профессию учителя на условной «лестнице социального престижа» 21% респондентов поставили ее на самые нижние ее ступени, 19% — на самые верхние, а 27% — примерно посередине.

Педагоги могут по-разному определять и свою роль и задачи. В целом можно говорить о некоем широком континууме возможных трактовок учителем своей роли, на одном конце которого будет признание за ним только узкой, утилитарной образовательной функции («Учить — это значит передавать детям умения и навыки, которыми я владею сама в предметной области. Я не считаю, что учитель должен влезать в личную жизнь ребенка»), а на другом — более широкой (условно — воспитательной), связанной с развитием личности, часто даже без упоминания трансляции знаний («Главное в профессии учителя — воспитание»). Первую функцию в той или иной форме выделило 52% респондентов, а вторую — более 70%, но, возможно, более интересны даже не проценты, а конкретные формулировки и фразы: это и метафора наставничества (учитель как «друг», «товарищ», «проводник», «помощник», «наставник», «советник»,

«переводчик» — 19% респондентов), и воспитание достойного члена общества, гражданина и патриота своей страны (11%), и подготовка к дальнейшей, будущей жизни в целом («научить детей жизни», «чтоб ему в жизни было легко» — 16%). Очень часто (около трети учителей) встречалось и раскрытие роли учителя через требования к совокупности его качеств, в том числе таких как: 1) любовь к детям, внимание, забота о них («быть учителем — это любить детей»), 2) тема ответственности («считаю свою работу максимально ответственной»), 3) учитель как человек, который сам учится («постоянно учиться самой»), 4) учитель как эталон, пример (очень часто — «быть примером во всем»), 5) учитель как призвание, смысл жизни («это не профессия, а состояние души»).

Вместе с тем, при всей вариативности возможных определений задач учителя, чаще всего на уровне лексических конструкций дети в них представляли в виде объекта некоего одностороннего, однонаправленного воздействия со стороны учителя (пускай даже и самого благого!). Чаще всего формулировка задачи учителя шла в виде составного сказуемого («передать детям знания, «сделать нашу молодежь эрудированной, грамотной», «я люблю язык и хочу, чтобы его любили другие», «поддерживать в детях все доброе и гасить (sic!) все мерзкое», «заставить (!) детей критически осмысливать действительность», «убедить, что...»). Также можно выделить различные «органицистско-природно-растительные метафоры» (привить детям то-то и то-то, направить их в нужное русло, вырастить такими-то и т.п.). Суждений же, в которых дети выступали бы субъектом, а не объектом действия, было совсем немного.

Наверное, было бы неправомерно только лишь на основании данного анализа говорить о распространенности авторитарно-патерналистских настроений среди учительского сообщества России, но, тем не менее, он порождает ряд сомнений в возможности реализации концепта демократической школы в нашей стране в ближайшей перспективе.

¹ Материалы первого социологического флешмоба «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии». Массив данных. <http://www.sociologos.ru/>

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ В ДЕЙСТВИИ

РУСЛАН СЕЛЕЦКИЙ

Санкт-Петербургская школа социальных
и гуманитарных наук НИУ ВШЭ

В современной России происходит переход к гражданскому обществу, однако порой у молодого поколения отсутствует необходимый опыт демократии¹. Возможным источником для приобретения такого опыта мог бы стать такой институт социализации, как школа. В начале XX в. в США уклад жизни организованных демократическим способом школ отражал заявленные демократические цели, а сама школа являлась «лабораторией по *практическому* обучению демократии»². Результатом обучения в таких школах становилось формирование демократического гражданина через школьное самоуправление и постоянное взаимодействие педагогов, школьников и методистов³.

Исследование «Демократические перемены в школе», проведенное в 2001 г. в Санкт-Петербурге, показало, что первыми шагами по демократизации могут быть делегирование ряда полномочий в сфере профессиональной деятельности директорами педагогам, а также создание профессиональных педагогических объединений внутри школы⁴. Делегирование полномочий создает условия для коллективного обсуждения, формулирования позиций отдельных групп, продвигающих новые идеи и практики. Уклад жизни в школе оказался наиболее восприимчивым к таким изменениям: делегирование полномочий позволило создать в школе атмосферу свободы и защищенности ее субъектов, а также способствовало интеграции школьного коллектива, позволяя родителям и педагогам взаимодействовать, ощутить

поддержку друг друга. Однако родители, принимая участие в жизни школы, все-таки ограниченно вовлечены в школьную учебную деятельность, а если и вовлечены, то так, как это требуется школе: это чаще всего решение вопросов финансирования и снабжения школы, а не задачи образовательного процесса¹. Таким образом, хотя в системе российского школьного образования произошли определенные демократические перемены, однако в ней осталось много традиционно «советского» (невозможность учеников влиять на формирование своего индивидуального учебного плана или на организацию образовательного процесса в целом).

В педагогических университетах и институтах повышения квалификации педагогов не учат принципам, которые бы помогли сделать образование более демократическим². Действительно, быстро перейти от советской «авторитарной» педагогики к демократическому «соуправлению» в школьном образовании проблематично, хотя бы потому, что управление «снизу» является более сложным механизмом организации, чем управление «сверху». Таким образом, трудности установления демократического уклада жизни в школе сходны с теми, что свойственны процессу демократизации политических и экономических институтов. Однако если не создать демократический уклад в школах, нельзя ожидать, что демократизация других институтов «зрелого общества» будет успешна, нам не получится создать гражданское общество, способное справляться со сложными дилеммами, такими как «учет мнения меньшинства», «конкурентное преимущество» и др.³

В поиске ответа на вопрос о перспективах массовой реализации демократического школьного образования в условиях современной России я рассматриваю проблему централизованного навязывания стандартов и ее влияние на разнообразие школьных образовательных программ, а также на свободу выбора школ при составлении учебных планов. Попытки демократизации вступают в конфликт с бюрократическими методами,

¹ Новые ценности образования // Демократическая школа Александра Тубельского. 2012. №1 (49) С. 170.

² Dewey J. *Schools of Tomorrow*. Boston: D. C. Heath, 1906.

³ Wood G. H. *Schooling in a Democracy: Transformation or Reproduction?* // *Educational Theory*. 1984. Vol. 34. No. 3. P. 219–239.

⁴ Smirnova E., Smotrina T. *Democratic changes in the Schools* // *Russian Education & Society*. 2002. Vol. 44. No. 9. P. 6–18.

¹ Ibid.

² Zhelezniakova S. *The Sociocultural Orientation of School teachers* // *Russian Education & Society*. 2002. Vol. 44. No. 9. P. 33.

³ Scharf P. *Moral Development and Democratic Schooling* // *Theory Into Practice*. 1977. Vol. 16. No. 2. P. 89–96.

существующими в таких сложных социальных организациях, как школа, с ее строгим распределением социальных ролей и делением по предметным областям, создающими препятствия для любой попытки поделиться властью со школьникам¹.

Многие зарубежные исследователи рассматривают «скрытый учебный план» как механизм воспроизводства и поддержания школьного уклада². При рассмотрении школьных образовательных программ Международного бакалавриата (IB schools) и М. Монтессори можно заметить, что стиль отношений (практики коммуникации), ценности и цели школы, а также устройство учебного процесса закреплены в формальном учебном плане и отражены в «реальном» укладе жизни школы³. «Скрытое содержание» является латентным, не описанным и не закрепленным в формальном учебном плане⁴. Работа по выявлению скрытого учебного плана может стать полезной для получения ответа на вопрос: «Каким новым навыкам и компетенциям следует обучать школьников в условиях постиндустриального общества?».

Обучение анализу «скрытого содержания»⁵ образовательного процесса в педагогических вузах рассматривается мной как важный аспект при реализации демократического уклада жизни в школах. Будущих учителей необходимо научить «видеть скрытое содержание», а также изменять его с целью успешного создания демократического уклада жизни в школьной среде.

Педагоги и школьники равны как граждане школы с равными правами. Такое равенство достигается созданием детско-взрослых органов управления, а также закреплением практик коммуникаций в формальном учебном плане. Демократическое принятие решений в таком органе управления принуждает «граж-

дан» школы принимать точку зрения группы: как школьники, так и педагоги вынуждены рассматривать «пользу» для школы как для коллективной организации¹.

В демократических школах образовательный процесс осуществляется как силами педагогов, так и учеников. Школьники должны быть не в меньшей степени причастными к нему, чем педагоги. Рассматривая кейсы успешно функционирующих демократических школ, я выделяю систему управления внутри школы как ключевой аспект создания демократической школы в современной России. Система управления внутри школы рассматривается не как управление людьми, а как управление процессами, деятельностью. То есть запуск таких процессов, которые побуждают участников образовательного процесса к саморазвитию и самосовершенствованию, а сама школа рассматривается как контекст перехода от ребенка к субъекту. При таком переходе происходит соотнесение опыта, полученного в регулируемой среде (школе) с собственным опытом ученика, т.е. при предоставлении ученику возможностей выбора изучаемых предметов, темпов и видов учебной деятельности, учителя, вплоть до возможности выбора индивидуальной образовательной траектории. Таким образом, создается контекст демократического действия: ученик несет ответственность за последствия своего выбора.

Новшества в образовательном процессе берут свое начало в классной комнате, и, соответственно, стандартизация может выступать в роли инструмента защиты системы образования от изменений². Для успешной реализации демократического образовательного процесса в школе я нахожу наиболее многообещающим использование подхода «снизу». В частности, введение демократического устройства одного класса в одной школе, при успешности реализации, может являться подспорьем для создания такого прецедента во всех классах этой школы. Более того, мне кажется, что успех создания прецедентов зависит от частоты попыток демократизации школьного уклада жизни, при большем количестве итераций. При успешности таких практик создания демократического уклада в классах является возможным их использование в других классах школы, города, региона,

¹ Weber M. From Max Weber / Ed. Mills and Gerth. New York: Oxford University Press, 1948.

² Apple M., King N. What Do Schools Teach? // Curriculum Inquiry. 1983. Vol. 6. No. 4. P. 341–358.

³ Tubelsky A. The acquisition of the Democratic Experience by Children and Teachers // Creating and Managing the Democratic School / Ed. J. Chapman, F. Roumin, D. Aspin. The Falmer Press, 1995.

⁴ Martin J. What Should We Do with a Hidden Curriculum When We Find One? // Curriculum Inquiry. 1983. Vol. 6. No. 2. P. 135–151.

⁵ Зоткин А. Профессиональное развитие педагога и управление изменениями в образовании // Управление изменениями в образовании. Томск, 2001.

¹ Mead G. Mind, Self, Society. Chicago: University of Chicago Press, 1933.

² Broadfoot T. Reproduction in Education, Society and Culture // Comparative Education. 1978. Vol. 14. No. 1. P. 75–82.

и т.д. Масштаб применения полученной информации из попыток «снизу» увеличивается «постепенно», от меньшего к большему.

Таким образом, успешная практика демократизации уклада школьной жизни, которая присутствует не только в формальном, но и в «скрытом» учебных планах, становится стандартом, проверенным практически, полученным «снизу», а не навязанным централизованной стандартизацией «сверху».

ПСИХОЛОГИЯ

Личность в организации

ПЕРСПЕКТИВЫ УСПЕШНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОГО ТИПА

МАРИЯ КРАСИЛЬНИКОВА

Центр исследования российского права «Эквитос»

Как известно, в рамках традиционного общества имела преимущественное хождение авторитарная модель воспитания в учреждениях образования. Авторитарное воспитание ориентировано на формирование личности воспитанника согласно заданному образцу или набору качеств. Существует оно в двух формах: патерналистской (основанной на ценностях традиционной культуры) и собственно авторитарной — механистической. Главной отличительной чертой последней, помимо диктаторского начала, являются бюрократические принципы. А таковыми, по Д. Битэму, заимствовавшему основной подход у М. Вебера¹, выступают: иерархия, последовательность, безличность, специальные знания².

Иная модель системы воспитания — воспитание гуманистическое, основанное на ценностях постиндустриального общества, главным принципом которой считается «обеспечение ценности свободы человеческой личности, а условиями существования — уникальные харизматические качества организатора, отражающие сверхвысокий личностный потенциал педагога»³. Вопрос о приемлемости и эффективности или неэффективности

¹ Определяя бюрократию (по прусскому образцу) как форму управления, М. Вебер выделял десять ее черт. См.: *Вебер М.* Хозяйство и общество/пер. с нем. под научн. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ—ВШЭ, 2010.

² *Битэм Д.* Бюрократия // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 165–185.

³ *Воропаев М.* Социальное воспитание в военизированных учебных заведениях. М.: Academia, 2009. С. 42.

сти модели гуманистического воспитания в учреждениях военизированного типа и составит предмет данной статьи.

Начнем с разговора о том, когда и как могли возникнуть подобные прецеденты в рамках традиционного общества. Последнее, как известно, опиралось на две формы армии: милиционного и регулярного типа. При этом если регулярная (наемная) армия была относительно изолирована от культурно-цивилизационных норм, то милиционная (сословная) всегда была открытой, не делающей разницы между армейским и гражданским менталитетами.

До начала Нового времени в армии, за редким исключением (древний Рим), воплощался именно милиционный принцип. Последний, например, в рамках древнегреческой культуры, позволял формировать у представителей всего мужского населения, вовлеченного в решение задач управления и обеспечения социальной военной безопасности страны, таких качеств, как активность, солидарность, заинтересованность в победе и защите границ государства. Главным же являлось мужество, основанное на принципе осознанного выбора воевать или «участвовать в политическом управлении (во имя определенной цели)»¹.

Представления о собственно гуманистических ценностях (в виде осознания греховности человеческой природы и всеобщем спасении как всепрощении) внесла эпоха Средневековья. Именно тогда было выработано новое понимание человеческой личности как абсолютной реальности, в отношении которой существует все остальное. И тогда же христианские догматы, одним из которых являлся догмат ненасилия (любви), под нажимом неоднозначных исторических обстоятельств начали подвергаться существенному пересмотру. Впервые это было оформлено миланским епископом св. Амвросием, косвенно оправдавшим войну ради защиты отечества от варваров, а общества — от бандитов, и, в том числе, выделившим признаки справедливой войны. Но уже к XI в. западное христианство приходит к концепции священной войны, угодной Господу. Одним из авторов этой концепции был Бернар из Клерво, глашатай цистерцианского ордена, предпринимавшего крестовые походы против еретиков, оправдывающий убийство во имя Христа.

¹ Воронаев М. Социальное воспитание в военизированных учебных заведениях. С.18–19.

В Новое время происходит формирование регулярной армии, что в системе образования находит оформление в виде авторитаризма, моногизма, рационализма и нацеленности на профессионализм. Однако при этом армия продолжает сохранять свою самобытную культуру. Д. Рисмен по этому поводу пишет, что в эту эпоху появляются такие новые личностные типы, как «ориентация-на-себя» (внутренне-ориентированный тип) и настроенность на свободное (в протестантском смысле) поведение. Такое поведение было совершенно не присуще для «ориентированного-на-традицию» человека¹. В правомерности данного утверждения убеждаешься, когда обращаешься к российской истории. Многие российские военные XIX столетия обогатили культуру и науку своими открытиями и творческими свершениями. Здесь уместно назвать имена М.Ю. Лермонтова, А. Грибоедова, Л.Н. Толстого, П.А. Федотова, В.В. Верещагина и др. Это были поистине свободные люди, несмотря на военное воспитание в соответствующих учебных заведениях, построенное на авторитарно-бюрократических принципах.

Разгадка данного феномена содержится в приводимой нами выше трактовке принципов бюрократической организации Битэма. По его словам, последние являются двусмысленными и им «сопутствуют существенные “дисфункциональные” эффекты, которые тем более выражены, чем более последовательно они применяются. Каждый из таких принципов характеризуется определенным патологическим проявлением. Следование правилам может привести к отсутствию гибкости. Безличный характер отношений порождает бюрократическое безразличие и бесчувственность. Иерархия препятствует проявлению индивидуальной ответственности и инициативы»².

Как отмечают современные исследователи, такая модель, представляя из себя некую идеальную схему, не может быть полностью реализована: человека невозможно низвести до положения механического винтика. К тому же негативная смысловая нагрузка на понятие «бюрократия» в русском языке вызвана еще

¹ Третий тип, по Д. Рисмену, — это ориентация-на-другого, которая становится типичным характером «нового среднего класса» в обществе начинающегося спада населения. Руткевич Е.Д. Типология социального характера Д. Рисмена // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 118–121.

² Битэм Д. Бюрократия. С. 165–185.

и тем, что российские чиновники очень плохо следуют принципам рационального бюрократического управления¹.

Именно поэтому сам по себе процесс социализации при вхождении в строго авторитарные, закрытые и императивные организации, какими, например, являются институты МВД или ФСБ, противоречив и содержит как необходимую составляющую сопротивление или уклонение от выполнения предписаний системы. По В. А. Лукову и Д. Л. Агранату, этот процесс можно назвать «переконструированием и достраиванием под свой масштаб личности». К тому же имеют значение упрощенческие и примитивизирующие процессы, неизбежно происходящие в любых военных организациях².

Однако, как особо отмечает М. Воропаев, вопреки или в силу данных процессов, именно военизированные учебные заведения (особенно традиционные для нашей страны) нашли способ готовить своих воспитанников к войне, не допуская их моральной деградации. Это приводит к тому, что формальная иерархическая структура уравнивается своим неформальным дополнением, которое, хотя и противоречит официально провозглашенным нормам, на самом деле оказывается органично связанной со своей «противоположностью». В результате именно таким отступлением от бюрократических шаблонов управления военной организацией и определяется эффективность авторитарной модели. К тому же нельзя забывать и о большой роли индивидуальных особенностей руководителей в организации социального воспитания.

Очевидно и регулирующим фактором в деле воспитания военного, как и любого профессионала, является предоставление ему возможности свободного выбора. Т. А. Рубанцева пишет по этому поводу, что образовательная парадигма общества постмодерна будет истинно гуманистической, так как целью образования вскоре станет самоиндефикация личности в «поликультурном пространстве». В рамках этого общества основной ценностью будет являться саморазвитие личности. М. Е. Добрускин также считает, что в противовес этим негативным мировым

тенденциям, гуманизм ставит в центр внимания человека — студента, педагога, руководителя, культивирует гуманные, демократические отношения между ними, свободные от авторитаризма и голого администрирования, основанные на общности интересов и цели в подготовке специалистов, в которых нуждается Родина. И подлинным воплощением идей гуманизма в высшей школе является гуманитаризация высшего образования¹.

О том же пишет И. А. Зимняя, принимавшая активное участие в разработке компетентностно-модульного подхода. По ее словам, существовавшая долгие годы в нашей педагогической системе «ЗУН — парадигма результата образования», монолическая и авторитарная по своей направленности, принималась педагогическим сообществом и до сих пор принимается некоторой его частью. Однако происходящие в мире и России изменения в области целей образования, соотносимые, в частности, с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, его продуктивной адаптации в этом мире, вызывают необходимость постановки вопроса обеспечения образованием более полного, личностно- и социально-интегрированного результата. То есть речь идет о «формировании новой парадигмы образования» и о проблеме, касающейся повышения качества образования в общем контексте его гуманизации². Одним словом, все они направлены на «свободное развитие человека, на его творческую инициативу, самостоятельность обучающихся, конкурентоспособность, компетентность, мобильность, повышение качества подготовки будущих специалистов в системе высшего профессионального образования»³.

Для сравнения приведем трактовку роли свободы в деле личностного становления Н. Бердяева — философа, все свое внимание нацелившего на разработку проблем личности и ее реализации в культуре. Для него свобода — это творческая сила, которая

¹ Воропаев М. Социальное воспитание в военизированных учебных заведениях. С. 44.

² Луков В. А., Агранат Д. Л. Курсанты. Плац. Быт. Секс. Социологическое и социально-психологическое исследование. М., 2005. С. 263–264.

¹ Добрускин М. Е. Гуманизация как стратегия высшего образования // Философия и общество. 2005. Вып. № 3. http://www.socionauki.ru/journal/files/fo/2005_3/dobruskin_gymanizasiya.pdf>type=>application/pdf»

² Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505>

³ Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34.

является действенной только в момент «созидания добра и зла»¹. Личность им приравнивается к духовной энергии и духовной активности как центру творческой энергии, которой свойственны углубленность, безграничность и динамичность, где нет противоположности между единым и множественным. Именно в духовной жизни, по Бердяеву, человеку дана цельность и полнота бытия². Зло же «объективации» заключается в отчужденности, «безличности», а также «падшести» или «иллюзии сознания»³.

Интересна также трактовка задач свободной человеческой личности в культуре Андрея Белого, основной своей целью поставившего разрешение проблем индивидуально-личностного противоречия человека (индивидуума) и общества (целого). Его концепция плюро-дуо-монизма подтверждает и конкретизирует представленную выше установку. По Белому, такое освобождение достижимо в случае преобразования внутри индивидуального «я» человека некоего сверхличного пространства как «высшего, третьего, внечеловеческого в человеческом» и тем самым его преображения⁴.

Принцип цельности и полноты творческого бытия личности являлся ключевым в позициях и других российских философов. В этой связи поистине действенную социально-ориентированную гражданскую линию эти идеи обрели в философских трудах И. Ильина. Приведем выдержку из главы «О правах и обязанностях граждан», запечатленную в его фундаментальном труде «Наши задачи»: «Первое, что отличает настоящего гражданина — есть свойственное ему *чувство собственного духовного достоинства*: он чтит духовное начало в самом себе (свою религиозность, свою совесть, свой разум, свою честь, свои убеждения, свое художественное чутье... Второе, что отличает настоящего гражданина — это его *внутренняя свобода*, превращенная в *самостоятельную дисциплину*. Он есть некий *ответственный*, самоуправляемый волевой центр, он есть тот истинный *субъект права*, которому подобает быть свободным внутренне и потому принимать участие в государственных делах... Третье, что отличает настоящего гражданина, — это есть то *взаимное*

¹ Бердяев Н. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. С. 56.

² Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 30–31.

³ Бердяев Н. Самопознание. С. 278.

⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 429.

уважение и доверие, которое связывает его с другими согражданами и с его государственной властью...»¹.

Именно отсюда, с нашей точки зрения, следует выводить необходимость применения гуманистического подхода к воспитанию в военных учебных подразделениях, что не противоречит и собственно «комплексному характеру» военного права России, являющемуся «регулятором общественных отношений, складывающихся в Вооруженных Силах»².

КОРПОРАЦИЯ КАК ПРОИЗВОДСТВО СТРЕССА

НАТАЛЬЯ ПРОСАНДЕЕВА

Государственный академический университет гуманитарных наук

В основе наших размышлений — работы Г.П. Щедровицкого, Г. Рормозера, Д. Харви, Л. Болтански и Э. Кьяпелло, К. Робина, И. Валлерстайна, К. Калхуна, Ч. Линдблома³, опираясь на которые можно высказать гипотезу, что корпоративная организация производства, корпоративный дух и корпорация как таковая — структуры, наиболее «соразмерные» современному капитализму, ставшему в эпоху глобализации безусловным «классовым реваншем богатых»⁴.

¹ Ильин И.И. О правах и обязанностях граждан // Ильин И.И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Т. 1. М.: Рарог, 1992. С. 75–76.

² Гражданское общество и вооруженные силы // Материалы российско-американского научно-практического семинара 13–17 мая 1996 г. М.: НИОРИО Московского военного института пв РФ, 1996. С. 35–36.

³ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Валлерстайн И. Структурный кризис // Валлерстайн И. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23–60; Линдблом Ч. Рыночная система: Что это такое, как она работает, и что с ней делать. М.: Изд. дом ГУ — Высшей школы экономики, 2010; Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996; Щедровицкий Г.П. Мастерская и набор инструментов организатора, руководителя и управленца. <http://bigc.ru/theory/books/sgppmo/>

⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.

Корпоративная организация труда формируется с начала XX в. Во многом это американская идея. Более половины (по другим данным — 90%) действующих субъектов — корпорации и значительная часть их в настоящее время представлена американским капиталом. Такие влиятельные акторы современной экономики и политики не могут не вызывать исследовательского интереса. Однако под давлением США в 1995 г. был введен запрет на изучение корпораций международным научным сообществом, одновременно действует информационная блокада по поводу происходящего внутри любой корпорации под страхом изгнания или судебного преследования. Подобный двойной «налет» секретности создает сложности аналитикам и социологам. Но мы знаем, что там происходит, благодаря, например, замечательной работе американского исследователя К. Робина «Страх»¹ (глава «Страх по-американски») и включенному наблюдению журналиста, сделавшего достоянием гласности организацию производства в китайском филиале Apple. Их данные позволяют вполне достоверно смоделировать то, как организована и функционирует корпоративная структура².

КОРПОРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Корпорация — это пирамидальная иерархическая структура с непрозрачной системой управления и отсутствием механизмов защиты интересов наемных работников: никаких профсоюзов, никаких прав, никакой демократии; жесткая регламентация пребывания на рабочем месте; определенность функциональных обязанностей и квалификационных требований — компетенций.

Корпоративный капитализм «в целях экономии» трансформирует работника в носителя навыков, в «частичного» человека — товар и инструмент: «Применение в отношении работников тех процедур нормализации, которые восходят к приемам нормализации продуктов, что предполагает использование

¹ Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего; Прогресс-Традиция, 2007.

² 10 дней ужаса: как китайский журналист проник на завод, где собирают новый iPhone. <http://hitech.newsru.com/article/13Sep2012/taiyuan>

«компетенций» в менеджерских механизмах, также ведет к тому, что превращение людей в товар принимает абсолютно официальные формы... логика компетенций ведет к тому, что людям напрямую придается «экономическая стоимость»¹. Корпоративная организация эффективна с точки зрения работодателя, поскольку позволяет не только беспрепятственно эксплуатировать работника, но и сбрасывать все издержки рыночной экономики на него, а не на работодателя.

Одновременно корпорация — еще и особая вселенная с ресурсами, сравнимыми с бюджетами некоторых стран, своими СМИ, юридическими и консалтинговыми службами, образовательными учреждениями и т.д. Это существенно изменяет структуру общественной жизни, накладывая ограничения на демократические институты и демократические процедуры в целом. Пространство демократии сужается. И корпорация трансформируется уже в модель организации общественной жизни, а не только в инструмент организации производства.

Принципы функционирования корпорации

Корпорация — прекрасный инструмент по интенсификации труда и уничтожению досуга работника, поскольку конституционные и прочие нормы, регулирующие трудовые права, передаются на усмотрение администрации и менеджмента. Происходит целенаправленное разрушение любой стихийной и осознанной солидарности работников посредством экономических (дифференцированные формы оплаты и премиальных, а также многочисленные варианты штрафов) и внеэкономических форм давления на работника, например, поощрение шпионажа друг за другом. Тем самым формируется институт контроля над поведением работников в корпорации и управления посредством самих же работников по принципу, открытому австрийским психиатром Виктором Франклом в концлагере: большинство не бунтует и не сопротивляется меньшинству, потому что «самоуправляется».

Менеджеры среднего звена — выходцы из рядов большинства — преданно обслуживают интересы администрации и иллюзорно «отрываются» от своей социальной группы. Поощряется

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Указ. соч. С. 778.

игра на амбициях и чувствах более честолюбивых и жаждущих карьерного роста представителей большинства. Как результат — невозможность работниками осознать свой общий «классовый» интерес. В итоге корпорация трансформируется в институт по производству неравенства. Если попытаться определить, чем именно занимается корпорация, независимо от декларируемых социальных задач, то эта структура защищает интересы администрации и корпоративного бюрократического аппарата, осуществляя воспроизводство корпоративной и социальной иерархии. Тем самым корпорация преобразуется в классовый инструмент воспроизводства существующей структуры господства и власти.

РЕФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК ПРЕВРАЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В КОРПОРАЦИИ

Корпорация — не только социологическая, но и психологическая категория. Если верить И. Валлерстайну¹, во время революции 1968 г. у европейских элит, главным образом, «социал-демократических», не хватило духа использовать насилие против бунтующей молодежи, однако сам факт массового революционного движения заставил властвующие элиты задуматься о социальных условиях, делающих возможными серьезные протесты, бунты и революции. Не вызывает сомнения, что организаторы и участники подобных антисистемных практик — как правило, представители «свободных профессий»: студенты, интеллектуалы, преподаватели, работники СМИ, т.е. та часть современного общества, у которой есть свободное время и критическое мышление — прямой итог соответствующего образования. Ответ на вопрос: «как сделать невозможным революционера?» очевиден — свернуть социальное государство на всех уровнях. Или заставить функционировать институты социального государства: образование, науку, культуру — по принципу корпорации, что по сути одно и то же.

Соответствующие реформы социальной сферы в разных частях света идут со второй половины XX в. Вначале эти процессы затронули англосаксонские страны, потом европейские. У нас они начались после обрушения СССР. Но тогда было серьезное сопротивление

¹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 51–52.

общества, и они тормозились. Сегодня реформы социальной сферы поражают своей стремительностью и радикализмом.

Заметим, что современный мир напоминает геометрию пирамид в пирамиде. Пирамида — графический образ глобального неравенства. Вся планета поделена на пирамиды, внутри каждой страны — аналогичные процессы. Все изъятое у общества средства передаются финансовым и банковским структурам конкретной страны, а затем перенаправляются в наднациональные финансовые институты. Разными способами. И в итоге ресурсы перераспределяются в пользу вершины глобальной пирамиды. Секвестирование социальной части бюджета, какими бы благими целями ни обосновывалось, просто приводит к уходу средств из стран глобальной периферии — к ядру-центру, поскольку так организован современный финансовый капитализм.

Иначе говоря, отнимая деньги у российского населения, наша власть передает их глобальным финансовым структурам, которые, в свою очередь, финансируют спекулятивные операции на бирже, а также частично культуру, образование, здравоохранение, безопасность стран глобального ядра, в конечном итоге войну против нашей страны. Некий процент за транзакцию получают заинтересованные лица и структуры, но население разных стран проигрывает полностью и окончательно.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Корпорация как инструмент эксплуатации настолько эффективен, что возникает подозрение, что в основе лежит разработанная психологическая концепция — знание базовых инструментов управления сознанием и поведением человека, которая эмпирически была проверена и отработана. На наш взгляд, это использование бихевиоризма как единственного описания поведения человека, поскольку именно эта психологическая теория осознанно изыскивала инструменты управления сознанием и поведением индивидов и масс. И даже обещала «творить человека по заказу», если вспомнить известный тезис Б. Скиннера: «...бихевиорист не находит больше данных, которые подтверждали бы существование наследственных форм поведения, а также существование наследственных специальных способностей (музыкальных, художественных и т.д.). Он считает, что

при наличии сравнительно немногочисленных врожденных реакций, которые приблизительно одинаковы у всех детей, и при условии овладения внешней и внутренней средой, возможно направить формирование любого ребенка по строго определенному пути»¹.

Корпорация формирует в сознании работника иллюзию безальтернативности — ничего изменить нельзя и все устроено единственно возможным образом: только покорность, подчинение чужой воле, эксплуатация, унылое однообразие. Труд как проклятие — великолепный и тягостный пример — описание Кори Робинсом, который убежден, что главный психологический инструмент, которым принуждают к труду в корпорации, — страх.

Страх — это самый сильный мотив, поскольку речь идет об угрозе жизни. Этот мотив сильнее голода, которым Европа принуждала к повиновению и искусственному производству капитализма в колонизируемых странах. Корпорация манипулирует предельными страхами. Это «цивилизованный» вариант тюрьмы, казармы, концлагеря. И запрет на любую солидарность приводит к тому, что человек остается наедине со своими проблемами и фобиями. Он беспомощен. Это удар и по нашему главному эволюционному приобретению — коллективному образу жизни. Корпорация уничтожает не только человека политического, человека социального, но и просто человека как носителя видовых особенностей.

«Бытие» работника в корпорации — работа в условиях постоянного стресса, безысходности, переутомления. Человек превращается в постоянный объект эксплуатации, террора и несправедливости. И у него нет представления об иных, не корпоративных, целях существования. В итоге человек не просто ощущает себя зависимым и подавленным, но и не видит никаких иных перспектив. Это равносильно уничтожению веры в себя и уничтожение всякой способности к сопротивлению. Абсолютное торжество несвободы. На выходе возникает особая психология «поражения». Это лишает работника всяких ресурсов сопротивления и делает невозможной протестную самоорганизацию и обычную солидарность работников, которые можно рассматривать как условия не только защиты прав работника,

но и возможность предложить свою идеологию, утопию, принципиально иной социальный и политический проект.

Этому служит и полное уничтожение социального времени в структуре рабочего, свободного и социального. Социальное время — важнейший ресурс саморазвития, коммуникации, приобщения к культуре. Его отсутствие трансформирует свободного человека в духовного раба.

Но и оставшись в одиночестве, этот человек не имеет права быть личностью и индивидуальностью. Щедровицкий объяснил этот феномен. Франкл описывал сходные эффекты в концлагере. Как только человек начинал проявлять творческие идеи, его моментально переводили на другое место. Корпорация — это убийство индивидуальности.

Любое оригинальное нетривиальное решение, которое может ускорить решение задачи, но предлагается снизу, ставит под угрозу всю конструкцию. Любое творчество, которое завязано на индивидуальность, становится невозможным. Игнорируется содержание. Следовательно, система существует только ради самой себя и воспроизводства действующей иерархии.

Торжество формального над содержательным предполагает допущение, что можно управлять и организовать процесс, не обладая ни профессиональными навыками, ни соответствующей социализацией. Победа бюрократического, корпоративного, мертвенного над живым, индивидуальным, творческим. Проекция общей негалитарной модели организации общественной, политической, профессиональной жизни, которая функционирует в корпоративном варианте на все возможные формы деятельности исключают всякую динамику. В итоге «неподвижной» становится сама общественная жизнь.

Резюмируем: корпорации в современном мире — не альтернатива государственным институтам, способствующая большей демократизации, плюрализму мнений, развитию форм общественной жизнедеятельности. Напротив, это инструмент классового господства, давления на работника, который лишает его социальных и психологических ресурсов сопротивления, формирует постоянно действующий источник стресса и неуверенности у зависимых социальных групп — самая эффективная и безопасная для работодателя модель эксплуатации работника и стратегически безупречная модель подавления политических оппонентов.

¹ Скиннер Б. Бихевиоризм // История психологии: XX век / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Академический Проект, 2003. С. 132.

Корпоративный капитализм отнял все завоевания пролетариата за 150 лет. Все, что было достигнуто со времени восстания лионских ткачей, которые вдохновили Карла Маркса, вплоть до стачечного движения начала XX в. и социалистических завоеваний времен холодной войны. И привлек ресурсы финансовые и интеллектуальные, чтобы сделать невозможным всякое повторение подобных побед организованного труда над капиталом. Это всемирное поражение работников. Это всемирное классовое поражение бедных и угнетенных. Это главное завоевание корпоративного капитализма. И это уничтожает всякую энергию утопических проектов, как верно заметил Юрген Хабермас. Даже придумать прекрасную утопию о справедливости, возможной хотя бы в отдаленном будущем, становится невозможно. Это производство стресса на перспективу и для глобального большинства.

ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ В КОРПОРАЦИИ

Юлия Федотова

Центр экспертных исследований факультета национальной безопасности РАНХиГС

Проблема деформации личной свободы в корпорации приобретает особую актуальность в связи с наблюдаемыми геополитическими процессами и явлениями, показывающими, насколько, с одной стороны, значимо влияние отдельной личности на политическую жизнь страны, с другой — существенно и воздействие на личность в целях ее мотивации к определенному социально значимому поведению.

Так, психология воздействия на население в целях разжигания протестных движений, «цветных» революций построена на распространении идей непринятия окружающей действительности, пессимистического отношения ко всем сферам общественной жизни, социальному окружению личности, убежденности в источнике всех проблем в действующей власти. Такие явления и процессы позволяют поставить под сомнение некоторые взгляды Г.П. Щедровицкого, согласно которым личность в организации не существует, а может быть таковою только за ее пределами — в клубе, в котором имеются возможности

для ее развития и творчества. «В пространстве формальной организации, или производства, человек существует как индивид, заполняющий штатное место. А в клубном пространстве этот же человек существует как личность. Личность соответствующей идеологии: я оргуправленец, я забочусь о своем производстве, об отрасли, о советском народе. И я делаю то, что считаю нужным и правильным»¹. В связи с этим «собственно личность начинает формироваться — я обращаюсь к нашему обсуждению — только в оппозиции к организации. Парадоксальная вещь. Вы можете быть личностью, если вы противостоите организации, отделяете ее от себя. И наоборот, чтобы быть человеком организации, вы должны от своих личностных качеств, и даже от личности, отказаться. И поэтому люди в организации, преследующие интересы организации, должны быть все одинаковые, неразличимые»². Можно ли считать, что в противопоставлении себя организации проявляются личностные качества в их высоком духовном смысле, понимаемом Щедровицким? Пожалуй, нет. Не все революционные движения действительно наполнены идеями, смыслом, идеологическими ценностями, порой их смысл состоит в самовыражении без аргументации своего поведения и конкретной цели или программы.

В связи с этим не вполне оправданными представляются и воззрения Щедровицкого по поводу того, что «у организаций целей нет. Цели есть только у людей. Поэтому организации слепы. Организации оформляют цели определенных групп людей»³. Тем не менее, консолидируясь внутри организации, цели отдельной личности трансформируются, что, в свою очередь, приводит к тому, что личность внутри организации, с одной стороны, становится несвободна в определении своего поведения, а с другой, действует сообразно и своим, и корпоративным интересам, постоянно находясь в поиске оптимального соотношения целей и ценностей своих и корпоративных.

¹ Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления. Хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. М.: Дело, 2004. С. 145.

² Щедровицкий Г.П. Организация, Руководство, Управление. http://sadykov.org/files/lib/organizaciya_schedrovickiy.pdf

³ Там же.

«Прогресс же есть не что иное, как попытка уберечься от падения»¹, — утверждает Щедровицкий, в качестве антипримера приводя свою активную жизненную позицию и стремление к творчеству как исключение из правила. Тем не менее, его антипример не уникален, а свойственен каждой личности, занимающейся любимым делом с самоотдачей и вдохновением. Поэтому его антипример наглядно показывает, что потребность в прогрессе как потребности в самосовершенствовании, самовыражении и творчестве имманентны личности, конечно, в разной степени применительно к отдельному индивиду или организации. И отрицать творческое наполнение этой потребности не стоит. В противном случае возникает ситуация, когда личность, не находя возможности самовыражения в корпоративной реальности, становится подвластна негативным тенденциям и явлениям, основанным на осознании ущербности своего существования в организации. Таким образом, навязывание идей, что «тот, кто противостоит организации, всегда должен твердо знать, что бить его будут без пощады. Поэтому стать личностью — это значит принять такой способ жизни... Чтобы стать человеком организации, вы должны отказаться от собственной позиции»², противоречит человеческой природе. Проявление индивида как личности возможно не за пределами организации, корпорации, а именно в ней, в соответствующих общественных отношениях. Отрицание данного факта способно поставить под удар и личность, и такую корпорацию.

Подобные разломы в человеческом сознании, угрозы и опасности, способные привести к возникновению конфликтов, широко используются при ведении информационных и сетевых войн, когда создаются оппозиционно настроенные организации как реальные, так и виртуальные. Так, например, возможности Интернета широко задействовались и задействуются для организации так называемых цветных революций, например, в Ираке, Ливии, Сирии, Украине³.

¹ Щедровицкий Г. П. Организация, Руководство, Управление. http://sadykov.org/files/lib/organizaciya_schedrovickiy.pdf

² Там же.

³ Тарасов А. М. Киберугрозы, прогнозы, предложения // Информационное право. 2014. № 3. С. 11–15.

Информационному влиянию в высшей степени подвержена массовая и активная часть аудитории Интернета — молодежь, а главная опора «цветных революций» — молодые люди. Они обеспечивают массовость мероприятий, придают им ореол «подлинной революционности». Неправительственные организации стали ведущей формой мобилизации сил политического переворота. К подобным объединениям относятся молодежные движения «Пора!» на Украине, «Кмара!» в Грузии и «Отпор» в Сербии. Организаторами акций протеста в Египте в январе 2011 г., активной участницей которых являлась и радикально настроенная молодежь, использовались интернет-ресурсы и социальная связь. Реализуя манипуляционные коммуникационные стратегии, СМИ способны формировать шкалу ложных духовных ценностей, навязывать представления о социально-политических, экономических, духовных процессах, манипулировать общественным мнением, поведением молодежи. Кроме того, террористические организации используют Интернет для вербовки новых членов. Первичной психологической обработке легче всего поддаются те, кто не нашел еще свое место в обществе: не складывается с работой, нет заинтересованности в учебе, нередко это сопровождается неудачами в личной жизни и неумением находить общий язык с людьми. Спецслужбами и правоохранительными органами фиксируется использование идеологами террористических организаций все новых и новых средств коммуникации для наибольшего охвата аудитории. Так, параллельно с развитием сервисов мобильной связи делаются доступными скачивание экстремистской литературы на мобильный телефон¹.

В Сирии массовость и радикализация, как в Египте и Тунисе, начали возрастать после первых жертв среди демонстрантов в результате столкновений с силами правопорядка, в результате чего конфликт быстро перешел в полномасштабную гражданскую войну. В отличие от Ливии, в Сирии не произошла прямая военная интервенция, что и определяет текущее положение вещей: режим устоял, гражданская война перешла в состояние вялотекущей войны наемников, а не граждан. Среди повстанцев

¹ Чупракова Н. С. Информационно-психологическое влияние виртуально-коммуникативных средств на молодежь в современном политическом процессе // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 6 (35). С. 946–955.

большую часть составляют иностранные наемники и сторонники Аль-Каиды, а также молодежь арабского происхождения и мусульмане, являющиеся подданными Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии, Австралии, России и других государств. Доля иностранцев в общей повстанческой массе давно стала превосходить граждан Сирии. На стороне действующего президента Сирии также сражаются иностранные наемники, среди которых иранские военнослужащие, иракские шииты и боевики радикальной шиитской группировки «Хезболла», не нуждающиеся в поддержке местного населения и поэтому допускающие террор и уничтожение важных социальных и экономических объектов. Даже в Ливии, где территориально-племенной конфликт наиболее четко прослеживается, он выступает лишь социально-психологическим фактором, флагом для идентификации сторон и мобилизации сторонников. В Сирии конфессиональный конфликт является красивой вывеской для военных действий, которые должны втягивать в конфликт разные стороны по этому идентификационному признаку. Этот «флаг» так же, как «борьба за демократию», «революция и обновление» и ряд других, используемых в технологиях «цветных революций», несет в себе пропагандистские функции, направленные на приобретение сторонников как внутри «территории конфликта», так и за его пределами¹.

Интегрирующим фактором молодежного экстремизма, объединяющим его сторонников в группы, является стремление достичь поставленных целей «здесь и сразу», что недостижимо, как правило, в стратегии общественного развития. Причиной молодежного экстремизма может стать отсутствие возможностей профессионального роста, быстрого решения материальных проблем, нежелание служить общественному благу и т.д., что мешает формированию позитивных установок на самостоятельную жизненную позицию в условиях групповой идентичности. Среди причин молодежного экстремизма можно выделить провоцирующее влияние информационных войн, дезориентацию в жизненных целях и идеалах, наличие различных форм трансформации правосознания, которые представляют систему искаженных взглядов и эмоциональных состояний. В настоящее время националистические и экстремистские настроения осно-

вываются на великодержавном шовинизме как разновидности национализма¹.

Не секрет, что социальная нестабильность проявляется в первую очередь на личностном уровне: обостряется чувство тревоги, теряется социальная идентичность личности, массовой болезнью в современном обществе являются беспокойство и страх, неуверенность в завтрашнем дне, плохое психическое самочувствие². Так, в США заняты проработкой новых способов проведения психологических операций (манипуляций) и методов защиты от них. Только одна Национальная криптологическая школа Агентства национальной безопасности США обучает за год 19 тыс. человек (13, 5 тыс. — гражданский персонал, 2,5 тыс. — военный персонал, 3 тыс. — из других ведомств). Подготовка специалистов по «информационным войнам» ведется и иными учебными заведениями США. Классический метод подобных манипуляций — вызывание различных форм невроза у отдельного индивида. В массе же невроз передается, как болезнь, переходя от одного индивида к другому. Не отстает от США и Китай³.

Как видно, корректирование позиции личности, влияние на ее представления лежат в основе образования организации, ее вовлечения в иные организации, а также сетевой и информационный контроль. В связи с этим перед любым управленцем государственного аппарата или коммерческой организации стоит задача, с одной стороны, организовать деятельность для выполнения публичной функции данной корпорации, с другой стороны, обеспечивать благоприятный микроклимат в корпорации, способствующий, в том числе, проявлению индивидуальности личности. Решение такой задачи будет способствовать не просто механическому решению возложенных на субъектов корпорации задач, но и поиску эффективных, творческих проектов, что положительно отразится на деятельности корпорации в целом.

¹ Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29 (266). С. 35–42.

¹ Андреева О.А. Региональная правовая политика преодоления экстремизма в молодежной среде: реалии и прогнозы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 28–31.

² Киселева И.А., Симонович Н.Е. Проблемы самореализации личности в современных условиях инноваций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 6 (243). С. 53–60.

³ Маркова А.В. Виртуально-коммуникационное противостояние США и КНР // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 6 (35). С. 940–945.

В литературе под участием граждан в управлении понимают подлинное право и реальные возможности населения в условиях полного равенства и при абсолютной заинтересованности в этом процессе государственных органов. Для этого необходимо использовать личный или коллективный потенциал, реализуя его в различных самостоятельных или рекомендованных государственным органами формах, во всех действиях по осуществлению эффективного управления, а также при ведении различных максимально допустимых государственных дел¹. Возможность участия российских граждан в управлении делами государства представляет собой совокупность находящихся в правовом поле форм воздействия граждан на осуществление общегосударственных дел, являющуюся составной частью метасистемы более высокого уровня — управления делами государства².

Под «политическим участием» или «политической партиципацией» понимают всю совокупность действий граждан, которые позволяют им непосредственно влиять на государственную политику и/или процесс принятия политического решения для удовлетворения своих потребностей и достижения целей, при этом именно осознанный мотив и направленность на оказание прямого воздействия на политику и отличает понятие «политическое участие» от других, например, «политическое поведение» граждан. Важность политического участия в процессе демократизации характеризуется тем, что оно обеспечивает контроль над действиями власти, минимизирует риск политического деспотизма и обеспечивает легитимность проводимому политическому курсу³.

Идея гражданского участия предполагает вовлечение управляемых в управление. Гражданское участие рассматривается как

принцип гражданского общества. Оно включает выражение позиции, право голоса на выборах, право быть избранным, право на объединение¹. По мнению А. Ю. Сунгурова, в рамках гражданского общества, понимаемого как коммуникативный процесс, понятие «гражданин» раскрывается через понятие «участие», т.е. через его деятельность в различных общественных организациях и институтах. При этом общественное участие — это участие некоммерческих организаций и отдельных жителей в обсуждении и принятии решений органами власти (в большинстве случаев на местном уровне), а также контроль их выполнения; это непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия между гражданами и органом власти (учреждениями, ведомствами), отвечающим за принятие решение и включающим меры, способствующие полному пониманию общественностью процессов и механизмов подготовки и принятия решений ответственным ведомством; полное информирование общественности о статусе и продвижении разработки и внедрении проектов, планов, программ о выработке приоритетов политики или проведении оценки; активный сбор мнений всех заинтересованных граждан, сведений о восприятии ими целей и задач, а также об их предпочтениях в отношении использования ресурсов и альтернативных стратегий развития или управления и любой другой информации, касающейся принимаемого решения. Кроме того, к категории общественного участия можно отнести и вовлеченность граждан в саму деятельность общественных организаций, в рамках которых возможны решение проблем и реализация интересов многих людей и без всякого участия власти. При этом общественное участие, в отличие от гражданского, не носит политический характер и не включает в числе его форм участие в электоральных отношениях, протестную активность и т.д.²

На наш взгляд, участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства выступает разновидностью

¹ Ширококов С. А. Конституционно-правовые аспекты участия граждан в управлении делами государства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 2011. С. 11–14.

² Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т имени Н. Г. Чернышевского, 2012. С. 12.

³ Катушева К. А. Тенденции политического участия молодежи в России: политический абсентеизм, автономное и мобилизованное участие // Электронный научный журнал «ГосРег: государственное регулирование общественных отношений». 2012. № 1. http://gosreg.amchs.ru/pdffiles/1number/articles/Katusheva_article.pdf

¹ Платонова Д. В. Гражданское участие и информационное участие (к определению понятий) // Вестник Московского университета. Сер. 10 «Журналистика». 2006. № 1. С. 96–111.

² Сунгуров А. Ю. Гражданское общество и его развитие в России: учеб. пособие. http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf; Сунгуров А. Ю. Общественное участие как условие формирования гражданского общества // Гражданские свободы и образование на рубеже веков и континентов: материалы конф. Екатеринбург, 2000. <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/conf05.htm>

участия граждан в управлении делами государства — при реализации им не только долга и обязанности по защите Отечества, но и соответствующего права, вытекающего из принципа народовластия. Участие предполагает задействованность в реализации государственных задач, вплоть до выполнения части государственных полномочий. Е. А. Кириллов определяет участие как деятельность¹. В связи с этим гражданин — участник приобретает особый правовой статус. Правовой статус граждан, участвующих в обеспечении обороны страны и безопасности государства, включает в себя права, обязанности, гарантии, ответственность, ограничения. Субъективное право предполагает правомочие пользоваться благом, правомочие на собственные действия, право требования и право притязания (на защиту).

При этом участие предполагает не абсолютное право личности, а контроль над ней со стороны вышестоящего руководства и введение иных ограничений прав. Ограничение базируется на признании необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов исходя из того, что в иерархии конституционных ценностей «личность, общество, государство» введение таких ограничений является допустимым, оправданным и необходимым, поскольку ни одна из указанных ценностей не может существовать изолированно, вне или в ущерб приведенной триаде. Специфика ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства состоит в том, что приведение в исполнение такого ограничения приводит не только к усилению стабильности конституционного строя, укреплению обороны страны, обеспечению безопасности государства, но и способствует общественной безопасности, защите личности, ее прав и свобод, законных интересов. Государство тем самым выступает не только целью, но и средством обеспечения безопасности всех элементов триады «личность, общество, государство».

Таким образом, потребности в самосовершенствовании, самовыражении и творчестве имманентны личности, конечно, в разной степени применительно к отдельному индивиду или организации. Тем не менее, отрицать творческое наполнение этой

потребности не стоит. В противном случае возникает ситуация, когда личность, не находя возможности самовыражения в корпоративной реальности, становится подвластна негативным тенденциям и явлениям, основанным на внушении ущербности своего существования в организации. Подобные разломы в человеческом сознании, угрозы и опасности, способные привести к возникновению социальных конфликтов, широко используются при ведении информационных и сетевых войн, когда создаются оппозиционно настроенные организации, как реальные, так и виртуальные. В связи с этим перед любым управленцем государственного аппарата или коммерческой организации стоит задача, с одной стороны, организовать деятельность для выполнения публичной функции данной корпорации, с другой стороны, обеспечивать благоприятный микроклимат в корпорации, способствующий, в том числе, проявлению индивидуальности личности.

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

СВЕТЛАНА ЧИГАРЬКОВА
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

В контексте современных процессов глобализации и интенсификации межкультурного взаимодействия индивидов роль межкультурной компетентности все более возрастает. Растет и число сотрудников, которые в своей повседневной работе сталкиваются с задачами межкультурного характера. Несмотря на необходимость более глубокого понимания и операционализации компетенций, которыми должно обладать новое поколение менеджеров в глобальном мире, пока очень мало систематических исследований, закрывающих этот пробел. Одним из популярных сегодня подходов к изучению данного феномена выступает концепция культурного интеллекта (CQ – *cultural intelligence*), предложенная в 2003 г. американским психологом Кристофером Эрли и профессором Сингапурского технологического

¹ Кириллов Е. А. Правовое регулирование участия Вооруженных Сил Российской Федерации в противодействии терроризму: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Воен. ун-т, 2009.

университета Сун Анг¹. Они рассматривают культурный интеллект (наряду с социальным и эмоциональным) как обслуживающий специфическую сферу межкультурных отношений. Авторы концепции определяют культурный интеллект как индивидуальную способность человека эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием.

Эрли и Анг рассматривают культурный интеллект (СО) как многомерный концепт, обладающий многоуровневой структурой и включающий в себя следующие компоненты. *Метакогнитивный CQ* представляет способность планировать и контролировать межкультурное взаимодействие, анализировать особенности менталитета и культурные нормы. *Когнитивный CQ* — это знание норм, обычаев, ценностей и различных практик, принятых в культуре, понимание наличия особенностей каждой культуры. *Мотивационный CQ* отражает способность и желание индивида направлять внимание и энергию на изучение и функционирование в ситуациях, характеризующихся культурными различиями. Наконец, *поведенческий CQ* — способность реализовывать соответствующее вербальное и невербальное поведение во взаимодействии людей из разных культур. Последний компонент особенно значим в данной концепции, поскольку отражает важные аспекты коммуникации, связанные не только с уровнем владения языком, — паралингвистику, кинезику, проксемику и др. Для выявления уровня CQ Анг и его коллеги разработали и апробировали «Шкалу культурного интеллекта» (CQS), факторы которой соответствуют четырем перечисленным выше компонентам CQ².

Концепция культурного интеллекта во многом отвечает практическим запросам мультикультурных организаций. В связи с этим был проведен ряд исследований CQ, связанных с повышением производительности труда, показателями адаптации, успешности взаимодействия на разных уровнях³.

¹ Earley P. C., Ang S. Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2003.

² Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications. NY: M. E. Sharpe, 2008.

³ Ng K.-Y., Van Dyne L., Ang S. Cultural intelligence: a review, reflections and recommendations for future research // Conducting Multinational Research,

В исследованиях общей производительности трудовой деятельности¹ было выявлено, что иностранные специалисты с высоким метакогнитивным и поведенческим культурным интеллектом оцениваются их руководителями как более эффективные, поскольку более глубоко погружены в общий контекст (метакогнитивный CQ), способны соответственно адаптировать свое поведение (поведенческий CQ) и в целом лучше проявляют себя в понимании и принятии культурно обусловленных ролевых ожиданий. В другом исследовании² было обнаружено, что мотивационный CQ положительно предсказывает производительность трудовой деятельности сотрудников в инокультурной среде и уровень их адаптации на работе.

В другой работе, связанной с показателями производительности в сфере торговли недвижимостью, Чен и др.³ продемонстрировали положительную связь между мотивационным CQ и количеством продаж агентов, производящими сделки купли-продажи с участием клиента из другой культуры.

В исследовании эффективности культурной адаптации Улдерс и др.⁴ позиционировали культурный интеллект как индивидуальное различие, которое опосредует влияние более общего признака — открытости опыту. Результаты подтвердили, что CQ положительно предсказывает эффективность культурной

Applying Organizational Psychology in the Workplace /A. M. Ryan, F. T. L. Leong, & F. L. Oswald (Eds.). Washington, DC, Psychological Association, 2012. P. 29–58.

¹ Ang S., Van Dyne L., Koh C., Ng K.-Y., Templer K. J., Tay C., Chandrasekar N. A. Cultural intelligence: Its measurement and effects on cultural judgment and decision making, cultural adaptation and task performance // Management and Organization Review. 2007. No. 3. P. 335–371.

² Chen G., Kirkman B. L., Kim K., Farh C. I. C., Tangirala S. When does cross-cultural motivation enhance expatriate effectiveness? A multilevel investigation of the moderating roles of subsidiary support and cultural distance // Academy of Management Journal. 2010. No. 53. P. 1110–1130.

³ Chen X. P., Liu D., Portnoy R. A multilevel investigation of motivational cultural intelligence, organizational diversity climate, and cultural sales: Evidence from U. S. real estate firms // Journal of Applied Psychology. 2011. advance online publication. doi: 10.1037/a0024697

⁴ Oolders T., Chernysheva O. S., Stark S. Cultural intelligence as a mediator of relationships between Openness to Experience and adaptive performance // Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications / S. Ang & L. Van Dyne (Eds.). NY: Sharpe, 2008. P. 145–158.

адаптации и опосредованное воздействие на нее пяти из шести субшкал открытости опыту.

Кроме культурной адаптации, культурный интеллект также связан с другими психологическими феноменами, значимыми для трудовой активности. Например, CQ демонстрирует отрицательные связи с эмоциональным истощением¹, культурным шоком² и намерением ухода с работы³. Также в других исследованиях была выявлена положительная и устойчивая во времени связь между метакогнитивным и когнитивным CQ и эмоциональным доверием в командах с участием представителей различных культур, в отличие от команд с гомогенным культурным составом⁴. В более позднем исследовании были подтверждены эти результаты, а также выявлено, что метакогнитивный CQ предсказывает интенсивность обмена новыми идеями для поликультурных команд, в отличие от культурно гомогенных, а эмоциональное доверие, в свою очередь, является медиатором между метакогнитивным CQ и обменом новыми идеями⁵.

Еще одной сферой исследовательского интереса в связи с развитием концепции культурного интеллекта стало изучение глобального лидерства. Несколько качественных исследований, основывавшихся на глубинных интервью с лидерами между-

народных организаций, подтвердили важность культурного интеллекта для лидеров, управляющих сотрудниками с различными культурными традициями¹. В исследовании высшего звена руководителей-экспатов² было обнаружено, что в процессе внедрения инноваций в организации лидеры с высоким CQ осуществляют более эффективное руководство. В другом исследовании³ было показано, что CQ лидера более тесно связан с его производительностью в условиях коллективной работы в командах с большим культурным разнообразием ее членов по сравнению с группами с меньшей разнородностью.

Исследование мультикультурных команд Рокштула и коллег⁴ показало, что самооценка CQ положительно предсказывает выявление лидера на основании оценки членов команды, после учета уровня IQ, EQ, открытости опыту и международного опыта. В другом исследовании с участием швейцарских высокопоставленных военных, Т. Рокштул и др.⁵ сравнили эффективность лидерства во внутригосударственных и международных ситуациях и выяснили роль различных видов интеллекта (IQ, EQ, и CQ) в них. Результаты показали интересную закономерность. IQ предсказал эффективность лидерства как

¹ Tay C., Westman M., Chia A. Antecedents and consequences of cultural intelligence among short-term business travelers // Handbook of cultural intelligence / S. Ang, & L. Van Dyne (Eds). NY: M. E. Sharpe, 2008. P. 126–144.

² Chen A. S. Y., Lin Y. C., Sawangpattanakul A. The relationship between cultural intelligence and performance with the mediating effect of culture shock: A case from Philippine laborers in Taiwan // International Journal of Intercultural Relations. 2011. No. 35. P. 246–258.

³ Huff K. C. Language, cultural intelligence and expatriate success // Management Research Review. 2013. No. 36. P. 596–612; Wu P. C., Ang S. H. The impact of expatriate supporting practices and cultural intelligence on intercultural adjustment and performance of expatriates in Singapore // International Journal of Human Resource Management. 2011. No. 22. P. 2683–2702.

⁴ Rockstuhl T., Ng K.-Y. The effects of cultural intelligence on interpersonal trust in multicultural teams travelers // Handbook of cultural intelligence / S. Ang, & L. Van Dyne (Eds.). NY: M. E. Sharpe, 2008. P. 206–220; Rockstuhl T., Hong Y. Y., Ng K.-Y., Ang S., Chiu C. Y. The culturally intelligent brain: From detecting to bridging cultural differences // NeuroLeadership Institute. 2010. No. 3. P. 22–36.

⁵ Chua R. Y. J., Morris M. W., Mor S. Collaborating across cultures: Cultural meta-cognition and affect-based trust in creative collaboration // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2012. No. 118. P. 116–131.

¹ Deng L., Gibson P. A qualitative evaluation on the role of cultural intelligence in cross-cultural leadership effectiveness // International Journal of Leadership Studies. 2008. No. 3. P. 181–197; Ng K.-Y., Van Dyne L., Ang S. Cultural intelligence: a review, reflections and recommendations for future research // Conducting Multinational Research, Applying Organizational Psychology in the Workplace / A. M. Ryan, F. T. L. Leong, & F. L. Oswald (Eds.). Washington, DC, Psychological Association, 2012. P. 29–58.

² Elenkov D. S., Manev I. M. Senior expatriate leadership's effects on innovation and the role of cultural intelligence // Journal of World Business, 2009. No. 44. P. 357–369.

³ Groves K., Feyerherm A. Leader cultural intelligence in context: Testing the moderating effects of team cultural diversity on leader and team performance // Group and Organization Management. 2011. No. 36. P. 535–566.

⁴ Ang S., Van Dyne L., Rockstuhl T. Cultural Intelligence: Origins, Conceptualization, Evolution, and Methodological Diversity // Advances in Culture and Psychology / Gelfand M., Chiu C. Y., Hong Y. Y. (Eds.). Vol. 5. New York: Oxford University Press, 2014. P. 1–76.

⁵ Rockstuhl T., Seiler S., Ang S., Van Dyne L., Annen H. Beyond general intelligence (IQ) and emotional intelligence (EQ): The role of cultural intelligence (CQ) on cross-border leadership effectiveness in a globalized world // Journal of Social Issues. 2011. No. 67. P. 825–840.

во внутригосударственных, так и международных ситуациях; EQ был сильным предиктором развития эффективности лидерства во внутригосударственных ситуациях; и CQ — сильным предиктором развития эффективности лидерства в международных ситуациях. Это исследование демонстрирует уникальность и дополнительную сложность взаимодействия, с которыми сталкиваются лидеры в международных ситуациях, и подчеркивает роль CQ в повышении эффективности лидеров, ведущих свою деятельность в разнообразных культурных контекстах.

Исследование межкультурных переговоров между представителями Восточной Азии и Америки¹ обнаружило, что участники переговоров с высоким CQ продемонстрировали более интегративное поведение в вопросах управления. Такое поведение, в свою очередь, положительно предсказывает взаимовыгодность сделки для обеих сторон переговоров.

Также велись исследования по изучению влияния культурного интеллекта на развитие социальных сетей. Исследования Фера и Куо (2008), а также Джирстена и коллег (2010) выявили, что CQ негативно предсказывает культурную однородность социальных сетей друзей².

Таким образом, концепция CQ сильно ориентирована на практическое применение в сфере психологии управления и организационной психологии. Исследования демонстрируют важные эффекты CQ на продуктивность трудовой деятельности, способность к адаптации, успешность межкультурного взаимодействия, особенности лидерства, ведения переговоров в мультикультурных командах и развитие социальных сетей. В современном глобализованном мире именно развитие CQ может способствовать целостной, высокопродуктивной и интегрированной работе в поликультурных компаниях.

¹ Imai L., Gelfand M.J. The culturally intelligent negotiator: The impact of cultural intelligence (CQ) on negotiation sequences and outcomes // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2010. No. 112. P. 83–98.

² Ng K.-Y., Van Dyne L., Ang S. Cultural intelligence: a review, reflections and recommendations for future research // *Conducting Multinational Research, Applying Organizational Psychology in the Workplace* / A.M. Ryan, F.T.L. Leong, & F.L. Oswald (Eds.). Washington, DC, Psychological Association, 2012. P. 29–58.

Личность в педагогической психологии

Особенности моральной ориентации в подростковом и юношеском возрасте

САБИНА БУДАГОВА

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Баку

Подростковый и юношеский возрасты являются наиболее сенситивным периодом в развитии моральной ориентации, т.е. системы основных нравственных установок и позиций личности, ее морального вектора, определяющего отношение к себе и к окружающим. Данная область востребована в психологическом консультировании подростков и юношей.

Целью нашего исследования было изучение особенностей моральной ориентации в подростковом и юношеском возрасте. Мы попытались ответить на вопросы: «Существует ли возрастная динамика при формировании моральной ориентации?» и «Существует ли гендерная специфика?».

Методологической основой послужила когнитивная традиция изучения особенностей морального развития (Ж. Пиаже, Л. Кольберг, Д. Кребс, Э. Туриель), подход к моральному развитию в работах К. Гиллиган, интегративные подходы Н. Айзенберг, Ж. Реста и др. Нами были использованы следующие методики:

- методика оценки моральных суждений «Справедливость—Забота»,
- модифицированная методика ценностей М. Рокича,
- методика «Моральные дилеммы»,
- методика измерения чувства вины и стыда,
- шкалы альтруизма и эгоизма.

Выборка состоит из 124 человек (66 мужчин, 58 женщин; 45 младшие подростки, 46 старшие подростки, 33 юноши).

Анализ особенностей ценностных предпочтений показывает, что ценность «верность» важна для всех трех возрастных групп. Для младших и старших подростков важна «общительность», для

старших подростков и юношей — «независимость», для младших подростков — «образованность», а для юношей — «чуткость и заботливость». Ценность «уметь быть полезным другим» более значима для юношей, чем для младших подростков, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Анализ особенностей ценностных проявлений показал, что ценности «доверие к людям» и «открытость», «умение быть лидером» важны представителям всех возрастных групп. Тогда как «принципиальность» важна для младших подростков, «законопослушность» — для старших подростков, а «умение быть полезным другим» — для юношей. Проявление ценностей «рационализм» и «образованность» являются более значимыми для младших подростков, чем для юношей, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Для респондентов обоих полов важны проявления ценностей «умение быть лидером», «доверие к людям» и «открытость». Для представителей мужского пола важна «законопослушность», а для представителей женского — «независимость». «Образованность» является более значимой для представителей женского пола, чем для мужского, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Опросник «Справедливость—Забота» для стадий морального развития по Л. Кольбергу показал, что на первом месте у младших подростков конвенциональный уровень: ориентация на мнение других, у старших подростков и у юношей постконвенциональный уровень: стадия универсальных этических принципов. На втором месте у представителей всех групп постконвенциональный уровень: социальный контракт, учет прав личности. На третьем месте у младших подростков показатель постконвенциональный уровень: стадия универсальных этических принципов, а у старших подростков и у юношей конвенциональный уровень: ориентация на мнение других. Показатели постконвенциональный уровень: власть авторитетов и конвенциональный уровень: социальный закон и порядок более значимы для младших подростков, чем для старших, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$. Показатели доконвенциональный уровень: власть авторитетов, боязнь наказаний, доконвенциональный уровень: инструментальный обмен — «ты — мне, я — тебе»,

и конвенциональный уровень: социальный закон и порядок — более значимы для младших подростков, чем для юношей, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Кроме того, у представителей мужского и женского пола на первом месте постконвенциональный уровень: стадия универсальных этических принципов, на втором месте у представителей мужского пола постконвенциональный уровень: социальный контракт, учет прав личности, а у представителей женского пола конвенциональный уровень: ориентация на мнение других, а на третьем месте наоборот.

Как показал опросник «Справедливость—Забота» для стадий морального развития, по К. Гиллиган и Н. Айзенберг, возрастная специфика выражена в следующем: у представителей младшего подросткового возраста и юношей на первом месте самопожертвование: рефлексивная эмпатическая ориентация, а на втором месте учет интериоризованных ценностей, защита прав других, а у старших подростков, наоборот. Однако на третьем месте у представителей всех трех подгрупп самозабоченность: ориентация на интересы других людей. Показатели — самозабоченность: ориентация на себя, на свои интересы; самоуважение: сознательный учет интериоризованных ценностей; самозабоченность: ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе — более значимы для младших подростков, чем для старших, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Опросник «Справедливость—Забота» для стадий морального развития по К. Гиллиган и Н. Айзенберг при анализе гендерных различий показал, что у представителей мужского пола на первом месте находится показатель самопожертвование: рефлексивная эмпатическая ориентация, на втором месте самопожертвование: учет интериоризованных ценностей, защита прав других, а на третьем месте самозабоченность: ориентация на интересы других людей. У представителей женского пола на первом месте показатель самопожертвование: учет интериоризованных ценностей, защита прав других, на втором месте — самопожертвование: рефлексивная эмпатическая ориентация, а на третьем месте самозабоченность: ориентация на интересы других людей.

Опросник «Альтруизм—Эгоизм» показал, что нет возрастной и гендерной динамики — степень значимости эгоизма—альтруизма для всех возрастных и гендерных групп одна и та же.

Данные, полученные по опроснику «Вина—Стыд», показывают, что на первом месте у младших подростков находится показатель вина, у старших подростков — альфа-гордость, у юношей — бета-гордость. На втором месте у младших подростков — бета-гордость, у старших подростков и у юношей — вина.

Опросник «Вина—Стыд» показал, что отсутствует гендерная динамика. Так на первом месте — вина, на втором месте — бета-гордость, а на третьем месте — альфа-гордость. Для представителей мужского пола стыд и экстернальность являются более значимыми, чем для представителей женского пола, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

РАЗЛИЧИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЯ И СИБЛИНГОВ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ ОТЦА СО СТАРШИМ И МЛАДШИМ СИБЛИНГОМ)

ФЕДОР ДЕРИШ

ЕКАТЕРИНА КРАСИЛЬНИКОВА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

При изучении особенностей внутрисемейных взаимоотношений роль отца можно рассматривать с точки зрения двух подходов. Так, представители традиционного подхода, ограничиваясь рассмотрением биологической роли отца, акцентируют его обособленность от ребенка, считая контакты с ребенком временными и более отстраненными по сравнению с материнскими. В рамках традиционной отцовской роли поведение мужчины характеризуется наблюдательной позицией¹ и отсутствием

¹ Витакер К. За пределами психики: терапевтическое путешествие К. Витакера. М., 1999.

физического контакта с ребенком¹. В то же время участие отца в процессах рождения и воспитания ребенка оказывает существенное воздействие и на супругов, и на малыша, привнося новое в их взаимоотношения.

Представители системного подхода рассматривают семью как целостную самоорганизующуюся систему, реализующую функции, обеспечивающие полное удовлетворение потребностей членов семьи. Эта система имеет внешние и внутренние границы, иерархическую структуру отношений, исключение какого-либо элемента приводит к негативным последствиям².

В исследованиях большое внимание уделяется изучению специфики взаимоотношений матери и детей в связи с размером семьи, порядком рождения, степенью влияния на формирование и вариативность личностных характеристик³. К сожалению, исследований тех же параметров у отцов незаслуженно меньше⁴.

В исследованиях семьи одной из важных проблем является взаимосвязь детско-родительских отношений в сиблинговых семьях⁵, насколько сходными и различающимися являются эти отношения. Предполагается, что различающееся родительское поведение оказывает влияние на характер сиблинговых отношений⁶.

¹ Овчарова Р. В. Влияние структуры родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству // II межрегиональная конференция «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики». Казань, 2006.

² Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.

³ Там же.

⁴ Архиреева Т. В. Личностные детерминанты отношения отца к ребенку // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 52–61.

⁵ Корниенко Д. С., Баландина Л. Л., Харламова Т. М. Интегральная индивидуальность и конфигурация семьи. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2011; Красильникова Е. Н., Дериш Ф. В. Взаимосвязи характеристик сиблинговых и детско-родительских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 47–56. http://vestnik1.pspu.ru/Series1_2014_1_1.pdf

⁶ Козлова И. Е. Личностные характеристики родителей и особенности родительно-детских отношений // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 11. <http://psystudy.ru>

Целью настоящего исследования¹ было изучение различий в отношении отцов к старшему и младшему sibлингу. В нем приняли участие 50 отцов из полных семей, имеющих двух детей. Старший ребенок в возрасте 14–16 лет, младший 8–10 лет. Разница в возрасте между sibлингами не превышала пяти лет.

Для исследования параметров взаимодействия детей и родителей использовался опросник «Взаимодействие родитель—ребенок» И.М. Марковской (ВРР). Анкета заполнялась старшим и младшим sibлингами в отношении отца (вариант для детей), а также отцом в отношении старшего и младшего sibлингов (вариант для родителей).

Рассмотрим различия в показателях взаимодействия между оценками отцов и детей. Для начала остановимся на различиях между отцом и младшим ребенком. Значимые различия получены по оценкам следующих параметров взаимодействия: «нетребовательность — требовательность», «эмоциональная дистанция — близость», «тревожность за ребенка», «непоследовательность — последовательность», «воспитательная конфронтация в семье» (табл. 1).

По большинству показателей взаимодействия средние значения детей превышают значения отцов. Младший ребенок считает, что отец предъявляет к нему больше требований, много ожидает от него, нежели оценивает сам отец. При этом отношения с отцом ребенок воспринимает как близкие и доверительные, считает, что отец беспокоится за него и желает оградить от неприятностей жизни. Отец оценивает собственную последовательность в воспитательных действиях выше, чем ребенок, в то время как ребенок определяет уровень конфликтности, конфронтации членов семьи выше, чем отец.

Далее рассмотрим различия в показателях взаимодействия между отцом и старшим ребенком. Оценки отличаются по следующим показателям: «отвержение — принятие», «отсутствие сотрудничества — сотрудничество», «авторитетность родителя» (см. табл. 1).

Отцы в большей степени, нежели дети, считают, что принимают личностные особенности и поведенческие проявления ребенка, демонстрируют партнерство в отношениях и являются авторитетом для ребенка. Дети считают, что отцы недостаточно

их принимают, не считают их равноправными членами семьи, имеющими собственное мнение. Также подростки оценивают силу влияния отца, степень значимости его мнения, поступков, действий меньше, чем сами отцы.

Таблица 1. Средние значения оценок отцов и детей по показателям взаимодействия друг с другом (звездочкой отмечены значимые различия)

Параметры отношений (ВРР)	Отношение отца к младшему sibлингу	Восприятие младшим sibлингом отношения отца	Отношение отца к старшему sibлингу	Восприятие старшим sibлингом отношения отца
Нетребовательность — требовательность	14,28*	15,30*	15,04	15,40
Мягкость — строгость	14,96	14,07	15,07	14,84
Автономность — контроль	14,89	15,06	15,15	14,95
Эмоциональная дистанция — близость	13,63*	15,34*	14,45	15,10
Отвержение — принятие	16,31	15,96	17,75*	15,56*
Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	14,09	14,25	15,52*	14,27*
Тревожность за ребенка	12,16*	14,15*	13,82	14,21
Непоследовательность — последовательность	18,67*	16,10*	16,45	15,70
Воспитательная конфронтация в семье	12,55*	14,63*	16,87*	15,22*
Удовлетворенность отношениями с ребенком/ с родителем	15,90	15,94	15,67	15,28

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14–3601332.

Рассматривая детей в зависимости от возраста, стоит учитывать характерные особенности данного возрастного периода. Формирование чувства взрослости усиливает желание подростка быть равноправным членом семьи, к мнению которого прислушиваются. Ребенок желает быть включенным во взаимодействие с родителями на основе принципов партнерства. Самооценка подростка характеризуется неустойчивостью, соответственно чувство отверженности, непонимания со стороны окружающих, в частности, родителей, является неотъемлемой частью его существования. Ведущей деятельностью подростка становится интимно-личностное общение со сверстниками, следовательно, авторитет родителей снижается и их мнение теряет свою прежнюю значимость.

Подводя итог, можно утверждать следующее: младший ребенок считает требования и ожидания отца завышенными, отец беспокоится за него и желает оградить от неприятностей жизни. В то же время отец определяет себя как более последовательного в собственных воспитательных действиях. Кроме того, младший ребенок определяет уровень конфликтности и конфронтации в семье выше, чем отец. Младшие дети оценивают характеристики своего отношения с отцом выше, чем сами отцы. Взаимодействие отца со старшим сиблингом характеризуется большей схожестью в оценках. Вероятно, это связано с тем, что старший ребенок-подросток в состоянии более адекватно оценивать отношение отца к себе.

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К РЕБЕНКУ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И К ЕГО БОЛЕЗНИ

ЗЕРНИЦКИЙ ОЛЕГ
педагог-психолог ГБОУ СОШ № 1224 САО г. Москвы

В процессе лечебно-реабилитационной и педагогической работы с семьей ребенка/подростка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) специалист должен знать особенности отношения родителей к своему ребенку. Исследование по данной проблеме было проведено нами на базе НИИ детской

онкологии и гематологии РАМН им. Н. Н. Блохина, Морозовской детской клинической больницы, Российской детской клинической больницы и других клиник. В качестве инструментария использовалась методика «Тест детско-родительских отношений» (ДРО) В. В. Столина и А. Я. Варги¹, авторская анкета для определения отношения родителей к детям и подросткам с ОВЗ и беседы.

Всего в исследовании приняли участие 326 родителей детей младшего (6–10 лет) и подросткового (11–17 лет) возраста. Респонденты были распределены по двум группам, в зависимости от диагноза ребенка — онкологического и неонкологического. Свыше 80% респондентов составляли матери, остальные — отцы и другие родственники. Среди всех респондентов из обеих групп, отвечавших на вопросы анкеты, 41% были одиноки, а 59% состояли в браке. Это может говорить о том, что в последнее время браки из-за того, что ребенок серьезно заболел, стали распадаться реже, чем это было несколько лет тому назад. Возможно, это происходит потому, что успехи медицины в лечении многих заболеваний очевидно помогают семье более эффективно справляться с проблемой больного ребенка. Можно также предположить, что сейчас ребенок с серьезным хроническим заболеванием не так сильно влияет на социальный статус мужчины, как раньше, поэтому отцы теперь чаще остаются в семье, а матери стали брать мужей в союзники в борьбе с болезнью ребенка, а не изолируют его от себя и ребенка, как это происходило раньше.

По данным Д. Гейта и Н. Хазела, в исследовании качества выполнения родительских обязанностей, проведенном в Великобритании, в семьях, имеющих хронически больных детей, 59% родителей справлялись со своими обязанностями плохо, а 41% — хорошо. При этом одинокие родители делали это хуже, чем имевшие постоянных партнеров, и совсем плохо — родители с эмоциональными и психическими проблемами. Наконец, чем больше личных и семейных проблем было у родителей, тем хуже они с ними справлялись, особенно если семья была многодетная и/или в ней имелся «трудный» ребенок. Корреляций с этнической принадлежностью родителей не зафиксировано. Одинокие родители жалуются не на недостаток практической помощи, а на отсутствие эмоциональной поддержки. С другой стороны, если

¹ Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учеб. пособие. Самара: БАХРАХ, 1998.

постоянный партнер есть и поддерживает родителя, то удовлетворены выполнением своих родительских обязанностей 57% респондентов, а если такой поддержки нет, то только 35% (что близко к показателям одиноких родителей). Поэтому одним из ключевых факторов, способствующих «хорошему родительству», считается ощущение родителями поддержки со стороны.

На вопрос «что, на ваш взгляд, следует делать родителям тяжелобольного ребенка?» мы получили следующее распределение ответов. В группе онкологии большинство родителей предпочитают отдать ребенка на лечение в специализированный медико-реабилитационный стационар — 65%, в то время как оставить ребенка в семье и организовать лечение и надомный уход решили только — 32%; обратиться к религии хотели бы только — 12%, а обратиться к нетрадиционной медицине решили — 7%.

Теперь посмотрим на результаты группы неонкологии. Здесь мы видим обратное соотношение: оставить ребенка в семье хотели бы — 51% родителей, а отдать его на лечение — 5%. Обратиться к религии в случае неонкологического заболевания хотели бы тоже только — 12% и столько же — обратиться к нетрадиционной медицине. Эти данные говорят о том, что, с одной стороны, у родителей настолько сильный страх потерять ребенка в результате онкологического заболевания, что они предпочитают отдать его в больницу, чтобы им занимался медперсонал, и быть при этом с ним рядом, чем держать его дома, неся при этом за него ответственность со всеми вытекающими последствиями. С другой стороны, мы видим, что такие заболевания, как сахарный диабет, ДЦП и другие эндокринологические и психоневрологические заболевания не являются курабельными и, возможно, поэтому родители просто не видят смысла держать ребенка в больнице, а предпочитают, чтобы он лечился дома. В случае онкологии мы видим, что последнее время процент излечимости онкологических заболеваний повышается, а лечение онкологии возможно в большинстве случаев только в условиях стационара, поэтому родители предпочитают находиться вместе с ребенком в больнице.

В ответах на вопрос «как другие члены вашей семьи относятся к болезни ребенка?» мы получили следующие результаты. В группе онкологии на первом месте стоит ответ «помогают кто как может» — 71%; на втором месте стоит ответ «с пониманием» — 49%; на третьем месте «с сочувствием и состраданием» —

40%. «Замалчивают» эту проблему 7%, а «безразлично» к ней относятся — 2%.

В группе неонкологии мы видим следующее распределение ответов: «помогают кто как может» — 58%; «с пониманием» — относятся 57%; «с сочувствием, состраданием» — 40%. При этом «замалчивают» проблему — 0% и «безразлично» к ней относятся тоже — 0%. Эти данные могут говорить о том, что для людей онкология обросла таким количеством мифов, что когда ребенок заболевает, то все родственники и знакомые действительно стараются помочь кто чем может и относятся к ребенку с состраданием и сочувствием, но при этом часть родственников, для которых болезнь (тем более онкология) является социально дискомфортной, эту проблему замалчивают, в то время как в группе неонкологии таких ответов вообще нет. Таким образом, можно говорить о том, что для большинства семей, где есть дети с неонкологическими заболеваниями, проблема обсуждения болезни и вынесения ее за пределы семейной системы не является столь острой, как для семей, где есть дети с онкологическими заболеваниями. Возможно, здесь играет роль тот факт, что в случае неонкологического заболевания обвинений в адрес родителей бывает гораздо меньше, чем в случае онкологического, потому что про эти заболевания известно, что, как правило, они «передаются через гены», а происхождение онкологических заболеваний никому не известно, и поэтому зачастую родителей обвиняют в том, что они плохо смотрели за ребенком и т.п.

Таблица 1. Осведомленность больного ребенка о своем диагнозе (в %)

Группы	Ответы родителей (в %)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Онкология	69,0	17,0	13,8
Неонкология	82,0	14,0	4,0

На вопрос «знает ли ваш ребенок свой диагноз и прогноз течения болезни? Если «да», то обведите кружочком, кто об этом сообщил ребенку» были получены следующие ответы (табл. 1). По ответам на этот вопрос видно, что среди детей с онкологическими диагнозами доля знающих свой диагноз существенно меньше, чем среди детей с неонкологическим диагнозом. Подобное распределение ответов в группе онкологии

и неонкологии может говорить о том, что для родителей, чьи дети больны онкологическими заболеваниями, проблема сообщения ребенку диагноза стоит очень остро, несмотря на то, что в последнее время успехи медицины в лечении онкологических заболеваний очевидны. Это можно объяснить тем, что мифы об онкологических заболеваниях продолжают набирать силу, а также тем, что родители боятся нанести ребенку психическую травму рассказом о том диагнозе, который у него есть. Возможно, это — своего рода психологическая защита от проговаривания травматичного факта страшной болезни. Недаром примерно 14% родителей детей с онкопатологией вроде бы не знают, известен ли их ребенку диагноз (это в 3,5 раза больше, чем среди родителей детей с неонкологическими заболеваниями). В то же время для родителей, чьи дети больны сахарным диабетом или ДЦП, проблема рассказа детям об их диагнозах стоит менее остро, так как эти заболевания не несут такую угрозу жизни, как рак. Так, на вопрос «разговариваете ли вы со своим ребенком о его болезни?» были получены следующие ответы (табл. 2). Эти результаты говорят о том, что для родителей детей с онкологическими заболеваниями проблема обсуждения с ребенком диагноза стоит очень остро и заключается она в том, что родителям часто не с кем поговорить о той беде, которая произошла в их семье, и не с кем поделиться своими чувствами по поводу болезни ребенка. Поскольку горе не проговорено, то родители, возможно, боятся беседовать об этом с ребенком, чтобы не напугать его, обнаружив перед ним свои страхи и чувства.

Таблица 2. Частота коммуникации родителей с ребенком по поводу его болезни (в %)

Частота коммуникации	Группы	
	Онкология	Неонкология
Постоянно	3,2	27,9
Часто	20,0	37,2
Редко	61,9	20,9
Никогда	14,3	14,0

Беседуя с родителями детей с онкологическими заболеваниями о тех причинах, по которым они не хотят говорить со своими детьми о болезни, мы узнали, что большинство родителей либо сами боятся даже произносить слово «рак», либо боятся,

что ребенок может сказать об этом кому-нибудь из посторонних (например, в школе) и тогда к нему ухудшится отношение как со стороны учителей, так и со стороны одноклассников. Другие родители боятся, что у ребенка может начаться депрессия, и тогда его состояние может ухудшиться. Мы думаем, что на самом деле за последней причиной скрывается страх родителей, что если эта тема станет явной в семейной коммуникации, то возникнет необходимость обсуждать чувства каждого из членов семьи, которые появляются в тот или иной момент лечения, а в нашей культуре обсуждать чувства друг с другом и тем более с детьми, не принято.

К сожалению, традиционный подход к вопросу информирования в отечественной клинической онкологии заключается в том, что нередко врач берет на себя ответственность оберегать пациента и/или его родственников от страшного диагноза, который, по его мнению, может лишить больного и его близких моральных сил для борьбы с болезнью. Распределение ответов по источникам информации о диагнозах было следующим. В группе онкологии чаще всего ребенку сообщал диагноз сам респондент — 33,8%, на втором месте идут «врачи или медсестры» — 18,5% и на третьем месте с большим отрывом идут «педагоги» — 7,7%.

В группе неонкологии на первом месте тоже идет сам респондент — 46,5%, на втором месте — «врачи или медсестры» — 14%, на третьем месте — «педагоги» — 7%. Следует отметить, что ответы «ребенок сам прочитал в медицинских документах» (6,2%) и «подслушал разговор взрослых» (1,5%) были отмечены только респондентами в группе онкологии. Это говорит о том, что для детей с онкологическими диагнозами диагноз — это тайна, которую они стремятся раскрыть, наблюдая беспокойство своих родителей и других родственников и делая из этого вывод, что с ними случилось нечто страшное, о чем нельзя ни говорить, ни спрашивать. Для неподготовленного психологически ребенка подобное «открытие» может стать гораздо большим шоком, чем если он это узнает от родителей (или врача)¹. Поэтому очень важно, чтобы велась работа с родителями на тему обучения разговора с ребенком о болезни.

¹ Для ребят, которые переживают из-за болезни брата или сестры. М.: Педагогическое объединение «Радуга», 1994. С. 29.

Для родителей детей с неонкологическими заболеваниями сообщить своему ребенку диагноз несколько проще, чем родителям детей с онкопатологией, поскольку неонкологические заболевания гораздо менее мифологизированы и не возбуждают у людей такого страха, как онкологические заболевания. Кроме того, стоит помнить о том, что сам факт онкологического заболевания часто приносит родителям кучу проблем прежде всего социального характера. Зачастую мать (или отец) заболевшего онкологическим заболеванием ребенка вынуждены уйти с работы, теряют друзей и то социальное окружение, которое у них было до заболевания ребенка. Поэтому, несомненно, есть часть родителей, которые пытаются скрыть факт тяжелой болезни ребенка, в том числе от него самого, чтобы не произошло утечки информации.

Интересны мнения родителей по поводу причины заболевания ребенка (табл. 3). Потребность в нахождении причин болезни происходит из стремления человека упорядочить и рационализировать окружающий мир. По мнению Оуэра¹, «человеческой природе хочется, чтобы жизнь была логичной, справедливой и под должным контролем».

На такие причины, как «плохая экология» и «плохая наследственность» чаще ссылаются родители детей с онкологическим заболеванием. Вероятно, что родители ребенка с неонкологическим заболеванием больше склонны обвинять в заболевании ребенка себя, а родители ребенка с онкологическим заболеванием из-за мифологизации болезни в обществе склонны искать причины болезни во внешних обстоятельствах. Для родителей из обеих групп характерно мистическое объяснение причин заболевания ребенка — «несправедливость судьбы», «сглаз, порча», «наказание судьбы родителей» с идеей самообвинения (в группе родителей детей с неонкологическими заболеваниями фигурирует также «нездоровый образ жизни родителей»). Достоверные межгрупповые различия выделены по таким ответам, как «плохая экологическая обстановка» и «сглаз, порча». Кроме того, родители детей с неонкологическими заболеваниями отмечали такую причину, как «неблагоприятная обстановка в детском саду или в школе».

Таблица 3. Мнения родителей по поводу причины заболевания ребенка (в %)

Причины заболевания	Группы	
	Онкология	Неонкология
Заражение от другого больного	0	3
Наказание судьбы ребенка	2	0
Наказание судьбы родителей	12	9
Неблагоприятная обстановка в детском саду или школе	0	9
Недостаточное питание ребенка	2	5
Нездоровый образ жизни родителей	0	11
Неправильное обращение	9	11
Несправедливость судьбы	10	9
Плохие взаимоотношения между взрослыми	10	11
Плохие материально-бытовые условия семьи	5	3
Плохая наследственность	20	17
Плохая экология	70	50
Сглаз, порча	20	2

На вопрос «какими качествами должен обладать “хороший ребенок”?» родители отвечали следующим образом (табл. 4). Ведущим в обеих группах респондентов является такой параметр, как «здоровье»: его отметили около 77% родителей детей с онкопатологией и 67% родителей детей с неонкологическими заболеваниями. Примерно половина респондентов выбрали такую характеристику, как «любящий родителей». Интересно, что качество «не доставляющий забот и хлопот» выбрали только 3,1% родителей ребенка с онкологическим заболеванием и никто не выбрал среди родителей ребенка с неонкологическим заболеванием. Качество «общительный» считают важным 46,2% родителей ребенка с онкологическим заболеванием и 53,5% родителей ребенка с неонкологическим заболеванием.

¹ Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. С. 68.

Таблица 4

Качества и характеристики	Группы	
	Онкология	Неонкология
Аккуратный	33,8	41,9
Вежливый, воспитанный	53,8	46,5
Веселый	33,8	37,2
Внимательный, заботливый	41,5	65,1
Дисциплинированный	18,5	25,6
Здоровый	76,9	67,4
Красивый	6,2	7,0
Любящий (ая) родителей	46,2	51,2
Не доставляющий забот и хлопот	3,1	0
Общительный	46,2	53,5
Послушный	16,9	14,0
Самостоятельный	52,3	51,2
Умный	24,6	27,9
Успешный (в учебе, труде, спорте)	21,5	34,9
Хорошо физически развитый, ловкий	18,5	20,9
Честолюбивый	6,2	0
Честный	52,3	60,5

В беседе многие родители отмечали, что их очень беспокоит отсутствие у их ребенка дисциплинированности, чаще всего это были родители подростков с тем или иным видом церебрального паралича. На вопрос о причине беспокойства, отвечали, что их ребенок не сможет выбрать профессию, не сможет полноценно работать, даже не сможет учиться, если нет привычки к дисциплине. Также многие родители детей с неонкологическими заболеваниями отмечают важность таких качеств, как «внимательность, заботливость» и «успешность в труде, спорте, учебе». Поскольку все заболевания в группе неонкологии хронические, то для родителей таких подростков очень важно, чтобы они были максимально социально приспособлены и умели бы общаться с окружающими, соответствуя социальным нормам. По мнению родителей, у вежливого и воспитанного человека, способного быть успешным в учебе, и у человека общительного гораздо больше шансов получить работу и вообще стать социально успешным, несмотря на заболевание.

В группе онкологических заболеваний родители в подавляющем большинстве отмечают важность наличия таких качеств у ребенка, как «здоровье», «воспитанность», умение «быть заботливым», «самостоятельность», а также «общительность». Дети с онкологическими заболеваниями, как правило, испытывают трудности на этапе реабилитации, испытывают их вместе с родителями, когда симбиоз, так важный на этапе лечения, когда ребенка нужно спасать, становится бесполезным и даже вредным для взаимоотношений между родителями и детьми на этапе ремиссии и в процессе реабилитации. На этом этапе необходимо формировать у ребенка (подростка) самостоятельность, новые поведенческие паттерны, преодолевать выученную беспомощность, сформировавшуюся в пору тяжелого и часто травматичного лечения, когда родителям, естественно, жалко своего ребенка и хочется избавить его от излишних забот и проблем. Часто итогом такого отношения становятся возникающие у ребенка трудности с учебой в школе, затруднения с выбором профессии из-за большого количества пропущенных уроков по причине лечения в стационаре и нередко невозможности наверстать упущенное, что ставит под угрозу аттестацию в школе и, соответственно, поступление в вуз.

При этом важно также понимать, что часто у прошедших лечение подростков формируется не совсем адекватная картина внутренней картины болезни, что, в свою очередь, влияет на выбор своего жизненного пути, в том числе профессии, не позволяет адекватно оценить свои возможности, свои возможности с точки зрения здоровья и с точки зрения наличия или отсутствия необходимых знаний для получения той или иной специальности. По нашим данным, подростки с онкологическими заболеваниями чаще, чем подростки с неонкологическими заболеваниями, хотят стать врачами, но при этом нет понимания, каких знаний им не хватает для того, чтобы поступить в соответствующий вуз. У подростков с неонкологическими заболеваниями, представления о своем профессиональном будущем более четкие. Как правило, они хорошо осознают свои недостатки, знают, какие профессии им не подходят, но часто из-за неоптимальных родительских установок, которые мы рассмотрим ниже, чувствуют себя в целом неудачниками, не верят, что им удастся достичь каких-то высот в профессии. Хотя при этом среди подростков с неонкологическими заболеваниями также

много и тех, кто считает, что у них все хорошо, что в учебе им все удастся, хотя родители при этом так не считают и оценивают своего ребенка как маленького неудачника и часто эмоционально отвергают. Поэтому так важно при работе с родителями детей с неонкологическими заболеваниями, когда идет речь о выборе профессии, прорабатывать их неоптимальное родительское отношение, стремиться сформировать принятие диагноза своего ребенка.

Таблица 5. Чувства родителей по поводу болезни ребенка (в %)

Чувства	Группы	
	Онкология	Неонкология
Безразличие	0	0
Гнев, агрессия	2	2
Грусть, печаль	23	23
Досада, обида	12	22
Жалость	29	25
Любовь	35	31
Надежда на лучшее будущее	59	42
Несправедливости судьбы	18	28
Опустошенность	3	6
Отчаяние, безысходность	10	18
Пессимизм	0	0
Раздражение	2	1
Решимость	23	18
Сочувствие	12	21
Стыд	0	2
Тоска	1	1
Тревога	39	41

Поскольку родительское отношение к ребенку включает не только когнитивную, но и эмоциональную составляющую, нас интересовали чувства, испытываемые родителями в связи с болезнью ребенка, подростка. Тем более что в исследовании В. С. Собкина и Е. М. Марич¹, которое они проводили с родите-

лями, имеющими здоровых детей-дошкольников, было обнаружено, что страх за своего ребенка является доминирующим в структуре жизненных страхов родителей, своеобразным образом определяя смысловой горизонт родительской позиции. На вопрос «какие чувства вызвала у вас болезнь вашего ребенка?» (табл. 5) были получены следующие ответы. В целом значимых различий в испытываемых чувствах между группами нет.

Ведущим для родителей больных детей оказалось такое чувство, как «надежда на лучшее будущее», причем его чаще указывают респонденты в группе онкологических заболеваний. 2–3-е места в иерархии чувств у родителей из обеих групп занимают «любовь» и «жалость». Отметим, что как для родителей детей группы онкологии, так и для родителей детей с неонкологическими заболеваниями, преобладающими чувствами являются «грусть, печаль» и «жалость», что, безусловно, отражается на видении родителем профессионального будущего своего ребенка. Связано это с тем, что родители, особенно в случае детей с диагнозом ДЦП, опасаются за их будущее, боятся, что когда они сами умрут, их дети могут оказаться в интернате, а получение профессии, даже самой неквалифицированной, в данном случае воспринимается как недостижимая мечта. При этом такое чувство, как «надежда на лучшее будущее» чаще испытывается родителями детей с онкологическими заболеваниями, в то время как родители детей с неонкологическими заболеваниями чаще испытывают тревогу и ощущение несправедливости судьбы в связи с проблемами образования для детей с сочетанными нарушениями. Как показала в своем исследовании И. П. Киреева¹, у большей части родителей, чьи дети страдают угрожающими заболеваниями, выявлялись психические расстройства, спровоцированные психотравмирующей ситуацией. Они проявлялись у большинства родителей падением работоспособности, доминированием в душевном состоянии тревоги, депрессивными идеями самообвинения, когда родители полагали, что они виноваты болезни ребенка, а теперь не способны обеспечить

¹ Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Т. VII. Вып. XII. М.: Центр социологии образования РАО, 2002. С. 82.

¹ Киреева И. П. Психосоциальные аспекты детской онкологии // Материалы 1-й Всероссийской конференции с международным участием. «Социальные и психологические проблемы детской онкологии». Москва 4–6 июня 1997. С. 39.

уход за ним, выполнить назначения врача. В некоторых случаях наблюдались идеи отношения, близкие к бреду преследования, когда больным родителям казалось, что других детей лучше лечат и т.д. Практически никто из родителей, страдающих психическими расстройствами, за помощью не обращался. Педиатры, как правило, не подозревали о наличии психических отклонений у родителей, замечая только их внешнюю сторону — нарушения поведения. Автор считает, что коррекция психических нарушений у родителей необходима не только для восстановления их самочувствия и работоспособности, но и потому, что без психокоррекционной помощи семье невозможно формирование у нее адекватного отношения к болезни и лечению ребенка.

Теперь проанализируем специфику родительского отношения к детям и подросткам с онкологическими и с неонкологическими заболеваниями (табл. 6).

Таблица 6

Группы	Родительское отношение (в %)				
	Отвержение	Кооперация	Симбиоз	Авторитарная гиперсоциализация	Маленький неудачник
Онкология	28	87	66	61	51
Неонкология	25	91	55	43	30
Норма	17	92	36	31	31

Ведущим родительским отношением в группе онкологии являются: «авторитарная гиперсоциализация», «маленький неудачник» и «кооперация». Можно предположить, что такое родительское отношение, как «гиперсоциализация» и «маленький неудачник» затрудняет для подростка принятие решения о выборе для себя профессии, так как семья формирует у ребенка осознание себя как мало к чему пригодного человека, неудачника, при этом предъявляет к подростку завышенные требования. В то же время такой стиль родительского отношения, как «кооперация», наоборот, способствует формированию у подростка понимания себя как самоценного человека, чье мнение о выборе для себя профессии не просто учитывается, а родитель активно поддерживает выбор своего ребенка, формируя у него при этом активную позицию для определения собственного жизненного пути.

В группе неонкологии ведущим родительским отношением, также является «кооперация», а на втором месте — «симбиоз». Здесь нужно отметить, что в случае хронических заболеваний, представленных в группе неонкологических заболеваний, симбиоз как стиль родительского отношения чаще негативно влияет на выбор профессионального будущего для подростка с ОВЗ. Так, одной из проблем, например при ДЦП, является пониженная психическая активность ребенка. Часто нежелание что-либо делать самому и проявлять инициативу связано с преодолением боли при движении, преодолением физической слабости и нежеланием что-либо менять в своей жизни. Поэтому важно понимать, что при работе с семьями детей с ОВЗ необходимо корректировать неоптимальные родительские установки, способствующие стигматизации подростка с ОВЗ и препятствующие его самоактуализации, так необходимой для любого человека независимо от состояния его здоровья.

Выводы

1. В группе онкологических заболеваний родители в подавляющем большинстве отмечают важность таких качеств у ребенка, как здоровье, воспитанность, умение быть заботливым и самостоятельным. Многие родители детей с неонкологическими заболеваниями отмечают важность таких качеств, как «внимательность, заботливость» и «успешность в труде, спорте, учебе». Поскольку заболевания в группе неонкологии все хронические, то для родителей таких подростков очень важно, чтобы они были максимально социально приспособлены и умели бы общаться с окружающими, соответствуя социальным нормам.
2. Чувства родителей по поводу болезни ребенка являются преимущественно стимулирующими — «любовь» и «решимость», причем отношение к болезни родителей ребенка с онкологическим заболеванием является более активным.
3. Такое чувство, как «надежда на лучшее будущее» чаще испытывается родителями детей с онкологическими заболеваниями, в то время как родители детей с неонкологическими заболеваниями чаще испытывают тревогу и ощущение несправедливости судьбы в связи с проблемами образования

- для детей с сочетанными нарушениями и в связи с проблемами получения профессии.
4. При работе с родителями подростков с ОВЗ по вопросам профориентации важно учитывать специфику отношения родителей к своим детям с ОВЗ и учитывать это отношение при разработке профориентационных программ и методов, а также методов психокоррекционной и психологической помощи.
 5. Поддержка больных детей и членов их семей должна носить как кратковременный, так и долговременный характер, т.е. начинаться с момента сообщения диагноза, продолжаться во время лечения и реабилитации и по возможности не заканчиваться и после процесса лечения.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ УСПЕВАЕМОСТЬ

Аян Исмаилова

Филиал Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова в городе Баку

Имплицитные и эксплицитные теории личности были введены в научный оборот в 1980-х гг. Р. Стернбергом, который противопоставлял имплицитные теории (ИТ) эксплицитным теориям (ЭТ) как относящимся к сфере научного знания. В работах исследователей разных стран была доказана связь академических достижений учащихся с имплицитными теориями интеллекта и личности¹. Кросскультурный аспект изучения имплицитных теорий человека показывает, что представления об уме и умном человеке могут отличаться у представителей разных культур.

При проведении исследования мы ставили перед собой следующие цели: сравнить имплицитные теории у азербайджанских

и российских студентов; установить, какое место имплицитные теории интеллекта и личности занимают в регуляции учебной деятельности. Можно предполагать, что ИТ входят в интеллектуальную Я-концепцию личности, и значит, кросскультурные различия в них следует связывать с другими личностными особенностями. Опрошенные студенты учатся по одинаковым программам в Москве и Баку, вместе с тем их личностные особенности не могут не включать в их становление детерминацию со стороны принятых в культуре норм отношения к неопределенному будущему, к новизне, к другому человеку и к себе, поскольку культура влияет на их когнитивное развитие. Для российских выборок шкалы ИТ уже были апробированы, а для азербайджанских — нет, поэтому перед нами встала специальная задача по апробации опросника имплицитных теорий на азербайджанских выборках. Мы предполагали, что при апробации на азербайджанской студенческой выборке опросник Двек—Смирнова, во-первых, проявит сходную 4-факторную структуру. Во-вторых, при изучении кросскультурных различий в выраженности имплицитных теорий и целевых ориентаций между студентами азербайджанской и российской выборок большей выраженности ИТ следует ожидать, скорее, у российских студентов, поскольку у них могут быть большие перспективы подтверждения их интеллектуальной компетентности благодаря большей сфере профессионального общения, а большую направленность на целевые ориентации — у азербайджанских, поскольку для них более контролируемы и связываемы с эффективностью обучения оказываются оценки как показатели академических достижений. В-третьих, ожидалось наличие положительных связей между академической успеваемостью азербайджанских студентов, их целевыми ориентациями и инкрементальными теориями интеллекта и личности.

На 1-м этапе исследования нами проверялись гипотезы о 4-факторной структуре опросника имплицитных теорий отдельно для российской и азербайджанской выборок. На 2-ом этапе по трем опросникам тестировались и сравнивались две группы студентов, отличающихся принадлежностью к бакинской — азербайджанской и московской — российской выборкам. Все участники исследования учились в МГУ в Москве и в Баку — Бакинском филиале МГУ.

¹ Двек К. Новая психология успеха. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007; Иванова В. П., Корзинкова Д. Н., Шумская Н. А. Психологические особенности учащихся как фактор успешности их обучения. Сравнительный анализ // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 1.

На 1-м этапе российскую выборку составили 884 выпускника: 724 девушки и 150 юношей, 10 респондентов не указали свой пол; средний возраст опрошенных 21,1 ($SD=4,87$). Азербайджанскую выборку составили 265 человек – 180 девушек, 85 юношей от 17 до 27 лет, средний возраст – 19,2 ($SD=1,83$). Все они участвовали в обоих этапах исследования. На 2-ом этапе из российской выборки были оставлены только студенты в возрасте от 17 до 27 лет, как и в азербайджанской выборке. Эти 359 российских студентов прошли обследование по всем трем методикам; из них 303 девушки и 56 юношей (средний возраст – 19,35, $SD=0,98$); по тем же методикам были обследованы и 265 бакинских студентов.

Используемый опросник имплицитных теорий интеллекта и личности Двек—Смирнова включает 28 вопросов с 5-бальной оценкой Лайккерта (от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен»).

Итак, были получены следующие результаты.

Самая сильная положительная связь ($r=0,505$, $p<0,001$) установлена между успеваемостью и шкалой «самооценка обучения», что вполне логично, так как оценки — это обратная связь по поводу приобретенных знаний. Она дает возможность сформулировать собственные представления об учебном процессе, о своем месте в иерархии других учеников, а также оценить эффективность и субъективную цену прилагаемых в учении усилий. Увеличение показателя по шкале означает принятие *инкрементальной теории*.

Установлены положительные связи ($r=0,195$, $p<0,05$) между успеваемостью и имплицитной теорией «приращаемого интеллекта». Увеличение показателя по шкале означает принятие *инкрементальной теории*. Таким образом, оценки выше у тех студентов, которые считают, что интеллект может развиваться в процессе обучения.

Установлена отрицательная связь ($r= -0,197$, $p<0,05$) между успеваемостью и имплицитной теорией «развивающейся личности». У студентов с *константной теорией* — представлениями, что личность не развивается, выше успеваемость. Можно предположить, что, по их мнению, чем больше они учатся и достигают академических успехов, тем меньше они могут уделять внимания и времени внеучебной деятельности, которая, возможно, и способствовала бы личностному развитию. Этот результат

противоречит результатам, полученным на российской и киргизских студенческих выборках¹. Предмет нашего дальнейшего исследования — понять, почему более высокие академические достижения наблюдаются у студентов с такой ИТ.

Установлена положительная связь ($r=0,370$, $p<0,001$) между успеваемостью и шкалой «принятие целей обучения». Это означает, что студенты с высокой успеваемостью ориентированы на внешний результат, на процесс учения и достижения в нем конкретных целей. Увеличение по этой шкале означает ориентацию целей обучения на овладение мастерством.

СИБЛИНГОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗЛИЧИЙ В ВОСПРИЯТИИ ДЕТЬМИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

ДМИТРИЙ КОРНИЕНКО
ФЕДОР ДЕРИШ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет

Проблема различий сиблинговых детей в одной семье имеет в психологической науке длительную историю. Одним из первых позиции детей в семье на основе порядка и пола были обозначены А. Адлером², а затем развиты в работах В. Томана³ и М. Боуэна⁴. Работы, направленные на изучение роли порядка рождения в развитии личности, показали, что основную роль играют детско-родительские отношения, а не порядок рождения⁵.

¹ Иванова В.П., Корзинкова Д.Н., Шумская Н.А. Указ. соч.

² Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: пер. с англ. М.: Академический проект, 2007.

³ Toman W. Family Constellation as a Character and Marriage Determinant // Int. J. Psychoanal. 1959. No. 40. P. 316–319.

⁴ Bowen M. A Family Concept of Schizophrenia // The etiology of schizophrenia / ed. by D. Jackson. N. Y.: Basic Books, 1960. P. 346–372.

⁵ Brody G.H.; Stoneman Z., McCoy J.K. Associations of Maternal and Paternal Direct and Differential Behavior with Sibling Relationships: Contemporaneous and Longitudinal Analyses // Child development. 1992. Vol. 63. P. 82–92.

Однако отношения, которые складываются между детьми, также определяют личность каждого ребенка¹. Одна из актуальных проблем — изучение того, как дети воспринимают отношения родителей². Несмотря на разработанность этой темы, остается открытым вопрос о том, как воспринимают отношения родителей дети из разных сиблинговых конфигураций, поэтому целью данного исследования³ стало сравнение оценок родительского (материнского и отцовского) отношения в связи с сиблинговой конфигурацией.

Участниками исследования выступили 50 полных семей, имеющих двух детей. Средний возраст родителей 39 лет. Возраст старшего ребенка 14–16 лет, а младшего — 8–10 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышает пяти лет. Количество девочек составляет 81 человек, мальчиков — 59. Вся выборка была разделена на четыре подгруппы, соответствующие сиблинговым конфигурациям: пара мальчиков (22), пара девочек (11), старший мальчик — младшая девочка (15), старшая девочка — младший мальчик (22). Для исследования параметров взаимодействия детей и родителей использовался опросник «Взаимодействие родитель—ребенок» (вариант для детей) И.М. Марковской. Анкета заполнялась детьми об отношениях матери и отца. Для выявления различий между показателями взаимодействия сиблингов с родителями использовался сравнительный анализ средних значений с помощью t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

При сравнении оценок старших и младших сиблингов по параметрам взаимодействия с родителями в парах детей разной сиблинговой конфигурации было обнаружено следующее.

¹ Например, *Козлова И.Е.* Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4 (12). <http://psystudy.ru>; *Dunn J.* Annotation: sibling influences on childhood and development // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1988. Vol. 29. No. 2. P. 119–127.

² *Hindman J.M., Riggs S.A., Hook J.* Contributions of executive, parent-child, and sibling subsystems to children's psychological functioning // *Couple and Family Psychology: Research and Practice*, 2013. 2 (4), P. 294–308; *Lam C.B., Solmeyer A.R., McHale S.M.* Sibling differences in parent-child conflict and risky behavior: A three-wave longitudinal study // *Journal of Family Psychology*. 2012. Vol. 26 (4). P. 523–531.

³ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14–3601332.

Младшие дети, в отличие от старших, оценивают матерей как более эмоционально близких. В свою очередь, старшие дети оценивают отцов как более требовательных. Вероятно, данные различия связаны с тем, что общение матери с младшим школьником отличается большей эмоциональной насыщенностью, кроме того, матери проводят объективно больше времени с младшим ребенком. Основным параметром отцовского отношения, который оценивается сиблингами как разный, является «нетребовательность—требовательность». При этом старшие мальчики оценивают выше требовательность отца, тогда как старшие девочки — требовательность матери. В сиблинговой паре мальчиков есть различие в оценке материнской близости. Вероятно, строгость и требовательность в отношении старшего ребенка связаны с полом родителя: так мальчики оценивают отцов, а девочки матерей как более требовательных.

Различия в оценке характеристик отцовского и материнского взаимодействия старшим и младшим ребенком в связи с сиблинговой конфигурацией проявились в следующем. В паре сиблингов мальчиков, дети в большей степени удовлетворены отношениями с матерью, нежели с отцом, независимо от старшинства. При этом старшие считают, что взаимодействие матери носит более принимающий и сотрудничающий характер, а взаимодействие отца характеризуется большей строгостью и некоторой авторитарностью. Для младшего сиблинга мать в целом более авторитетна, чем отец. Сходным образом оценивают взаимодействие с матерью старшие и младшие дети в паре «мальчик—девочка». Младшая девочка также воспринимает мать как более принимающую и менее требовательную.

В паре «старшая девочка — младший мальчик» взаимодействие матери со старшим оценивается как контролирующее. В паре сиблингов девочек старшими детьми взаимодействие с матерью воспринимается как более контролирующее, чем взаимодействие с отцом, при этом старшие удовлетворены взаимодействием с матерью в большей степени. В свою очередь, с позиции младшей девочки взаимодействие с матерью носит более принимающий характер.

В целом полученные результаты отражают тот факт, что сиблинги по оценкам их взаимодействия с родителями имеют больше сходств, нежели различий. Различие проявляется при оценке характеристик требовательности со стороны отца,

старшие чаще оценивают его как более требовательного. Вероятно, это связано с тем, что ребенок-подросток может рассматривать родительское отношение более критично по сравнению с младшим школьником. Кроме того, родители, в частности отец, могут проявлять больше контролирующих воздействий в отношении подростка, чем в отношении младшего школьника. Данные различия также позволяют предполагать взаимодействие факторов пола и порядка рождения сиблингов, которое отражается в специфике восприятия взаимоотношений с родителями.

Различия восприятия сиблингами параметров взаимодействия отдельно с каждым из родителей проявились для пар с разной сиблинговой конфигурацией. В целом, независимо от сиблинговой конфигурации старшие дети склонны дифференцировать материнское и отцовское отношение, тогда как младшие в большинстве случаев оценивают его одинаково.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ ПОДРОСТКОВ

ИРИНА КОШЦЕЕВА

Кафедра возрастной психологии факультета психологии
МГУ имени М. В. Ломоносова

Никто не станет отрицать тот факт, что человек с серьезным (тем более тотальным) нарушением зрения развивается, живет несколько иначе, чем зрячий. Многие исследования показывают, что дефект зрения накладывает отпечаток как на восприятие, мышление, деятельность, так и на сферу взаимоотношений с окружающим миром. Но как это сказывается на психологическом состоянии и развитии слабовидящих и слепых подростков?

Как известно, подростковый возраст — это период возникновения рефлексии и формирования самосознания. Подросток начинает исследовать себя, анализировать сферу своих взаимоотношений, строить планы на будущее. Именно в подростковом возрасте происходит глубокое осознание своего дефекта, подросток с нарушением зрения начинает понимать, что он не такой, как все, и что ему не доступны многие виды деятельности.

В последнее время в психологии все более распространенным становится подход к анализу проблемных сторон развития детей, подростков и взрослых, основанный на понятии *психологического благополучия* личности. Однако исследований психологического благополучия (ПБ) слепых и слабовидящих подростков нами не было обнаружено. Нас заинтересовал вопрос: «Какова степень и специфика структуры психологического благополучия подростков с нарушением зрения?» В качестве отправной точки для исследования мы воспользовались известной концепцией К. Рифф¹, где в структуру психологического благополучия личности входят шесть компонентов: позитивные отношения с окружающими, самопринятие, автономия, компетентность, целеустремленность и личностный рост.

Цель данного эмпирического исследования (проведенного под руководством доцента Г. В. Бурменской) заключалась в том, чтобы определить особенности психологического благополучия у подростков с дефектом зрения, согласно показателям Рифф, а также дополнить их показателями привязанности к матери, общей жизненной ориентации, формирующихся базовых убеждений (представлениями о мире) и субъективного благополучия.

Была выдвинута *общая гипотеза* о том, что в силу существенной специфики условий развития, деятельности и жизни в целом показатели психологического благополучия у подростков с нарушением зрения отличаются рядом особенностей. В качестве *частных гипотез* мы предполагали, что 1) уровень общего психологического и субъективного благополучия у подростков, не имеющих нарушения зрения выше, чем у подростков, имеющих зрительные нарушения; 2) показатель привязанности к матери выше у подростков с нарушением зрения, чем у их зрячих сверстников; 3) базисные убеждения и показатели оптимизма/пессимизма у слабовидящих подростков негативным образом отличаются от аналогичных показателей их зрячих сверстников.

Для проверки этих гипотез было проведено исследование, в котором приняли участие 32 подростка в возрасте от 11 до 18 лет, учащихся специальной (коррекционной) общеобразовательной школы III и IV вида (г. Москва). В исследовании приняли участие 13 девочек и 19 мальчиков, имеющих

¹ Ryff C. Psychological Well-Being in adult life//Current Directions in Psychological Science. 1995. No. 4. P. 99–104.

серьезные нарушения зрения. Полученные результаты сравнились с данными контрольной группы¹, в которую вошло 37 подростков в возрасте от 13 до 15 лет, не имеющих нарушений зрения (24 девочки и 13 мальчиков).

В проведенном нами исследовании использовались следующие методики: 1) модифицированный вариант опросника «Шкала психологического благополучия»²; 2) опросник для определения привязанности к родителям (Амсен, Гринберг); 3) тест на жизненную ориентацию (оценку оптимизма/пессимизма); 4) сокращенный вариант опросника «Шкала оценки базисных убеждений»³; 5) методика «Шкала субъективного благополучия»⁴; 6) проективная методика «Незавершенные предложения» (в авторской модификации).

Включение методик, направленных на определение уровня привязанности к матери, оценку оптимизма/пессимизма, базисных убеждений и субъективного благополучия, позволило наиболее полным образом конкретизировать психологическое благополучие подростков с нарушением зрения.

Результаты исследования показали, что наиболее сильной стороной психологического благополучия подростков с нарушением зрения (по их оценке) является сфера *взаимоотношений с окружающими*. Но вопреки нашим ожиданиям, они также были склонны позитивно оценивать свою компетентность, т.е. способность справляться с текущими жизненными проблемами. В то же время у них отмечались низкие показатели по уровню самопринятия и личностного роста. В целом в обследованной выборке подростки имеют умеренно положительный общий уровень психологического благополучия, но каждый шестой из них (15% выборки) обнаруживает явные признаки субъективного психологического неблагополучия; лишь один подро-

сток имел действительно высокий уровень психологического благополучия (данные опросников получили подтверждение в клиническом исследовании).

Таким образом, общая гипотеза о различии уровней психологического благополучия у слабовидящих и зрячих подростков подтвердилась. Между выборками слабовидящих и зрячих подростков были установлены статистически значимые различия (не в пользу слабовидящих) в оценках таких компонентов психологического благополучия, как оптимизм/пессимизм, базисные убеждения и субъективное благополучие. Подростки с нарушением зрения имеют показатели самопринятия, компетентности, цели в жизни, личностного роста, общего показателя психологического благополучия, доброжелательности окружающего мира, веры в удачу, напряженности и чувствительности значительно ниже, чем их зрячие сверстники. В то же время абсолютное большинство слабовидящих подростков имеют высоконадежную привязанность к матери, хотя и здесь имеется неблагоприятная по данному признаку группа подростков (около 16% выборки).

Эмоциональный аспект психологического состояния подростков характеризует тот факт, что наблюдается чрезвычайно широкий разброс подростков по степени оптимизма/пессимизма: от низкого до высокого как по шкале оптимизма, так и по шкале пессимизма.

Гендерный аспект различий проявился весьма ограниченно. Значимые различия были получены только в оценке автономии: слабовидящие мальчики ощущают себя более автономными, чем их сверстницы.

В целом, как и предполагалось, подростки с хорошим зрением имеют показатель субъективного благополучия выше, чем их сверстники со зрительной недостаточностью, что свидетельствует о далеко не полной компенсации ограничений из-за дефектов зрения.

Исследование *базисных убеждений* подростков с нарушением зрения выявило одно из наиболее слабых мест в картине их психологических особенностей. Представления о фундаментальных основаниях окружающего мира (по сравнению со зрячими сверстниками) можно охарактеризовать как довольно мрачные: основная их часть имеет негативное представление о справедливости и доброжелательности окружающего мира, считает мир

¹ Кутнюк Д. А. Родительское принятие/отвержение и особенности психологического благополучия подростков. Дипломная работа. М.: МГУ, 2014.

² Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

³ Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 98–106.

⁴ Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль: Психодиагностика, 1996.

скорее несправедливым и нередко враждебным, а также они слабо верят в благосклонность судьбы или возможность удачного стечения обстоятельств.

Хотя полученные результаты носят предварительный характер (прежде всего из-за относительно малой выборки), на наш взгляд, они представляют интерес и могут стать предметом дальнейших — более глубоких и узконаправленных — исследований как в силу актуальности проблемы, так и слабой ее изученности.

Трудности в социально-психологическом процессе адаптации людей с особыми способностями

КСЕНИЯ СЕЛИНА

Институт социальных наук Иркутского государственного университета

Люди с особыми способностями имеют немалые трудности в социально-психологическом процессе адаптации. Этому способствуют две ключевые проблемы: дискриминация со стороны общества и отсутствие социальных условий для их достойного существования. В первом случае такие люди зачастую подвергаются неприятию общества: если человек не такой, как все, то он не достоин положительного отношения. Но это относится в основном к детям. В силу своего возраста или же недолжного воспитания многие дети просто не умеют сострадать ближнему, следовательно, не осознают серьезность проблемы. Многие родители боятся отдавать детей с такими особенностями в обычные образовательные учреждения, где над ними могут издеваться или тыкать в них пальцем, что несомненно влияет на психику человека. Он будет испытывать постоянный стресс, вследствие этого состояние его здоровья может ухудшиться. В такой атмосфере сложно найти друзей. В силу ограниченных способностей некоторые из таких детей не имеют возможности для совместных развлечений со сверстниками, что может отталкивать последних. В некоторых случаях, если у ребенка с особыми способностями есть школьный друг, то он может подвергнуться осужде-

нию со стороны одноклассников, что сможет вызвать агрессию со стороны угнетенных и раскол коллектива в классе. Такая ситуация может негативно влиять на учебный процесс. Чтобы избежать подобных проблем, в школах обязательно должны быть уроки толерантности, которые помогут детям принимать и понимать друг друга. Но практически все ситуации индивидуальны, ребенку с такими особенностями может повезти с окружением, где он не будет чувствовать себя непохожим на своих сверстников. Стоит заметить, что у людей бывает разная степень тяжести заболевания. Следовательно, часть детей может учиться в обычных школах, кто-то на дому или же в специальных учебных заведениях. Я считаю, что если есть возможность, то ребенку лучше учиться в обычных образовательных учреждениях, чтобы он чувствовал себя полноценной личностью, общался не только с себе подобными. Метод адаптации помогает сгладить многие психологические комплексы, при которых уже сформировавшийся человек в будущем не сможет должным образом выстроить себе жизнь. Но к сожалению, не все образовательные учреждения имеют подходящие условия для людей с особыми способностями. И даже не все учителя обладают такими педагогическими компетенциями, которые помогут найти подход к такому человеку. Этот вопрос тоже стоит вынести на обсуждение.

Проблема, которая очень актуальна сегодня: для людей с ограниченными способностями зачастую социальные условия для жизни не создаются. Многие из инвалидов не приспособлены к обычной жизни без какой-либо помощи. Не везде есть специальные условия для реализации потребностей таких людей — ни в кино, ни в театрах, ни в музеях, ни в других культурных заведениях. Также у них возникают трудности при устройстве на работу. По статистике, на 2014–2015 гг. в России живут 13 млн инвалидов и только 800 тыс. из них трудоустроены. Этим вопросом уже занялась государственная власть, которая способствовала созданию профсоюзов, помогающих разработать систему улучшения трудоустройства людей с особыми способностями.

Мы обязаны принимать людей с ограниченными способностями такими, как они есть, и обеспечивать им всеми силами свободное существование в обыденной жизни.

ФЕНОМЕНЫ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА У ДЕТЕЙ БЕСЛАНА

МАРИНА ТЕКАЕВА

Институт психолого-педагогических проблем детства РАО

Феномены бесланского посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) первично обнаружены при анализе ситуации теракта и последующих обращений за помощью к специалистам, работавшим в Беслане, в наблюдениях школьных учителей и др. Динамика развития ПТСР у бесланских детей в некоторых случаях совпадает с картиной, наблюдаемой при других травматических обстоятельствах, а в некоторых случаях специфична. Исследования данной специфики дают возможность наметить адекватные пути психологической помощи в условиях массовой травмы, лучше осознать природу психологических механизмов развития ПТСР. Однако эта труднодоступная для исследования сфера еще мало изучена в мировой науке.

Наше исследование¹ посвящено изучению феноменов и динамике развития ПТСР у детей-заложников и детей-свидетелей. Лонгитюд проводился с 2005 по 2014 г., при этом ставилась задача отследить момент завершения стрессового расстройства, цель — дать рекомендации психологам, психотерапевтам и педагогам. Нами были сформулированы следующие гипотезы.

1. Консервация «переживаний» в социуме «замораживает» симптоматику и динамику ПТСР и динамику защитных механизмов, удлиняя острый период у детей младшего школьного возраста (и заложников, и у свидетелей).
2. «Заморозка» симптоматики удлиняет острый период и затягивает динамику ПТСР у детей младшего школьного возраста (и заложников, и у свидетелей).

С 2005 г. на базе школы № 1 города Беслана проводилось обследование учащихся с целью выявления личностных и эмоцио-

нальных особенностей (психологического состояния) детей школы (заложников и свидетелей). Диагностика на тот момент была одной из эффективных мер для организации психологической помощи и выбора форм поддержки детей, родителей, учителей и администрации школы. Результаты диагностики 2006 г. показали отрицательную динамику психологического состояния (эмоции, поведение) детей-заложников и детей-свидетелей, что сделало очевидным продолжение диагностических обследований.

Объем выборки всего обследования составил 700 детей. Данное исследование сфокусировано на части всей выборки, а именно на младшем школьном возрасте (28 младших школьников 6–7 лет, т.е. 1996–1997 г. р.), 1–4-й классы: в 2005–2006 учебном году — 1-й класс, в 2007–2008 учебном году — 3-й класс, в 2008–2009 учебном году — 4-й класс. Также использовались материалы наблюдений за 4 года (2005–2008).

Общая характеристика группы. Гендерный состав: девочек — 53% и 47% — мальчиков. В данной выборке пятеро детей из числа бывших заложников (первоклассники 2004–2005 уч. г. в 2005–2006 уч. г. пошли на повторное обучение в 1-й класс). Двое детей из семьи пострадавших (в заложниках были братья, сестры или родители). Двадцать один ребенок на момент трагедии были дошкольниками и, находясь в городе, стали свидетелями теракта. Со слов классного руководителя (бывшая заложница), у детей-первоклассников наблюдались трудности в адаптации, а также некоторые проявления, которые вызывали настороженное отношение со стороны взрослых. Например, дети отказывались ходить в школу, быстро утомлялись, часто жаловались на головную боль и боль в животе, часто дрались, пугались громких звуков, отмечалась повышенная плаксивость, многократное проигрывание ими травматического сюжета захвата школы, войны и горя. По моим наблюдениям, дети играли с крупными модулями следующим образом: строили «домики», прятались в них и играли в жертв и спасателей, «добрых» и «злых». Постоянная потребность в еде и питье была особенно свойственна детям-заложникам.

Для изучения динамики ПТСР у детей-заложников и детей-свидетелей использовался психодиагностический комплект, подобранный В. В. Брофман, включающий в себя проективные методики и методики, направленные на анализ образа будущего. Две из них были разработаны специально для бесланских

¹ Данное исследование выполнено под руководством В. В. Брофман.

исследований. Диагностический скрининг всех учеников школы проводился с частотой 1–2 раза в год. Методом экспертной оценки каждый раз выделялась группа риска, для чего были разработаны 8 специальных критериев. 500 работ экспортировались по этим критериям.

Психодиагностический комплект состоит из методик: «Нарисуй человека» (далее — «Рисунок человека»), «Несуществующее животное»; «Я по дороге в школу, я в школе, я по дороге из школы» (специально разработана В.В. Бروفман) для выявления отношения ребенка к локусу травматического события; «Рисунок семьи» позволяет выявить внутрисемейные отношения; «Дом — дерево—человек» — тест, представляющий собой расширение теста «Рисунок человека», выявляет личностные особенности и дает дополнительную информацию о психологических особенностях ребенка по отношению к своей семье; «Три желания» (В.В. Бروفман, 2005) — тест направлен на изучение сферы мотивов и желаний; «Сон, который хочу видеть» и «Сон, который не хочу видеть» (В.В. Бروفман, 2005) направлен на выявление страхов и переживаний.

Следует отметить, что до настоящего времени не существует единства мнений по поводу понимания основного психологического механизма, составляющего основу проективных методов диагностики. Проективные методики универсальны в отношении возрастных групп. Их возможно использовать, начиная с дошкольного и заканчивая преклонным возрастом. Мы считаем, что метод изучения продуктов творчества, в случае с Бесланом, являлся наиболее безопасным в работе с травмированными детьми. Большинство детей испытывали трудности вербализации травматического опыта, а данный метод позволял ребенку опосредованным (рисуночным) способом выразить свои переживания и страхи. Более того, метод не требует специального оборудования (листы бумаги и набор цветных карандашей), удобен в проведении в любой ситуации, как оказалось и в чрезвычайных условиях, быстр и удобен в обработке.

ОБРАБОТКА ДАННЫХ ДИАГНОСТИКИ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По мысли К. Маховер, существуют «универсальные» показатели, которые не зависят от темы рисунка, но которые являются диа-

гностичными с точки зрения личностных проявлений в рисунке. К ним относятся структурные и формальные признаки рисунка: расположение рисунка на листе бумаги, пропорции отдельных частей рисунка, его величина, стиль раскрашивания, сила нажима карандаша, стирание рисунка и его отдельных частей, выделение отдельных деталей¹. В нашем анализе к структурным критериям мы отнесли **общие критерии**: личностные характеристики (направленность, общая динамика, возбудимость, нестабильность эмоциональных состояний); эмоциональность (положительные и отрицательные эмоции, пониженный или повышенный эмоциональный фон). Вместо формальных критериев мы ввели **специальные критерии**, позволяющие выявить симптомы ПТСР (тревогу, страх, агрессию, чувство одиночества и др.). Сочетание каких-либо признаков предполагает симптом ПТСР или комплекс расстройств. Специальные критерии были выделены методом экспертной оценки и апробировались не один год. Они позволяют провести более детальный анализ рисунков, мы применяем их в методиках «Я иду в школу», «Рисунок семьи», «Дом—дерево—человек» и «Несуществующее животное». К ним относим: сюжет, часть тела, где выделен штрих, отсутствующие части тела. Отдельно к методике «Дом—дерево—человек» критерий — отсутствующие элементы в сюжете, а также к методике «Несуществующее животное» критерии — дополнительные части тела, возраст персонажа. Для фиксации ответов использовалась 4-балльная шкала измерений.

В табл. 1 представлены методики и параметрические критерии, на основе которых осуществлялся анализ детских рисунков.

На основании статистических различий в лонгитуде 2005–2006 учебный год (1-й класс), 2007–2008 учебный год (3-й класс), 2008–2009 учебный год (4-й класс) можно сделать следующий вывод: в данной группе обнаружены незначительные различия на уровне статистической тенденции эмоциональных особенностей как у детей-заложников, так и у детей-свидетелей.

Полученные статистические показатели в группе свидетельствуют о том, что у всей группы прослеживается незначительная «заморозка» или «консервация» переживаний как у детей-заложников, так и у детей-свидетелей. К 4-му классу отмечается

¹ Маховер К. Проективный рисунок человека: пер. с англ. 4-е изд. М.: Смысл, 2006.

Таблица 1

Методики	Общие критерии (личност. характ-ки)					Специальные критерии		
	Размещение на листе	Размер рисунка	Контур	Эмоциональность	Сюжет	Часть тела, где выделен штрих	Отсутствующие детали тела	Возраст «несущего животного»
«Рисунок человека»	+	+	+	+	+	+	+	-
«Рисунок семьи»	+	+	+	+	+	+	+	-
«Несущее животное»	+	+	+	+	+	+	-	+
«Дом -дерево-человек»	+	+	+	+	+	+	+	-
«Я в школе»	+	+	+	+	+	+	+	-

незначительная динамика, что скорее свидетельствует о затяжной динамике и «заморозке» симптоматики, вероятно, под влиянием социокультурного компонента.

В табл. 2 представлены результаты статистических различий в лонгитюде.

Таблица 2

Класс	Эмоциональность			Тревога			Агрессия		
	1 класс	3 класс	4 класс	1 класс	3 класс	4 класс	1 класс	3 класс	4 класс
Показатели	0,9	1	1,1	1,2	1,3	1,5	1,7	1,8	1,5

ПРОЦЕДУРА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

Для повышения объективности полученных результатов и подтверждения гипотезы о том, что травматический опыт и переживания «замораживают» симптоматику и динамику ПТСР и динамику защитных механизмов, удлинняя острый период

у детей младшего школьного возраста (и заложников, и у свидетелей), нами был разработан особый метод экспертной оценки детских работ. Десяти независимым экспертам (психологам) было предложено оценить 500 детских рисуночных работ (экспериментальных и контрольных групп), выполненных на разных этапах диагностики в целях выявления эмоционального состояния детей проективным методом как показателем наличия травматического опыта в картине мира ребенка-заложника и ребенка-свидетеля.

Каждому эксперту предлагалось определить наличие травматического опыта у респондента, проследить воздействия ПТСР в лонгитюде (симптомы, динамику копинг-стратегии). Баллы: от 0 — отсутствие в рисунке каких-либо симптомов ПТСР (не производит никакого впечатления) до 3 — наличие симптомов, динамики, копинг-стратегии (самое сильное впечатление). Полученное в результате количественной оценки суждений и обработки результатов обобщенное мнение экспертов принимается как доказывающее или опровергающее гипотезу исследования.

1. Представление одного кейса (показываются 5 методик в разные периоды на каждого ребенка).
2. Инструктирование эксперта, пояснение критерия оценки рисуночных работ.
3. Фиксирование в протокол понимания экспертом критерия.
4. Ранжирование экспертом работ по представленному критерию.
5. Предложение экспертом собственного критерия.

Каждому эксперту предлагалось оценить поочередно 3 серии работ, каждый кейс включал 5 рисуночных работ определенной выборки. Все рисунки находились в поле видения эксперта одновременно. В данной выборке работы детей-заложников и детей-свидетелей по группам мы не делили, а предоставили возможность экспертам определить наличие травмы, ребенок заложник или не заложник и поставили главный вопрос — есть ли динамика в общей группе?

КРИТЕРИИ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Экспертная оценка произведений заранее предполагает очень высокую субъективность, поскольку мера вовлеченности эксперта в сопереживание рисуночному изображению соответствует силе выраженности переживания и вовлеченности в работу ребенка-автора. Поэтому каждому эксперту предлагалось проанализировать серию работ, по выявленным нами при анализе нормы критериям.

Собственная интерпретация критерия. Экспертам не давалось полного и развернутого пояснения критериев, а предлагалось высказать свое мнение, которое было зафиксировано в протоколе и в дальнейшем вошло в процедуру выделения экспертных критериев. Пояснения давались к критериям, которые вызвали вопросы или непонимание. Такой подход был задуман в целях разворачивания разных, в первую очередь не замеченных нами аспектов, а также для расширения и возможного изменения постановки критериев (важно было не столько получить ответы, комментарии, объяснения, сколько по-иному сформулировать критерий). У большинства экспертов критерии «общее восприятие рисунка», «дополнительные части образа» и «выделение символических компонентов» вызвали ряд вопросов, а иногда и недопонимание, что проявлялось в обращении с просьбой повторения, а иногда и разъяснения критерия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ

1. Экспертами была выделена группа риска (дети, у которых, по мнению экспертов, прослеживается наличие травматического опыта). В группу риска вошли как дети-заложники, так и дети-свидетели.
2. Экспертами в лонгитюде была выделена группа детей с положительной динамикой. В данную группу вошли как дети-заложники, так и дети-свидетели.
3. Экспертами в лонгитюде были выделены две группы детей с отрицательной динамикой. В данную группу вошли как дети-заложники, так и дети-свидетели.

ВЫВОДЫ

В рамках научного исследования была поставлена цель — изучить и выделить феномены массового ПТСР у детей-заложников и детей-свидетелей террористического акта в Беслане, релевантные для построения адекватной помощи детям и подросткам, вовлеченным в массовые травматические события. В лонгитюдном исследовании (2005–2014 гг.) было описано протекание ПТСР у учащихся школы № 1 (младших школьников). Нами были подтверждены первоначальные гипотезы: консервация «переживаний» в социуме «замораживает» симптоматику и динамику ПТСР и динамику защитных механизмов, удлиняя острый период у детей младшего школьного возраста (и заложников, и у свидетелей); «заморозка» симптоматики удлиняет острый период и затягивает динамику ПТСР у детей младшего школьного возраста (и заложников, и у свидетелей).

Нами был опробован комплект проективных психодиагностических методик, который позволяет выявить эмоционально-личностные аспекты симптома ПТСР и определить дальнейшие пути коррекционной и психотерапевтической работы с ребенком и его семьей. Анализ данных, полученных в ходе сравнения симптоматики и стадий развития ПТСР, позволяет выделить особенности бесланского травматического опыта детей-заложников и детей-свидетелей из общей взрослой картины посттравматического стрессового расстройства.

Выявлена связь между особенностями травматического опыта и феноменологией ПТСР у детей-заложников и детей-свидетелей Бесланского теракта. Совокупность симптомов ПТСР наблюдается как у младших школьников-заложников, так и у младших школьников-свидетелей. У младших школьников-свидетелей симптомы посттравматического расстройства (высокая тревожность, депрессивность, агрессия и ряд соматических проявлений) наблюдаются также, как и у детей-заложников с диагнозом ПТСР.

Последствия воздействия травматического опыта отрицательно отразились на когнитивных процессах (ухудшение работы памяти, снижение внимания и т. д.) младших школьников, особенно выражены эти симптомы в группе заложников, что опосредованно повлияло на индивидуально-личностные особенности детей-свидетелей, при этом возникли симптомы ПТСР.

У младших школьников как заложников, так и свидетелей, находящихся в одних и тех же условиях, «заморозилась» динамика эмоционально-личностного развития. Это, возможно, свидетельствует о том, что травматический опыт социума влияет на протекание динамики ПТСР у детей и усугубляет травматизацию.

Примененный нами диагностический комплект подтвердил свою пригодность для создания адекватной картины внутреннего мира в условиях ПТСР и необходимость создания адресной проективной методики, специально связанной с травматическим событием.

При работе специалистов, помогающих в ситуации детской массовой травмы, важно учитывать влияние социума при построении индивидуальных стратегий коррекции, учитывать местные традиции и культурные запреты, чтобы не усугублять их нарушением и без того сложную ситуацию. Желательно также проводить с населением просветительскую работу.

Лонгитюдное исследование детей Беслана (2005–2015 гг.)

Залина Текоева

Институт психолого-педагогических проблем детства РАО

Дети — наименее защищенная и наиболее ранимая категория нашего общества. Среди общего числа людей, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), большой процент приходится на детей. После трагических событий 2004 г. в Беслане официально на учете у психиатров стояли около одной тысячи детей с этим диагнозом (треть детского населения города), среди них были как сами участники травмирующих событий, так и вторично травмированные — наблюдатели, родственники, друзья и соседи.

Реакция ребенка на травматическое событие зависит от тяжести ситуации, специфики травмы, возраста и психофизиологических особенностей организма пострадавшего, навыков, которые он приобрел в овладении трудностями. Реакция детей, переживших психологическую травму в результате теракта, считается наиболее тяжелой, так как вызвана умышленными действиями людей и сопровождается реальной угрозой жизни и здоровью ребенка и его близких. Психологические послед-

ствия этого стресса, в крайнем своем проявлении, выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве и возникают как затяжная или отсроченная реакция на ситуацию¹.

Описывая клиническую симптоматику, специалисты на сегодняшний день оперируют рядом критериев, установленных в МКБ-10. Синдром ПТСР и сама психотравма в целом приводят к дестабилизации развития ребенка, стойким изменениям его психического состояния, а также его личности. Такие изменения часто могут наблюдаться у детей, так как они, в отличие от взрослых людей, находятся в состоянии когнитивного, эмоционального и социального развития. Согласно фактам, описанным в литературе, если взрослые испытывают обычно страх, ужас, чувство беспомощности, то у детей чаще наблюдается дезорганизованное поведение. У взрослых присутствуют частые травмирующие воспоминания, а дети повторно играют в трагические события. Взрослые видят кошмарные сны, связанные с психотравмой, а у детей сновидения порой имеют другие сюжеты, но насыщенные отрицательными эмоциями.

Такое состояние может быть причиной нарушения отдельных зон психофизического развития детей и взрослых. Причем это может быть как у самих жертв, так и у свидетелей, косвенно соприкоснувшихся с терактом (у которых кто-либо из семьи, друзей, знакомых погиб в теракте или был в заложниках) либо информационно вовлеченных в событие людей. Именно это мы и наблюдали в ходе продолжительной работы с бесланскими детьми младшего школьного и подросткового возраста.

На протяжении последних десяти лет состояние этих детей колеблется от минимальных воздействий на их психику до диаметрально противоположных негативных реакций. Для оказания своевременной психологической помощи, выделения группы риска, а также проведения комплексной реабилитационной работы ежегодно большая часть детей, находившихся в заложниках, а также детей-свидетелей тестировались при помощи серии проективных рисуночных методик. В дальнейшем материалы легли в основу лонгитюдного исследования, основная цель которого — изучение динамики развития детей с ПТСР. Результаты и выводы представлены в данной статье.

¹ Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001 С. 20.

Итак, с 2005 по 2015 г. дети школы (без номера) города Беслана, в которой обучается большая часть бывших заложников, ежегодно исследовались с помощью проективных рисуночных тестов: «Человек» (К. Маховер), «Семья» (описание Х. Хоментаскаса), «Человек—дом—дерево» (Дж. Бук), «Несуществующее животное», (М. Дукаревич), «Я в школе, я по дороге в школу, я по дороге из школы» (модиф. В. В. Бروفман). Также был использован метод включенного наблюдения и беседы по рисункам. В исследовании принимали участие дети младшего школьного и подросткового возраста, из которых заложники (около 200 детей), дети-свидетели, которые проявляли схожую с заложниками симптоматику ПТСР, при этом к травмирующей ситуации имели косвенное отношение (около 500 детей). Всего за лонгитюдный период мы получили 1305 пакетов рисуночных тестов, где на каждого ребенка приходится от трех до семи раз участия в тестировании.

Полученный диагностический материал подвергался количественному и качественному анализу. Обработка результатов проходила поэтапно, в зависимости от задач исследования, обусловленных временными запросами, в том числе, администрацией школы (выделение группы риска, необходимость организации индивидуального маршрута обучения некоторых детей и т.д.).

Для анализа обработки лонгитюдных данных из общего количества была отобрана рандомизированная группа, которую составили дети, участвовавшие в эксперименте наибольшее число раз (от пяти и выше). Всего 20 человек, из которых 10 — заложники (группа № 1), а 10 — свидетели (группа № 2).

Цель исследования состояла в изучении динамики эмоционально-личностного развития детей с ПТСР. Были поставлены следующие задачи:

- изучить возрастные изменения в эмоционально-личностной сфере детей с ПТСР;
- проследить динамику развития детей с учетом их вовлеченности в травмирующее событие («заложники» и «свидетели»);
- выявить специфику влияния психотравмы на динамику психоэмоционального развития ребенка в младшем школьном и подростковом возрасте.

Для достижения поставленной цели нами была осуществлена классификация научного и практического материала по исследу-

емым параметрам, среди которых были проявления признаков агрессии, тревожности, страха, экспрессии (напряжения) или, наоборот, астенического состояния. Каждый параметр рассматривался по общей схеме анализа детского рисунка и оценки отдельных маркеров (описанных у А.Л. Венгера) по 3-балльной шкале.

Для достоверности полученных данных оценивание рисунков проходило с помощью экспертной оценки. В ней участвовали 5 специалистов-психологов, имеющих специальные знания и большой опыт работы в области проективных методик, а также работы с детьми с ПТСР.

При обработке данных мы сравнивали группу детей «заложников» и детей «свидетелей». Рисунки 1-го года обследования детей (младший школьный возраст) значительно отличались от последующих своей экспрессивностью, насыщенностью цвета, сильным нажимом и зачерненностью. Они выполнены грязно, с чрезмерной штриховкой. Разница в рисунках детей из групп № 1 и групп № 2 по выделенным параметрам незначительна, что видно из табл. 1.

Таблица 1

Критерии страха		среднее по группе № 1	среднее по группе № 2
		Глаза	1,5
	Волосы	1,34	1,16
	Пуст.	1,06	0,84
	Размер	0,92	1,12
Агрессия		0,54	0,76
Тревожность		1,56	1,52
Уровень экспрессии—напряжения		1,42	1,44
Общее впечатление от рисунков		0,5	0,68
Органические поражения		0,54	0,56
Наличие страха	Рис. семьи	1,48	1,42
	Рис. школы	1,46	1,42

По уровню экспрессии и эмоциональной насыщенности работы обеих групп оценены достаточно высоко. Дети из группы № 1 добавляли в свои рисунки много красных деталей (горящая красная крыша, красные цветы, красные банты), чего не было у представителей другой группы. В обеих группах эксперты отметили нажим (по 4 из 10 детей), штриховку (по 8 из 10), отсутствие стоп и кистей рук у людей (в группе № 1–5 из 10, в группе № 2–3 из 10). Отличительной чертой были некоторые защитные приспособления у детей «не заложников» (цветной зонт), а у «заложников» зачеркивание себя (стирание, исправление). Признаки органических нарушений наблюдались, но были незначительны в первый год обследования (у группы № 1 средний показатель — 0,54 из 2, а у группы № 2—0,56 из 2). Все дети слабо справлялись с общим объемом тестирования, что подтверждает наличие одного из симптомов ПТСР — быстрой утомляемости, недостаточности самоконтроля, эмоциональной напряженности.

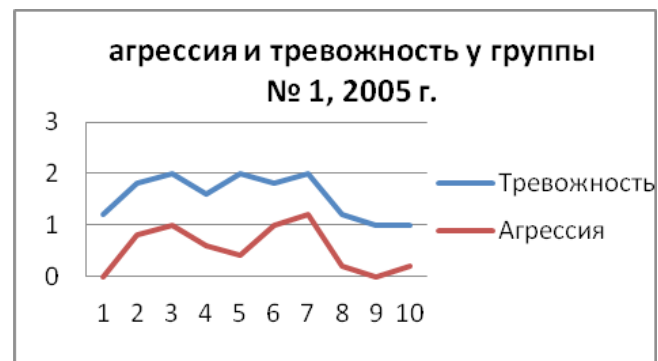
Ригидность в детских рисунках также прослеживалась в обеих группах, но значительнее была у заложников (группа № 1–4 из 10 детей, группа № 2–2 из 10).

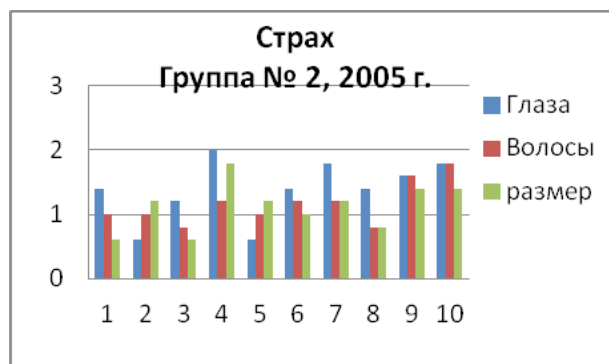
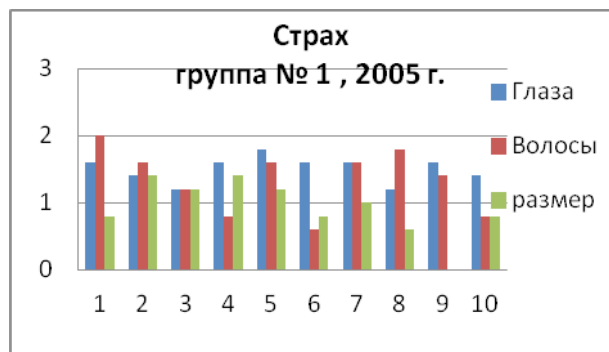
Уровень тревоги в 2005 г. у всех обследуемых детей был достаточно высокий, что естественно для детей с ПТСР в начальный период после травмы. Агрессии проявлялось меньше, но все же наблюдалась в основном у детей «не заложников».

Общее впечатление от работ было отрицательным (среднее по группе № 1—0,5 из 2, а по группе № 2—0,68 из 2).

Страхи в рисунках мы измеряли, выделив общие критерии страха (глаза, волосы дыбом, размер на листе), а также выделяя в каждом пакете рисунков объект страха или иной субъективный критерий. В результате экспертной группой в диагностике 2005 г. у испытуемой группы был оценен высокий уровень страха по всем критериям.

Более глубокое изучение страха в рисунках детей мы провели по материалам тестов «Рисунок семьи» и «Я в школе, я по дороге в школу, я по дороге из школы». Выбор именно этих методик был связан с одной из задач исследования — поиска ресурсной зоны в семье или в школе. В рисунках детей обеих групп наблюдаются высокие показатели (у группы № 1 средний показатель — 1,48 из 2 в рисунке семьи и 1,46 из 2 в рисунке школы, а у группы № 2—1,42 из 2 в обеих методиках).

Для изучения дальнейшего развития детей обеих групп мы сравнивали каждый последующий год с первым, что дало нам возможность проследить динамику в развитии, исходя из первичных показателей тестирования. Здесь важным является определение периода изменений в развитии детей и особенности проявлений этих изменений. Результаты сравнения выводятся в средних показателях в обеих группах по каждому из выделенных эмоциональных составляющих.

Так, тревога у детей из группы № 1 значительно спала, что видно на графике в середине лонгитюдного периода, но возросла к подростковому возрасту.

Выводы

Негативные последствия влияния ПТСР на процесс развития личности ребенка меньше у детей, которые были вовлечены в психотравмирующее событие косвенно, несмотря на схожесть симптоматики в начальный период после травмы. К началу подросткового возраста эти дети входят в норму и развиваются без видимых отличий от обычных детей, что говорит о затухании у них ПТСР.

Развитие в эмоционально-личностной сфере детей, побывавших в заложниках, со временем «консервируется», т.е. нет видимой положительной динамики в улучшении состояния детей, причем к подростковому возрасту переходит в депрессивный фон.

Научная литература

Заказное издание

Векторы развития современной России

«Война миров»: научное знание / прагматика жизни

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Корректор *Т. И. Магала*

Дизайн обложки *Н. А. Кильдишевой*

Верстка *Т. А. Файзуллиной*

Подписано в печать 00.03.16. Формат 60x90/16

Гарнитура PR Serif Pro. Усл. печ. л. 00,0

Тираж 70 экз. Заказ № 000

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119 571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр — тел.: (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

www.ranepa.ru

delo@ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82